

К
А
СССР ИЛИМДЕР АКАДЕМИЯСЫНЫН КЫРГЫЗСТАН ФИЛИАЛЫ
ТИЛ, АДАБИЯТ ЖАНА ТАРИХ ИНСТИТУТУ

КИРГИЗСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

С. М. АБРАМЗОН

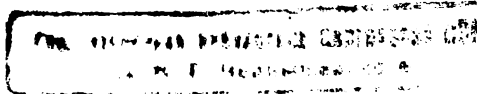
КЫРГЫЗ ЭЛИНИН МАДАНИЯТЫНЫН О Ч Е Р К И

ОЧЕРК КУЛЬТУРЫ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

СССР илимдер Академиясынын Кыргызстан
Филиалынын басмасы
Издательство Киргизского Филиала Академии Наук СССР
Фрунзе: 1946 г.

СССР ИЛИМДЕР АКАДЕМИЯСЫНЫН КЫРГЫЗСТАН
ФИЛИАЛЫНЫН РЕДАКЦИЯЛОО ЖАНА БАСМА ИШТЕР
СОВЕТИНИН ТОКТОМУ БОЮНЧА БАСЫЛДЫ

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ РЕДАКЦИОННО-
ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА КИРГИЗСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

200.00

Ответственный редактор *Д. Ш. Шукуров*

Сдано в набор 6-IV 45 г. Подписано к печати 18-VI 46 г. печатных листов 7³/₄
заказ № 454. тираж 1060+170. Д-02427

Типография КирФАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очерк возник в результате продолжительной подготовительной работы, проведенной автором в связи с оформлением этнографического описания киргизов для предпринятого Институтом Этнографии Академии Наук СССР капитального издания „Народы мира“.

В нашей советской литературе до настоящего времени отсутствует серьезная попытка суммировать имеющиеся в литературе данные о культуре киргизского народа, если не считать крайне поверхностной статьи В. Пятницкого „Киргизы“, помещенной в журнале „Землеведение“ за 1932 год (том XXXIV, в. 3—4). Кроме того некоторые стороны киргизской культуры бегло освещены в работах П. Погорельского и В. Батракова „Экономика кочевого аула Киргизстана“ (Москва, 1930) и П. Кушнера (Кнышева) „Горная Киргизия“ (Москва, 1929), но вопросы культуры имеют здесь вспомогательное значение, подчинены трактовке основной темы.

Литература, посвященная современной культуре киргизского народа, ограничивается почти исключительно рассмотрением киргизского искусства или составляющих его элементов, не затрагивая вопросов материальной культуры, семейно-брачных отношений, литературы и т. п.

Это и побудило автора настоящей работы взять на себя труд составления очерка культуры киргизского народа, в котором, наряду с характеристикой культуры перед Октябрьской социалистической революцией, делается попытка рассмотреть пути и тенденции развития киргизской культуры в советское время.

Большой интерес к культуре братских народов СССР, наблюдаемый в широких кругах советской интеллигенции, а также важность наиболее полного выявления этнографических источников для воссоздания подлинной истории народов нашей многонациональной родины послужили дополнительными стимулами и составлению настоящего очерка.

Киргизы—народ с многовековой историей, наполненной богатейшими социальными и политическими событиями, с древней культурой, впитавшей в себя, в результате длительного общения с высокими цивилизациями, немало культурных ценностей. Они представляют выдающийся интерес для исследователей в различных областях знания. Однако культура этого народа до самого последнего времени не была предметом специального и систематического изучения. Состояние наших знаний о киргизской культуре не позволяет пока с какой-либо полнотой дать

прослеженную в историческом развитии характеристику всех явлений культурной жизни киргизского народа.

Самый поверхностный обзор литературы по этнографии киргизов говорит об отсутствии специальных монографических исследований, базирующихся на большом и проверенном фактическом материале; преобладают журнальные и газетные статьи, значительная часть которых лишь попутно освещает те или иные стороны киргизской культуры; большое место занимают различные по своему размеру и качеству заметки, разбросанные в сборниках, отдельных работах, статьях и т. п. Едва ли наберется десяток отдельно изданных работ, специально посвященных изучению той или иной теме из этнографии киргизов. При этом необходимо иметь в виду, что за небольшим исключением авторами работ, так или иначе касающихся культуры киргизов, являются не специалисты-ученые, а путешественники, этнографы-любители из числа чиновников, военных, врачей, случайные наблюдатели и т. п. В силу этого описания в большинстве случаев носят крайне общий характер, фиксируют отрывочные, изолированные факты, не давая сколько-нибудь отчетливой картины, а тем более прочного фундамента для выводов. В целом ряде книг, статей и заметок лишь с известным усилием можно разобраться в том, какая часть материалов относится к киргизам, какая к казахам, поскольку очень часто описания одновременно касались и тех и других, объединяя их под общим названием киргизов.

Точно так же, вследствие указанных причин, различные стороны культуры освещены чрезвычайно неравномерно; „повезло“ некоторым разделам социальных отношений, религии, фольклору; материальной же культуре в целом, проблеме пережитков первобытно-общинных отношений, семейно-брачным отношениям, пережиткам древних верований и другим проблемам этнографии киргизов посвящено столь мало работ, либо они столь неудовлетворительны, что зачастую мы вынуждены остановиться перед тем или иным „белым пятном“; мы не говорим уже о том, что даже несколько более подробные описания не стоят на необходимом научном уровне с точки зрения их качества и методики.

✓ Основным видом источников для данной работы, при всех выше отмеченных их дефектах, и послужили все сколько-нибудь имеющие значение сведения о киргизской культуре, накопленные почти исключительно в русской литературе за время с начала второй половины XIX века до наших дней.

✓ Наряду с литературой был использован и рукописный материал, в основном предоставленный правительственными и научными учреждениями Киргизской ССР. Среди этих источников отметим, прежде всего, весьма ценную рукопись Н. Х. Калемина „О результатах исследования социальных отношений в ауле—кишлаке Шаркратминской, Эсенгуловской и Чоринской

волостей Нарынского района", оригинал которой хранится в архиве ЦК КП(б) Киргизии. Отличающиеся большой обстоятельностью и убедительностью материалы этой рукописи использованы нами в разделе очерка, посвященном социальному строю киргизов. Из других материалов назовем представленные киргизским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории КирФАН СССР рукописи М. Ауэзова, а также У. Джакишева и Е. Мозолькова об эпосе „Манас“; описание киргизских национальных игр и спорта, полученное от комитета по делам физкультуры и спорта при СНК Киргизской ССР; некоторые ведомственные материалы и т. п.

Особое место среди использованных материалов занимают полевые записи и наблюдения, сделанные в 1938-39 гг. во время поездок по поручению Института Этнографии АН СССР в Киргизскую ССР научных работников О. И. Ивановой—Щацкой и А. Н. Кондаурова. Первая посетила районы северной Киргизии, второй—районы южной Киргизии и Восточный Памир. Значительная часть материалов по современной культуре киргизского народа основывается в данном очерке именно на этих заслуживающих доверия результатах полевых этнографических наблюдений, произведенных работниками.

Автор широко использовал также и лексический материал киргизского языка, представленный в фундаментальном киргизско-русском словаре проф. К. К. Юдахина.

Наконец, в самый текст очерка вкраплены собственные впечатления и наблюдения, как и некоторые материалы, которые накопились у автора данной работы за его пятилетнее пребывание в Киргизской республике, сопровождавшееся общением с живыми носителями старины. Эти впечатления и наблюдения и послужили тем „контрольным аппаратом“, через призму которого производился анализ и отбор материалов из всех остальных источников.

Таким образом, мы подошли к характеристике метода нашей работы. Первым этапом ее был тщательный отбор из довольно большой и неравноценной по качеству груды материалов тех фактов, которые, безусловно, вызывают к себе доверие и наоборот, отсеивание тех из них, которые не внушают по тем или иным причинам полного доверия. Многими из писавших на темы о киргизской культуре использовались довольно часто факты, не заслуживавшие серьезного внимания; перед автором стояла задача ввести в научный обиход фактические материалы, более проверенные и дающие основания для научных выводов. Отобранный фактический материал был объединен и сгруппирован по темам, что дало возможность данные, ранее разбросанные и рассеянные в виде мелких сообщений и замечаний в различных, иногда трудно доступных изданиях, свести воедино и придать им некоторую систему. Сведенный таким образом и подвергнутый критическому анализу материал должен был полу-

чить соответствующее освещение, что и было автором, в меру его сил, сделано для наиболее важных разделов. Так, автор попытался осветить с точки зрения современных позиций марксизма-ленинизма факты социальной жизни киргизского народа, его религиозные представления и др.

Поскольку автор не стремился дать исчерпывающее изложение темы, а ограничил себя написанием лишь очерка киргизской культуры, он, естественно, останавливал свое внимание на самом существенном, на более крупных явлениях и процессах, опуская явления и детали второстепенного порядка. По этой же причине автор не считал для себя возможным подвергать подробному рассмотрению каждый использованный им источник, или вступать в полемику с теми авторами использованных работ, точки зрения которых кажутся для нас неприемлемыми. Это обстоятельство, наряду с крайней фрагментарностью многих источников, предопределило и способ изложения материала. Аппарат в тексте очерка почти полностью отсутствует. Вместо этого список использованной литературы, приложенный в конце работы, дан по главам

✓ Основными частями очерка являются главы III и IV, дающие представление о киргизской культуре перед Октябрьской социалистической революцией и после нее. Глава I—„Собщие сведения“ и глава II—„Краткие исторические данные“ не имеют самостоятельного значения и введены лишь в качестве вспомогательного материала. Они имеют целью помочь читателю ориентироваться во встречаемых им в дальнейшем изложении фактах и выводах, а также дают некоторую историческую перспективу для отдельных явлений культурной жизни киргизского народа.

В некоторых разделах работы использованы материалы, представленные в распоряжение Института Этнографии АН СССР отдельными специалистами. Таковы антропологическая характеристика киргизов, написанная пр. ф. В. В. Гинзбургом, данные о языке и письменности киргизов и о развитии их литературного языка после Октябрьской революции, написанные заслуженным деятелем науки Киргизской ССР проф. К. К. Юдахиним. Раздел народного изобразительного искусства отредактирован и дополнен кандидатом этнографических наук С. В. Ивановым. Ряд уточнений и исторических справок сделан по материалам заслуженного деятеля науки Киргизской ССР доктора исторических наук А. Н. Бернштама. По разделам социалистического строительства и Великой Отечественной войны использованы материалы, собранные кандидатом филологических наук Г. А. Самариним. Всем указанным лицам автор выражает свою искреннюю признательность.

Автор далек от мысли считать свою работу совершенной. Она, несомненно, обладает рядом существенных недостатков, которые он и передает на суд читателя.

I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Самоназвание и название. Племенные деления. Расселение основных племен. Северные и южные киргизы. Этническая принадлежность. Язык и письменность. Антропологическая характеристика. Административное устройство. Численность и расселение киргизов в СССР и за его пределами. Географический очерк страны.

Самоназвание и название Киргизы называют себя *кыргыз*. Несмотря на это, за ними в литературе закрепилось название „дикакоменных киргизов“ (или черных киргизов), а также „дикакоменных киргизов“. Оно отчасти сохранилось и в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с ошибочным применением к соседям киргизов—казахам названия „казак-киргизов“, в литературе очень часто не проводилось никакой разницы между казаками и киргизами, и они рассматривались как единый народ.

Соседние народы называли киргизов также „кыргыз“, калмыки—„бурут“.

Племенные деления В прошлом киргизы подразделялись на ряд племен, которые в совокупности составляли два так называемых крыла: правое *онг* и левое *сол*. По своему происхождению деление на два крыла связано с существовавшей у киргизов в прошлом военной организацией и аналогично такому же делению войск на два крыла (фланга) у монгольских племен. Одно крупное племя—ичкилик—не включалось в эти два подразделения.

К правому крылу киргизы относят следующие племена: саяк, черик, азык, багыш, кара-багыш, басыз, монголдор, бугу, солто, сары-багыш, джедигер и др. (четыре последних объединяются в одну ветвь—тагай). Племена, принадлежащие к этому крылу, населяют преимущественно северные районы республики (бассейн озера Иссык-Куль с прилегающими хребтами центрального Тянь-Шаня, тяньшаньские сырты, долины рек Атбаша, Арпы, Нарына, Джумгала, Сусамыра, Чу и др). Часть этого крыла расселена и в южных районах (Алайская долина, бассейн реки Кара-Дарья и др.).

К левому крылу относят племена кущчуу (кутчу), сару,

мундуз, кытай, теит, найман и др. Они населяют южные районы Киргизии (Ферганская долина, хребты Памиро-Алайской системы), а также долину р. Таласа.*

В пределах Восточного Туркестана живут части следующих племен: теит, найман, кесек, кыргыз-кыпчак, чон-багыш, мундуз, кушчу, ойгут. Племенные различия, хотя и существовали, не были резко выражены. В значительной степени отличались от всех остальных киргизы, живущие в Ферганской долине, в прилегающих к ней горных хребтах и на Памире. Этих киргизов условно можно назвать южными в отличие от северных киргизов, живущих в пределах восточного Тянь-Шаня, в долинах рек Чу и Таласа. В соответствующих разделах работы наиболее существенные из этих различий отмечаются особо.

Этническая принадлежность жат к тюркской группе народов. Их язык является одним из языков тюркской системы. По своим фонетическим и морфологическим признакам он наиболее близок к языкам ойротскому, казахскому, каракалпакскому, ногайскому, татарскому и из древних — к половецкому.

✓ Современный разговорный киргизский язык делится на ряд очень близких друг к другу диалектов. Все киргизские диалекты на территории Киргизской ССР (вне пределов этой республики киргизский язык совершенно не изучен) можно разбить на две основные группы: северную (северная Киргизия) и южную (южная Киргизия). Все диалекты, входящие в северную группу, имеют восемь гласных, а южные — девять (те же, что в северной и еще „э“, т. е. „а“ umlaut“).

Наличие вторичных долгих гласных, которыми киргизский язык отличается от большинства тюркских языков, присуще обоим группам.

В составе согласных южная группа имеет, по сравнению с северной, также излишек в один звук „w“ (губно-губной). Наличие этого звука ведет к различному распределению долгих гласных.

Северная группа, в свою очередь, делится на две подгруппы: 1) „s“ и 2) „z“. В подгруппе „z“ звуки s и z размещаются так же, как и в большинстве других тюркских языков: *кызыл* — „красный“, *ызык* — „горячий“, *кыз* — „девица“, *кыс* — „сжимай“ и т. д., тогда как в подгруппе „s“ эти звуки обычно размещаются в обратном порядке, т. е. z на месте s и наоборот: *кысыл* — „красный“, *ызык* — „горячий“, *кыс* — „девица“, *кыз* — „сжимай“ и т. д.

Южная группа пока изучена очень слабо.

Отмеченное в свое время В. В. Радловым наличие в киргизском языке начального „j“ в настоящее время наблюдается только в единичных случаях. Нормальным для современного киргизского языка является начальный „дж“.

Перечисленные выше фонетические различия столь незначительны, что для говорящих на различных диалектах они мало заметны. Гораздо существеннее (с практической точки зрения) разница в лексике, особенно в части хозяйственной терминологии. Это связано с различиями в хозяйственном укладе северных и южных киргизов, с близким соседством первых—с казахами, вторых—с узбеками и отчасти таджиками.

На прежней родине киргизов, в бассейне р. Енисей, остались надписи на камнях, написанные на одном из тюркских языков и датируемые, примерно, VII веком н. э. Если эти надписи действительно принадлежат киргизам (лингвистически этого пока доказать нельзя), то их можно было бы считать первыми памятниками киргизской письменности. Такие же памятники обнаружены и в современной Киргизии (главным образом в долине р. Таласа). По всей вероятности письменность киргизов была заимствована ими у восточных тюрков и язык для надписей был принят официальный, древнетюркский, а не собственно киргизский.¹

В новейший период своей истории, вплоть до Октябрьской социалистической революции, очень немногочисленные киргизские грамотеи пользовались крайне слабо приспособленным к киргизскому языку старым арабским алфавитом и писали, подражая образцам так называемого чагатайского (древне-узбекского) языка. От этого периода до нас дошли три книги, которые, впрочем, были очень мало известны самим киргизам¹.

Антропологическая характеристика В антропологическом отношении киргизы, как и восточные казахы, представляют собой наиболее монголоидную группу населения Средней Азии. Среди киргизов преобладает южно-сибирский монголоидный тип и, в меньшей степени—центрально-азиатский.²

Киргизы—ниже среднего и среднего роста (вариации средние в пределах 161,1—168,7 см), коренастого сложения. По форме головы они относятся к брахицефалам (головной указатель 84—88), при абсолютно больших размерах головы. Лицо—длинное и широкое, со значительно выступающими скулами. Лоб большей частью широкий, покатый, со средневыступающим надбровьем. Нос довольно крупный, чаще прямой, с невысоким переносьем.

Монгольская складка века встречается нередко, но степень ее распространения в значительной степени варьирует в разных районах.

Пигментация волос и глаз темная, хотя отмечается довольно значительное количество рыжебородых, а также лиц со смешанными (зеленоватыми) оттенками глаз.

¹ Данные о развитии языка и письменности после Октябрьской революции содержатся в IV главе настоящей работы.

Развитие волос на лице и теле слабое.

Среди киргизов отмечается примесь европеоидного элемента, которая, возможно, является более поздней, так как она наиболее выражена в Ферганской долине и менее — в областях Тянь-Шаня.

³ **Административное устройство, ления Киргизской Советской Социалистической численность и Республики.*** Эта республика, занимающая площадь в 196,7 тыс. кв. километров, на севере граничит с Казахской ССР, на западе — с Узбекской ССР и Таджикской ССР, на юге — с Таджикской ССР и на юго-востоке, на протяжении 820 км, — с Китаем. Киргизская ССР — одна из 16 союзных республик. В административном отношении она делится на шесть областей: Фрунзенскую, Иссык-Кульскую, Тянь-Шаньскую, Таласскую, Джалал-Абадскую и Ошскую, в состав которых входит 47 районов.

Столицей республики является город Фрунзе, ранее уездный город Пишпек. В нем родился и вырос виднейший деятель советского государства, полководец Красной Армии М. В. Фрунзе. Население гор. Фрунзе, по данным переписи 1939 г., составляло 92 659 человек.

Из других городов Киргизской ССР необходимо отметить Ош, Джалал-Абад, Пржевальск, Токмак, Нарын. Ныне в города преобразованы также центры угольной промышленности: Кызыл-Кия, Таш-Кумыр и Кок-Янгак.

Киргизов, проживающих на территории СССР, насчитывалось, по данным переписи 1926 г., 762 736 (м. — 399 815, ж. — 362 921). Последней переписью населения 1939 года киргизов в СССР учтено 884 306 человек.

Подавляющее большинство киргизов проживает в пределах Киргизской республики. Наиболее значительная их часть (около 50 %) расселена в пределах Джалал-Абадской и особенно Ошской областей. Среди основного киргизского населения республики более или менее компактными массами проживают русские и украинцы — в Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине и узбеки — в граничащих с Узбекской ССР районах Джалал-Абадской и Ошской областей.

Киргизы живут также на территории названных выше соседних республик. В Казахской ССР, по данным переписи 1926 года их числилось 10,5 тыс., в Узбекской ССР (главным образом в восточных областях республики) — 90,7 тыс., в Таджикской ССР преимущественно в пределах Джиргитальского района, Гармской области, Мургабского района, Горно-Бадахшанской Автономной области, на Восточном Памире — 11,5 тыс.

За пределами СССР киргизы живут, главным образом, в Синь-Цзяне (Западный Китай или Восточный Туркестан), в местностях Аксу, Уч-Турфан, Хотан и, в особенности, в Кашгаре.

По некоторым данным, киргизы живут в небольшом количестве на севере Афганистана и в ближайших к Советскому Памиру горных странах Северной Индии. Точных данных о количестве киргизов вне границ СССР не имеется.

Географический очерк страны Все населенное киргизами огромное пространство как Киргизской ССР, так и за ее границами представляет собою горную страну, пересеченную высочайшими хребтами Тянь-Шаньской и Памиро-Алайской систем и отчасти Гиндукуша.

Основные хребты Тянь-Шаньской системы расходятся веерообразно с востока на запад от горного массива, с вершиной Хан-Тенгри (6 992 м. над уровнем моря), находящегося на границе СССР с Китаем. Наиболее крупные из них: Кунгей-ала-тау, расположенный к северу от оз. Иссык-Куль (средняя высота 4 000 м), Терскей-ала-тау, окаймляющий оз. Иссык-Куль с юга (средняя высота 4 000—4 500 метров), и протянувшийся вдоль границ СССР с Китаем хребет Кок-Шаал. Продолжением хребта Кунгей-ала-тау на запад служит Киргизский (Александровский) хребет. На юго-западе от него тянется Таласский ала-тау.

К юго-востоку от Таласского ала-тау расположен Ферганский хребет, окружающий Ферганскую долину с северо-востока. На юго-восток от этой долины находится Алайский хребет, к которому с запада примыкает Туркестанский хребет. Параллельно Алайскому хребту тянется Заалайский, с расположенным в нем пиком Ленина (7 129 м над уровнем моря). К югу от Заалайского хребта, составляющего границу Киргизской и Таджикской республик, расположено населенное киргизами высокое пустынное надгорье — Восточный Памир, с прилегающими хребтами: с востока — Сары-Кольским, с юго-востока — Мустаг-ата и с юга — Гиндукушем. Дно долин Восточного Памира лежит на высоте от 3 600 до 4 000 м.

На описанном пространстве представлено все разнообразие природы — от вечных ледников до жарких средне-азиатских пустынь. Значительная часть этого пространства заполнена высокогорными долинами (часть из них носит название „сыртов“), покрытыми обширными пастбищами, из которых наибольшей известностью пользуются долины рек Сусамыра, Аксая, Чаткала, Алайская долина и др. Крупное значение в экономике Киргизской ССР имеют ниже расположенные обширные долины (Чуйская, Таласская, Ферганская, бассейн оз. Иссык-Куль), в которых находятся районы с высоко-развитой земледельческой культурой.

В пределах Тянь-Шаня берут свое начало реки, играющие большую роль в народном хозяйстве среднеазиатских республик: Нарын и Кара-Дарья, после слияния получающая название Сыр-Дарья, а также Чу, Талас, Сох, Исфара, Кызыл-су и др. Воды их используются для орошения плодородных почв — сероземов. Из озер наибольшей известностью пользуется большое горное не-

замерзающее зимой озеро Иссык-Куль (1624 м. над уровнем моря), затем высокогорные озера Сон-Куль и Чатыр-Куль.

В Киргизской ССР за последние годы выявлены огромные ресурсы различных полезных ископаемых. До 75% всех среднеазиатских запасов каменного угля сосредоточены на территории Киргизии. Здесь открыты крупные месторождения нефти, цветных металлов (олова, свинца, цинка, меди и др.), редких элементов. В различных районах встречаются залежи серы, асбеста, минеральных красок, цветных камней и т. п.

Соответственно рельефу страны, климат большинства ее долин носит резко континентальный характер, отличаясь довольно резкими колебаниями температуры, жарким летом и суровыми зимами, скудными осадками, малой влажностью и большой испаряемостью. Климатические условия в различных районах неодинаковы. Так, например, средняя годовая температура в долине р. Чу (г. Фрунзе) составляет $+9,3^{\circ}$; в городе Пржевальске (1675 м над уровнем моря) $+6,4^{\circ}$; в г. Нарын (2015 м над уровнем моря) $+2,9^{\circ}$, а в Мургабе (Восточный Памир)— $-1,2^{\circ}$. Суточное колебание температуры достигает иногда нескольких десятков градусов.

Растительность этой горной страны чрезвычайно разнообразна и может быть разбита на несколько зон: пустынную, полупустынную зону с ее полынно-ковыльной растительностью, которой в Фергане и Памире соответствует пырейная полупустыня, зону сухих или типчаково-ковыльных степей, зону лугов с богатыми травами и распространенными в ней зарослями кустарников—шиповников, жимолости, боярышника и др. Эта зона замечательна расположенными в ней (на юге Киргизии) лиственными лесами, состоящими из грецкого ореха, яблони, клена, алычи (дикая слива) и т. п. Из них наибольшей известностью пользуются леса в долине Арсланбоб, Джалал-Абадской области. В этой же зоне встречаются заросли древовидного можжевельника—арчи.

Большое народно-хозяйственное значение имеют две наиболее высоко расположенных зоны—субальпийских и альпийских лугов, в которых сосредоточены мощные кормовые ресурсы социалистического животноводства. В этом же поясе находятся на востоке республики несколько напоминающие тайгу хвойные леса, в которых главное место принадлежит тяньшаньской ели, достигающей иногда высоты в 50 и более метров.

На Восточном Памире растительность крайне скудная. Характерным для него растением является полукустарник солянка-терескен.

Животный мир Киргизии представлен многочисленными видами, из которых отметим хищников: тяньшаньского медведя, снежного барса, волка, рысь, лисицу; в елово-пихтовых лесах водятся косули, благородные олени—маралы, еще выше встре-

чаются горные козлы, горные бараны—архары (последние особенно распространены на Памире). В горных долинах и тугайных зарослях широко распространены кабаны. Из грызунов представлены горностай, барсук, сурок, суслик и др. Среди птиц надо отметить снежных грифов, орлов, ястребов, горных „индеек“ (улар), горных куропаток, дроф, фазанов, большое количество водоплавающих (гуси, утки).

Рыбы, населяющие водоемы и реки Киргизии, принадлежат к нескольким видам: маринка, сазан, усач, чебак и др.

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Первые известия о киргизах. Киргизы в VI—IX в. в. Культура киргизов в этот период. Их связи с другими народами. Монгольский период в истории киргизов. Данные об этногенезе тяньчаньских киргизов. Борьба киргизов за свою независимость в XVI—XVII в. в. Судьба енисейских киргизов. Джунгарский период в истории киргизов. Роль киргизов в политической жизни Восточного и Западного Туркестана. Киргизы и Кокандское ханство. Сношения киргизов с русскими. Присоединение Киргизии к России. Колониальная политика царизма и ее влияние на общественно-экономический уклад киргизов. Национально-освободительное движение. Восстание 1916 года.

История киргизского народа стала предметом систематического научного исследования лишь в самое последнее время. Основными источниками, которыми до настоящего времени пользуются для освещения древнейшего периода истории киргизов, являются официальные китайские летописи и материалы археологических раскопок. Принято считать, что первым по времени известием о киргизах является упоминание в труде китайского историка Сы-Ма-Цяня о подчинении хуннами царства Гэ-гунь в 201 г. до нашей эры. Название Гэ-гунь, встречающееся позднее в форме Гянь-гунь, историки отождествляют с названием кыргыз. Страна Гянь-гунь находилась в бассейне верховьев реки Енисей, известной в то время под названием Кем, и, возможно, несколько захватывала область к югу от Енисея. Из истории китайской династии Тан (618—907) известно, что один из китайских полководцев Ли-лин, перешедший в 99 г. до нашей эры на службу к хуннам, получил от них во владение страну Хягас (так при династии Тан писалось слово кыргыз). Кроме этих известий, вплоть до VI века нашей эры, исторические источники ничего не упоминают о стране под упомянутыми выше названиями.

В связи с описанием тюркских племен, появившихся в VI веке на обширных пространствах Азии и известных под названием „ту-кю“, в истории династии Тан говорится о подчинении западно-тюркскому правителю Ду-лу в 638 году народа гэ-гу (это название также сближают с кыргызами). Повидимому, одновре-

менно другая часть страны Хягас находилась в зависимости от восточной ветви тюрков, господствовавшей в восточной Монголии.

¶ Некоторые сведения о киргизах содержатся в надписях на камнях, известных под названием енисейско-киргизских и орхонских (открыты на р. Енисее и р. Орхоне, притоке Селенги). В них, в частности, сообщается, что восточно-тюркским правителям—каганам—пришлось вести борьбу с киргизами. В результате последовавшего соглашения киргизский предводитель Барс-бег был признан каганом и за него была выдана замуж дочь тюркского кагана Ильтереса. Борьба тюрков с киргизами продолжалась почти до полного поражения тюрков-огузов и перехода их владений к уйгурам (745 г.). В течение этого времени киргизы поддерживали тесные сношения с Китаем, неоднократно снаряжая к китайцам посольства и образуя с ними коалицию в борьбе против тюрков. Пространство, населенное киргизскими племенами, простиралось в этот период от верхнего Енисея по Туве и до Байкала. Южная граница киргизов достигала Восточного Туркестана.

¶ После ряда столкновений с киргизами уйгурам удалось в 758 г. покорить их. Однако и после этого киргизы продолжали оказывать уйгурам сопротивление, причем китайцы указывают, что киргизы обладали большим могуществом—у них было до 80 000 вооруженных луками воинов. В 840 г. борьба киргизов с уйгурами закончилась поражением последних и взятием их столицы на Орхоне. Часть уйгуров подчинилась киргизам, другие ушли на юг. Между прочим, в качестве соседей и союзников киргизов в этот период и позднее постоянно упоминаются карлуки—племена, занимавшие господствующее положение в северной части Тянь-Шаня со второй половины VIII и почти до середины X в.

¶ В описываемое время (VII—IX в. в.), как сообщают китайские источники, киргизы занимались не только скотоводством, но и охотой, и земледелием. Они разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей и верблюдов. Охотились на маралов, лосей, коз. Сеяли просо, ячмень и пшеницу. У них было свое металлическое производство. Жили в войлочных юртах, питались преимущественно мясом и кобыльим молоком. Одевались в бараньи тулупы, носили войлочные шляпы. Женщины носили одежду из шерстяных и шелковых тканей. Предводитель киргизов, известный под названием ажы (ср. кирг. *ажа*—старшой), зимой носил соболью шапку, летом же шляпу с коническим верхом, с отороченными краями и золотым ободком. Перед его домом стояло знамя. Войско собиралось из всех киргизских родов. На войне пользовались луком и стрелами. Для предохранения от стрел и сабельных ударов ноги, руки и плечи прикрывали небольшими деревянными щитами. Подчиненные киргизам племена платили им дань соболями и бѣлками. У киргизов была своя

письменность. Исчисление времени велось по двенадцатилетнему животному циклу. По религии киргизы были шаманистами, покойников своих сжигали, оставшиеся после сожжения кости через год зарывали в землю.⁶

✦ Китайские сведения о киргизах дополняются персидскими и арабскими источниками IX—XI в. в. В них сообщается, что киргизы кочуют со своим скотом, у них нет ни деревень, ни городов, едят они просо, рис и всякое мясо (кроме ворблюжьего). Приводятся сведения о почитании огня и планет Сатурна и Венеры, о наличии дома богослужения и молитв, при совершении которых киргизы обращаются к югу, о существовании у них трех годовых праздников.

✦ По степени своего культурного развития киргизы стояли, повидимому, выше своих северных и восточных соседей.⁷

✦ Победив уйгуров, киргизские племена продвинулись на восток, заняв территорию Монголии. Их влияние распространилось до западного Тянь-Шаня. Они продолжали поддерживать дружественные отношения с китайской династией Тан, посылая в Китай посольства, вели торговлю с тибетцами, карлуками и арабами. Повидимому, достигли они соглашения и с уйгурами, жившими уже в Восточном Туркестане, от которых к ним приходили караваны. Из страны киргизов вывозилось много мускуса, высоко ценившегося в мусульманских странах, большое количество мехов, березовое дерево и рог.⁸

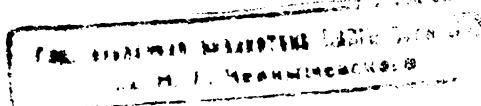
✦ Центром складывавшегося киргизского государства являлась Минусинская котловина и территория, занимаемая современной Тувинской автономной областью. Киргизское государство возникло при наличии еще весьма сильных пережитков родового строя и племенных связей. Это была пора наивысшего расцвета политического могущества киргизов.⁹

✦ В начале X века господство киргизских племен в Монголии было утрачено, перейдя к киданям (или кара-китайам), племенам тунгусо-маньчжурского происхождения, которые в 924 году совершили из северного Китая поход в Монголию. Часть киргизов, вероятно, осталась при кара-китаях в Монголии. Однако в течение пяти веков исторические источники упоминают о киргизах главным образом в связи с их прежней родиной, находившейся на Енисее, к северу от Саянского хребта.

С возвышением Чингиз-хана и завоеванием им Средней Азии и Монголии роль киргизов в политической жизни соседних стран снова возрастает. В 1207 году Чингиз-хан отправил к киргизам послов с требованием покорности. Предводители киргизских племен Еди-инал и Урус-инал отправили к Чингиз-хану ответное посольство с изъявлением покорности. Однако киргизы не только остались независимыми, но в 1218 году вступили с монголами в войну. Спротивление киргизов было, очевидно, настолько сильным, что Чингиз-хан оказался вынужденным послать против киргизов войско под начальством старшего сына—Джучи-хана.

В этой войне киргизы потерпели поражение. Страна киргизов, вместе с Китаем и Монголией, вошла в состав владений младшего сына Чингиз-хана—Тулуя. Участия в монгольских завоеваниях киргизы, повидимому, не принимали.

О судьбе киргизов XIV и XV в.в. в имеющихся источниках нет никаких сведений. Новые сведения о них появляются лишь в связи с событиями начала XVI века, но на этот раз относятся уже к киргизам, живущим в пределах Тянь-Шаня. Как попали киргизы на Тянь-Шань и имеют ли они прямое отношение к енисейским киргизам—остается до сих пор вопросом, окончательно не решенным,* хотя имеются свидетельства о проникновении на территорию Тянь-Шаня еще в 47 г. до н. э. части племен цзянь-кунь, вместе с центрально-азиатскими племенами—гуннами и сяньби сформировавших древние киргизские племена.* Очевидно, в период VIII—X в. в. происходило передвижение киргизских племен на Тянь-Шань.* В одном персидском источнике X века (Худуд-ал-Алем) упоминается о киргизах на Тянь-Шане. Аналогичные указания имеются у Истахри. Анализ имеющихся источников позволяет с большой долей уверенности поддерживать высказанное Аристовым предположение о том, что значительное количество киргизских племен населяло Тянь-Шань еще задолго до начала XVI в.* За это говорят следующие факты. Часть страны Хягас, т. е. киргизов, уже в VII в. входила в состав владений западных тюрков, занимавших северный Тянь-Шань, в IX веке енисейские киргизы соседят и находятся в оживленных сношениях с карлуками и другими племенами, занимающими территорию Тянь-Шаня. Можно допустить, что уже в эту эпоху, при подвижности кочевых племен и интенсивности процессов ассимиляции, часть енисейских киргизов, постепенно передвигаясь к югу, оказалась в пределах Тянь-Шаня. Некоторое число киргизов проникло в северную часть Восточного Туркестана и, вероятно, на Тянь-Шань в тот период (X в.), когда киргизы были вытеснены кара-китаями из Монголии. Наконец, в начале XV в. в. восточную часть Тянь-Шаня, занятую в то время монголами, вторгаются языческие ойроты или калмыки, являвшиеся южными соседями енисейских киргизов. Вполне возможно, что и среди них находились некоторые киргизские племена, по тем или иным причинам оставшиеся в пределах Тянь-Шаня после ухода основной части калмыков в 1470-х годах в свою страну. И до и после этого при господстве монголов происходили непрерывные перемещения различных племен. Можно поэтому предполагать, что среди населения Тянь-Шаня был вкраплен ряд киргизских племен. Не случайно название неизвестного племени бекрин или мекрин, из которого происходила мать одного из монгольских ханов Хайду, правившего во 2-й половине XIII в. на территории Тянь-Шаня, совпадает с названием одного из киргизских родов багрин. Об этом горном племени Рашид-Ад-дин говорит, что

они „не монголы и не уйгуры“. Физический тип киргизов и значительное количество у них таких родовых и племенных названий как монголдор, могол, монгуш—напоминают о весьма близких этногенетических связях киргизов с монголами. В состав сформировавшихся в пределах Тянь-Шаня киргизских племен в качестве весьма значительной части вошли, наряду с остатками ранее живших там племен, не только группы енисейских киргизов и монголов, но и родственников киргизам племен Алтая. В пользу такого утверждения говорит наличие у киргизов и племен Саяно-Алтая совершенно аналогичных родовых и племенных названий, а также существенная близость современных киргизского и ойротского (алтайского) языков.

Таким образом в длительном процессе сложения киргизской народности участвовали различные этнические элементы. Почти полное отсутствие сведений о тяньшаньских киргизах до XVI в. можно объяснить тем, что киргизские племена, населявшие в числе других племен Тянь-Шань, в этот период, повидимому, не играли там заметной политической роли.

Плодотворные исследования советских археологов, и в особенности работы, проведенные в последние годы под руководством А. Н. Бернштама, вскрыли довольно отчетливо картину богатой культуры, развивавшейся на территории современной Киргизии. В этой культуре переплетались влияния высоких цивилизаций Востока и Запада. Принимая ту точку зрения, что киргизы являются в известной степени потомками племен, населявших Тянь-Шань в древности и в средние века, мы можем установить и преемственность их культуры с культурами этих племен. В скотоводческой культуре киргизов можно усматривать продолжение кочевых традиций древних насельников Тянь-Шаня—саков, усуней, тюрков. В земледельческой культуре киргизов, несомненно, оставила свои следы широко развитая земледельческая культура иранского населения Тянь-Шаня—согдийцев, с их искусными ирригационными сооружениями и техникой обработки земли. В вооружении киргизов повторяются элементы военной техники усуней и тюрков.

В прикладном изобразительном искусстве киргизов явственно обнаруживаются элементы орнамента согдийцев и тюркского населения Тянь-Шаня VIII—XII в. в. Таким образом, киргизы выступают перед нами не только как участники создававшихся на Тянь-Шане культурных ценностей, но и как продолжатели традиций культурной жизни населения Тянь-Шаня, сохранившие ее следы в своей материальной культуре и в народном творчестве.

Территория, ныне населяемая киргизами, входила в XVI веке в состав страны, носившей название Могулистана. В труде на персидском языке „Тарихи Рашиди“, при описании междоусобиц между наследниками монгольского хана Ахмеда, упоминаются киргизы, которых враждующие стороны признали виновниками происходивших в Могулистане смут и большую часть их

перебили, Оставившимся было разрешено кочевать на южной стороне Иссык-Куля. В 1514 году киргиз Мухаммед оказал большие услуги монгольскому хану Султан-Саиду в завоевании Кашгарии. За это он был награжден подарками и отправлен в Могулистан, где ему подчинились все киргизы. Под предводительством Мухаммеда киргизы стали совершать набеги на Сайрам, Туркестан и Ташкент. В 1524 году в страну киргизов пришел казахский хан Тахир, к которому присоединилась большая часть киргизов, а в 1526 году монголы покинули Тянь-Шань, угнав с собой 100 тыс. киргизских овец, после чего Тахир увел в себе и остальную часть киргизов. Некоторое время киргизы и казахи имели общих ханов, но затем стали выступать самостоятельно. Уже в 1558 году киргизы угрожали Кашгару, а казахи—Ташкенту, не составляя, очевидно, единого политического целого. На протяжении XVI и почти всего XVII в.в. киргизам пришлось вести борьбу за свою независимость с монгольскими, узбекскими и уйгурскими ханами. Их мужество признавали даже враги. «Недаром современники называли киргизов „дикими львами Могулистана“. Они принимали также живейшее участие в междоусобной борьбе различных ханов друг с другом, захватывая на короткое время Кашгар и Яркенд. В этот период киргизов не признавали еще мусульманами, хотя, как мы видели выше, отдельные их предводители исповедывали ислам. По описаниям того времени, они жили в трудно доступных местах, в случае нападения врагов отсылали свои семьи в глубь гор и сами защищали проходы. Ханов у них не было, были только беки.

«Несколько по-иному сложилась судьба той части киргизов, которая осталась на Енисее. Сведения о них содержатся в русских архивах, так как при завоевании русскими Сибири в XVII в. они столкнулись с киргизами, составлявшими в то время четыре княжества: Тубинское, Езерское, Алтырское и Алтысарское. Главою всей киргизской земли считался князь Немек. Киргизы занимались, согласно этим сведениям, охотой и скотоводством, посевов у них не было. Несмотря на попытки русских покорить киргизов, до конца им этого сделать не удалось. Вследствие вероломства и жестокости воевод, киргизы оказались не раз обманутыми и вступали поэтому попеременно в союз то с монголами, то с калмыками, ведя упорную борьбу с русскими. В начале XVIII в. часть киргизов, в количестве 2500 семейств, была уведена из южной Сибири калмыками, и с тех пор имя киргизов в Сибири не упоминается. Однако есть данные полагать, что отдельные группы киргизских племен остались в пределах своего прежнего местообитания и, утратив свое самоназвание, язык и бытовой уклад, вошли в состав племен, консолидировавшихся ныне под именем хакасов в пределах Хакаской Автономной области.

В конце XVII в. усиливается Джунгарское или ойротское

государство, и в 1680-х годах тяньшаньские киргизы оказываются под властью калмыков (ойротов). При этом большая часть киргизов, повидимому, была вытеснена калмыками и ушла в Фергану, Памир и Алай, а также отчасти в Кашгар. Обратное из Ферганы на Тянь-Шань часть киргизов вернулась только после разрушения ойротского государства в 1758 году китайцами, истребившими огромное количество калмыков.

Киргизы, жившие в Кашгаре, так же как и тяньшаньские и ферганские, принимали большое участие в различных политических событиях. Особенно активную роль они играли в междоусобной борьбе между так называемыми белогорскими и черногорскими ходжами, в Восточном Туркестане. В середине XVIII века киргиз Кубат-мирза был назначен хаким-беком г. Кашгара. Китайцы, разрешив киргизам кочевать в местах, оставшихся свободными от калмыков, считали их своими подданными и ежегодно посылали к киргизам отряды для сбора дани в размере от каждых 100 лошадей и крупного рогатого скота—одна голова и от 1000 овец—одна. Отряды сопровождали купцы. Несмотря на это, киргизы считали себя независимыми. Больше того, из-за недостатка скота в Восточном Туркестане китайцы сами находились в известной зависимости от скотоводов-киргизов, вступая с ними в оживленный обмен. В китайском сочинении того времени киргизы описываются как отважный и храбрый на войне народ. О них говорится, что киргизы бреют голову, не едят свиного мяса, платье носят с узкими рукавами, шапки квадратные с плоским верхом, своих старейшин называют биями; каждое племя имеет своего бия; знание их передается по наследству.

• Между казахами и киргизами в этот период происходят частые столкновения из-за пастбищных территорий. В 1770 году казахский хан Аблай нанес киргизам в Чуйской долине сильное поражение, захватил у них большую добычу и пленных. Свои набеги на киргизов казахи совершали большей частью в период выхода киргизов на полевые работы. Киргизы защищались с большим ожесточением, неоднократно нанося казахам большой урон.

✓ В начале XIX века киргизам приходится вступить в борьбу с новым врагом. Возникшее в Фергане Кокандское ханство избирает киргизские земли одним из главных объектов своей захватнической политики. Киргизы оказывают кокандцам упорное сопротивление. Последние, постепенно продвигаясь на Тянь-Шань, строили ряд военных укреплений: в Торуз-Торау, Кетмень-Тюбе, Куртке, Джумгале, Кочкорке, Карабалты, Аксу (Беловодске), Пишпеке, Токмаке, Барскоуне, Караколе и т. д. Созданные укрепления имели задачей служить опорными пунктами колонизации края, охранять от нападений торговые караваны, обеспечивать сбор податей. Везде многих крепостей возникли узбекские оседлые поселения.

Кокандцам удалось в незначительной степени подчинить себе киргизов, и то лишь пользуясь их раздробленностью и межплеменной борьбой. Кокандцы регулярно собирали дань только с нескольких племен (солто, саяк, кытай и др.); бугу и сарыбагыши лишь номинально входили в состав ханства, оставаясь фактически независимыми; черики и багыши не подчинялись кокандцам и вносили подати китайцам, но управлялись самостоятельно. Памирские, бадахшанские и каратегинские киргизы отчасти были подвластны Бухаре, Кундузу и Коканду, отчасти считали себя свободными. Ферганские киргизы считались подданными Коканда и имели такие же обязанности и права, как и узбеки. В тех горных районах, где власть кокандцев имела значение, она держалась исключительно на их военной силе. Насколько непрочно чувствовали себя кокандцы в Киргизии, говорит тот факт, что гарнизоны крепостей не рисковали уходить далеко в кочевья, отсиживались в крепостях, а для сбора податей кокандцам приходилось весной и осенью снаряжать иногда довольно внушительные военные отряды.

Основными видами податей, которые взимались кокандцами с киргизов, признававших их власть, являлись подымный сбор по овце с юрты— *тюлюк-закет*, сбор по одной голове скота с 50, иногда с 40 и даже с 20 голов—*алал-закет* и сбор с земледельцев по 3 овцы с гумна—*харадж*. Собиралась и военная подать в размере 3-х овец с юрты. Кроме того киргизы обязаны были снабжать хлебом гарнизоны, давать скот на продовольствие не только хана, но и его двора, кормить сборщиков податей, в случае надобности выставять всадников в ханские войска и т. п. Киргизы, считавшиеся подданными Коканда, обязаны были служить в войсках. Тяжесть податей усугублялась злоупотреблениями и поборами со стороны сборщиков. Для несения полицейской службы кокандцы имели в каждом киргизском роде чиновников из киргизов—*иль-беги*, которые кочевали вместе с аилами (аулами) киргизов.

На многих этапах истории Кокандского ханства киргизы принимали активное участие в политической жизни ханства, оказывая на нее значительное влияние.

Большую помощь кокандцам в сохранении господства над киргизами оказывала киргизская феодально-родовая знать в лице мананов и биев, которым кокандский хан раздавал различные чины и должности как в войсках, так и в гражданском управлении. Киргиз Алим-Бек, имевший звание датха, занимал должность первого министра при хане. Своими войсками киргизы не раз выручали кокандцев во время войн с китайцами, Бухарским ханством и т. д. Захват киргизских земель под узбекские земледельческие поселки, беззастенчивая эксплуатация со стороны купцов, скупавших за бесценок сырье и скот, разорительные поборы и повинности—вот что принесло киргизам кокандское владычество. Неудивительно, что киргизы системати-

чески восставали против кокандской власти. Так, в 1843 году киргизы выгнали кокандцев из укреплений в Караколе, Барскоуне и Конур-улене; в 1845 году кокандцы вынуждены были оставить ряд других укреплений. Довольно крупные волнения среди киргизов происходили в 1870—71 г. г. Независимость от кокандцев одного из самых сильных в то время племен—сары-багыш—нашла свое отражение в том, что у сары-багышей существовали элементы собственной политической организации; во главе сары-багышей стоял хан Ормон, ему подчинялись частично, кроме сары-багышей, племена саяк и бугу.

Сношения тяньшаньских киргизов с русскими начались еще в конце XVIII века. В 1786 году киргизским бием Атеке ко двору Екатерины II было отправлено посольство, вернувшееся с подаренными бию 800 руб. серебром¹.

С 1814 года начались сношения с русскими биев племени бугу, посылавших своих представителей к русским властям в Сибирь. Русские власти награждали биев чинами, медалями и оружием. В 1847 году произошла последняя жестокая битва киргизов с казаками, которые, во главе с известным султаном Кенисары Касымовым, восставшим против русских, напали на киргизов в Чуйской долине. В этой битве киргизы, под предводительством манапов Ормона Ниязбекова, Джаантая Карабекова и Джангарача Ишанходжина, нанесли казакам полное поражение; Кенисары был захвачен в плен и убит. После этого Ормон и Джаантай вступили в сношения с русскими и получили от них награды. В 1855 году выразил русским свою покорность глава племени бугу—Бороомбай. На Иссык-Куль был прислан русский отряд. В 1860 г. русские разбили 20-тысячное кокандское войско на Узун-агаче, а в 1862 году, с завоеванием крепости Пишпек, была присоединена к России вся Чуйская долина. В этом большое содействие русским войскам оказал сары-багышский манап Джаантай, принявший со своим родом русское подданство. В течение последующих лет, примерно к 1865—67 г. г., постепенно были присоединены другие киргизские племена северной Киргизии, а в 1875 году, с покорением Кокандского ханства, была присоединена к России почти целиком территория, населенная киргизами. Переход большинства манапов на сторону русских был умело использован русскими войсками, которым удалось сравнительно без больших жертв присоединить к России огромную страну. Этому способствовала также обособленность киргизских племен, находившихся между собою в постоянной борьбе за пастбища, призимовочные территории и т. п. Такой была, например, длительная борьба на Иссык-Куле между племенами бугу и сары-багыш. Было бы, однако, неправильно делать вывод, что киргизский народ не оказывал никакого со-

¹ Из рукописи „О диких черных или закаменных киргизцах“, хранящейся в архиве Отдела Средней Азии Института этнографии АН СССР, за № 29.

противления русским войскам. Продолжая борьбу с кокандской властью, народные массы не хотели в то же время добровольно подчиниться новым пришельцам. Любовь к свободе и независимости проявилась в вооруженной борьбе с царскими войсками, которую вели отдельные роды племен сары-багыш, саяк и др. Крупное сражение сары-багышей с казачьим отрядом произошло в 1856 году в Чуйской долине, в местности Джилгын-баши; на отряд капитана Проценко в 1865 году напало 3000 сары-багышей и саяков. Упорное сопротивление войскам царского правительства в период покорения Кокандского ханства со стороны алайских киргизов носило характер настоящей войны за независимость. Крупную роль в организации этого сопротивления сыграли сыновья известной „алайской царицы“ Курманджан-датха, стоявшей во главе значительных масс ферганских киргизов.

◀ Присоединение к России населенных киргизами районов привело к глубоким изменениям в политической, экономической и социальной жизни киргизского народа. Оно имело своим последствием прекращение непрерывных военных столкновений между киргизами и казахами, а также между отдельными киргизскими племенами и родами. Было запрещено также рабство, существовавшее среди киргизов.

◀ Царское правительство в первые годы управляло киргизами непосредственно через манапов, которые были признаны главами племен и родов. С 1867 года было введено выборное начало, согласно которому в качестве волостных управителей, биев („народных“ судей) и айльных старшин, составлявших низовую администрацию, могли избираться не только манапы. Выборы сопровождались борьбой различных манапов за названные должности, причем в ход пускались подкупы, взятки, нередко дело доходило до крупных вооруженных столкновений с человеческими жертвами. Заканчивались они обычно выборами манапа или его ставленника и переложением всех понесенных расходов и убытков на плечи *букары* — подчиненного манапам населения. В осуществлении своей колониальной политики царское правительство широко пользовалось поддержкой киргизской знати — манапов и байства.

Занимаемая ныне Киргизской ССР территория до Октябрьской революции входила в состав Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей Туркестанского генерал-губернаторства. Управление страной, осуществлявшееся через уездных начальников и названный выше низовой административный аппарат, сопровождалось произволом, взяточничеством, незаконными поборами и разорением населения. К эксплуатации и вымогательствам со стороны манапов, бесконтрольно распоряжавшихся имуществом своей *букары*, присоединились национальный гнет и новые экономические тяготы. Помимо сохранившихся манапских поборов и повинностей, был установлен кибиточный сбор, составлявший вместе с другими сборами по 8 рублей на хозяй-

ство, натуральная земская повинность по устройству и ремонту дорог, ложившаяся особенно тяжело на беднейшую часть киргизов, и т. п. Низкая товарность хозяйства приводила к тому, что масса киргизов для уплаты денежных налогов вынуждена была продавать за бесценок много скота или брать ссуды у кулаков и торговцев с последующей отдачей скотом.

Под влиянием начавших проникать в страну товарно-денежных отношений происходит постепенное разложение полунатурального киргизского хозяйства, усиление классовой дифференциации кыштака (кишлака) и аила в капиталистическом направлении, ломка общинно-родовых отношений, перестройка всей экономики. Появляются города, базары; усиливается обмен и торговля с соседними районами. Наряду с торговцами—узбеками, русскими, татарами и др.—вырастают торговцы, предприниматели и ростовщики из числа киргизских баев и манапов, создается национальная буржуазия. В связи с сокращением пастбищ и обеднением населения развивается земледелие. В 1913 году 91,08% всех хозяйств Пишпекского уезда, наряду со скотом, имели и посевы. Основа благосостояния кочевника—скот—сосредоточивается в руках небольшой группы. Так, по данным обследования киргизских хозяйств в 1912—1913 г. г., в Пишпекском уезде 5,52% хозяйств в трех наиболее мощных группах владели 33,51% всего скота, а на долю 49,22% хозяйств первых четырех групп (не имевших скота и имевших его не свыше 8 единиц на хозяйство) приходилось только 11,12% всего поголовья скота. 47,75% всех хозяйств не имели никакого сельского хозяйственного инвентаря, и 40,77% хозяйств, занимавшихся земледелием, пользовались чужим инвентарем. В кулацкого типа байских хозяйствах начинает широко применяться наемный труд.

Решающее значение в исторических судьбах киргизского народа сыграло организованное царизмом заселение киргизского края русскими и украинскими крестьянами из пределов центральной и южной России. В результате этой колонизации, начавшейся с 1866 года, переселенцам были предоставлены лучшие земли, находившиеся под киргизскими пашнями, а киргизы были оттеснены в мало пригодные для земледелия горные районы, где значительная их часть была обречена на полуголодное существование. По одному только Пишпекскому уезду было изъято из пользования киргизов свыше 700 тыс. га лучших земель. К началу 1914 года в Пишпекском и Пржевальском уездах насчитывалось 81, а в южной части Киргизии—около 50 русских и украинских селений. При активном содействии манапов русские крестьяне покупали и арендовывали у киргизской бедноты землю. В то время как крестьянин-переселенец владел большими наделами плодородной земли, киргиз-земледелец запахивал в среднем 2,24 га. Разорявшиеся и бедневшие киргизы, вытесненные со своих участков, либо оставшиеся на нищен-

ском наделе, шли работать в качестве батраков в зажиточные и кулацкие хозяйства русских переселенцев или же отдавали себя в полное распоряжение байских и манапских хозяйств, работая пастухами, домашней прислугой и т. п.

Ответом на эту грабительскую политику царизма являлись неоднократные вооруженные выступления киргизов против колониально-капиталистического режима. Киргизы примыкали к волнениям, происходившим в 1885 и 1891 г. г. в Ферганской области, а также принимали активное участие в Андижанском восстании в 1898 году, происходившем под предводительством Дукчин-шана. Многие из них за участие в восстании были сосланы на каторжные работы в Сибирь. Известен ряд вооруженных выступлений киргизов, явившихся ответом на изъятие земель для переселенцев: в Нарынском переселенческом участке, в Чуйской долине и других пунктах. Однако подлинно всенародное восстание, принявшее характер стихийного национально-освободительного движения против всей системы колониального господства, в том числе и против своих угнетателей—баев и манапов, произошло в 1916 году. Киргизский народ, поднявшийся на борьбу почти безоружным, столкнулся с хорошо вооруженными царскими войсками. Отсутствие пролетарского руководства, недостаток оружия, предательство со стороны ряда манапов привели к поражению этого восстания, подавленного с исключительной жестокостью. Около полутора ста тысяч киргизов со своим скарбом, бросая по пути скот, спасаясь от преследования, вынуждены были бежать в пределы Западного Китая. Из 62 340 хозяйств, числившихся в Пишпекском и Пржевальском уездах до восстания, к январю 1917 года осталось только 20 365. Главная масса беженцев начала возвращаться на свою родину лишь после Октябрьской революции.

После ликвидации восстания царской администрацией было решено „отобрать от киргизов все те земли, где пролита русская кровь“. Это означало изъятие у киргизов огромной площади в 4 млн. га освоенных земель в долине реки Чу и Иссык-Кульской котловине и выселение их в высокогорные пустыни Тянь-Шаня. Осуществлению этого человеконенавистнического плана помешала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Тяжелый путь прошел киргизский народ за время господства царского самодержавия, вместе с манапами и баями стремившегося закабалить киргизов и лишить их возможности самостоятельного политического, экономического и культурного развития. Однако сколько страданий и горя ни принесла киргизам колониальная политика русского царизма, прогрессивное значение факта включения киргизов в состав Российской империи остается бесспорным. Несомненно положительным оказалось и влияние русской культуры на некоторые стороны культурной жизни киргизского народа.

КУЛЬТУРА КИРГИЗОВ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Скотоводство. Земледелие. Охота. Домашние промыслы. Торговля. Средства и способы передвижения. Пути сообщения. Селение и жилище. Одежда и украшения. Пища. Медицина и гигиена. Род и родовая община. Рабство. Возникновение феодальных отношений. Формы эксплуатации. Классы и социальные слои в киргизском обществе. Пережитки первобытнообщинных отношений. Патриархальная семейная община. Индивидуальная семья. Положение женщины. Религия. Народное творчество. Игры и развлечения. Народные знания. Образование.

Исторически сложившимся главным занятием киргизов в прошлом являлось скотоводство, не потерявшее значения одного из основных их занятий и по настоящее время. Оно основывалось на использовании в течение всего года богатых кормовых ресурсов и, в силу этого, носило экстенсивный кочевой характер.

Направление скотоводства, в зависимости от исторических условий, менялось. В период войны главным видом разводимого скота являлись лошади, меньшее значение имели овцы и крупный рогатый скот. С переходом к мирной жизни первое место переходит к овцеводству, увеличивается количество крупного рогатого скота, верблюдов. Наконец, при переходе хозяйств к земледелию, как основному занятию, особенно в южных районах, главное место в стаде начинает принадлежать лошади и крупному рогатому скоту, отчасти козам. Одним из основных животных, разводимых на Памире и в южной горной части Ферганской области, являются яки—*котоз*.

Кочевание со скотом, содержащимся на подножном корму, имело сезонный характер и велось по установившемуся веками циклу, причем каждое племя или род кочевали на определенной территории. Зимой на территории, прилегающей к зимнему стойбищу—*кыштоо*, выпасали только крупный рогатый скот, верблюдов, молодняк и лошадей, предназначенных для поездок; овец и остальных лошадей выпасали обычно на отгонных паст-

бицах—*отор*. Ранней весной, но чаще после посевных работ, киргиз выкочевывал со скотом на отстоящие недалеко от зимовки и расположенные в предгорьях весенние пастбища—*көктөө* или *бөксө*. С наступлением жары и появлением оводов, мошкары и т. п. большинство скотоводов перегоняло свой скот на высокогорные летние пастбища—*джайлоо*, а хозяйства, владевшие небольшим количеством скота, оставались большей частью на этих же весенних пастбищах до возвращения на зимовку. С наступлением холодов в горах скотоводы перегоняли скот на осенние пастбища—*куздөө*, совпадавшие в большинстве случаев с весенними, на которых к этому времени корма успевали возобновиться. По окончании уборки хлебов и сенокоса, производившихся посланными для этого членами семьи или нанятыми лицами, кочевники возвращались на место зимовки. Необходимо заметить, что полный цикл кочевания сохранялся только в тех хозяйствах, которые владели большим количеством скота. Бедняцкие же хозяйства, не имевшие лошадей и овец или имевшие их в незначительном количестве, самостоятельно совсем не кочевали, оставаясь возле своих или байских посевов. Лишь некоторые из них кочевали со своими богатыми сородичами, получая от них часть скота на выпас на условиях отработки. Бедняк при этом пользовался молоком и шерстью от скота, приплод же принадлежал хозяину. Эта форма эксплуатации, известная под названием *саан* и внешне прикрывавшаяся „родовой помощью“, некогда действительно существовавшей, была одной из наиболее распространенных в киргизском аиле. Таким образом, группа хозяйств, объединенных общими зимними выпасами, в остальное время года распадалась на несколько частей. Пользование пастбищами носило в большинстве случаев общинный характер, сенокосы же были поделены и, за небольшими исключениями, находились в подворно-наследственном владении.

Выход на кочевье после суровой зимней стоянки превращался у киргизов в своеобразный праздник. Все одевались в самые лучшие одежды, лошадей покрывали расшитыми чепраками и попонами, головы и шеи верблюдов украшали узорными покрывалами. Поверх сложенных и навьюченных для перевозки частей юрт клали ковры или яркие материи, а лучшие вещи (сундуки, самовары, подносы) привязывали сверху. Впереди, верхом на лошади, ехала обычно девушка или женщина, держащая в руках повод навьюченного верблюда или лошади; за ними—остальные женщины с маленькими детьми (грудных детей везли в колыбели, поставленной перед собою на седло). Мужчины и подростки ехали в стороне или подгоняли скот, который следовал сзади. Обычай требовал, чтобы те, кто живет на месте первой стоянки прикочевывавшего аила, выносили угощение—*оруулук*.

Техника скотоводства, хотя и представляла собой систему проверенных многовековым опытом приемов, стояла на относи-

тельно невысоком уровне. Корма на зиму в прошлом почти совершенно не заготавливались. Несколько раньше у южных киргизов, а в последние десятилетия и у северных (у последних — под влиянием русских), начало распространяться сенокошение, причем корм запасался в небольшом количестве, преимущественно для подкормки больного и истощенного скота, молодняка, а также лошадей, предназначенных для поездки. Для уборки сена употребляли обычно серп — *орок* или *мангел*, а в последнее время начала распространяться русская коса — *чалгы*.

Отсутствие запасов корма на зиму ставило киргизское кочевое скотоводство в полную зависимость от стихийных явлений природы. Большой урон скотоводству приносили периодически повторявшиеся падежи скота — *жум*. Они наступали в результате затяжных и суровых зим с глубокими снегами и, особенно, гололедицы, во время которых ранней весной скот (прежде всего овцы) погибал, не имея сил пробить ледяную корку и добыть корм. Частым явлением были также массовые падежи скота в связи с эпизоотиями, в частности чумой.

Вследствие колониальной политики царизма, лишения киргизов наиболее ценных пастбищ — зимних, отводившихся под переселенческие поселки, заметно уменьшилось количество скота у основной массы кочевого населения.

Разделение труда в скотоводческом хозяйстве было основано на обслуживании мужчиной всех работ, связанных с организацией выпаса стада и заготовкой кормов. На долю женщины приходился уход за скотом, пасущимся поблизости от аила и пригоняемым для доения (кобылицы и коровы), уход за молодняком, молочное хозяйство, частично охрана стада ночью, а также значительная часть работы, связанная с перекочевкой аила.

Земледелие Земледелие у киргизов существовало уже задолго до завоевания края Россией¹. Оно было особенно распространено в Иссык-Кульской котловине, по р. р. Чу и Талас, а также в Ферганской долине. Но и повсюду в горах, где это позволяли условия, иногда на значительной высоте (в высокогорных долинах Атбаша, Арпы и др.) имелись посевы. Удельный вес земледелия был более высоким в хозяйстве южных киргизов. В северной Киргизии его значение стало увеличиваться после прихода русских. Причинами, в значительной степени повлиявшими на рост земледелия, были, с одной стороны, колониальная политика царизма, в результате которой происходило изъятие земли и сокращение пастбищных территорий, что приводило к уменьшению поголовья скота, и с другой — все, увеличивавшийся гнет и произвол со стороны манапов и баев. Обедневшие хозяйства, с ничтожным количеством скота, не да-

¹ Имеются данные полагать, что земледелие у киргизов появилось уже в период, предшествовавший завоеванию населенных ими территорий Кокандским ханством.

вавшим возможности вести самостоятельное кочевание, перейдя к земледелию, стремились до последней возможности не порывать со скотоводством, и часть из них совершала неполный цикл кочевания. Для бедняцких хозяйств, у которых вовсе не было скота, земледелие превратилось в единственный источник существования.

В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, главное место начинает принадлежать смешанному скотоводческо-земледельческому типу хозяйства, носящему полукочевой характер, причем часть семьи оставлялась на зимовке для обработки полей. Переход к занятию земледелием не всегда совпадал с оседанием ранее кочевых хозяйств. Лишь в последние 10—15 лет перед Октябрьской революцией в северной Киргизии начинают появляться постоянные киргизские поселения (в южной Киргизии они появляются раньше). Однако эти попытки перехода киргизов на положение крестьян встречают резкое сопротивление со стороны манапов, видевших в этом сужение возможностей для эксплуатации подвластного им населения. В 1912 году в Пишпекском уезде насчитывалось всего 15,1 проц. оседлых киргизских хозяйств.

Киргизское земледелие носило преимущественно потребительский характер, имея в то же время вспомогательное значение для скотоводства. Лишь в Ферганской долине оно носило в значительной степени товарный характер, что было связано с развитием хлопководства. В южной Киргизии, помимо хлопка, выращивались пшеница, кукуруза, джугара, рис, бахчевые культуры. В северной Киргизии основными культурами были просо, ячмень (особенно в высокогорных районах) и пшеница, в небольшом количестве овес (посевы которого появились с приходом русских) и люцерна. С огородными культурами киргизское хозяйство было очень мало знакомо.

Земледелие у киргизов было, главным образом, поливное, с искусно разработанными приемами орошения, приспособленными к высокогорным условиям. Появление богарных посевов относится к более позднему времени; оно было связано с влиянием окружающего русского населения. Южные киргизы в основных чертах восприняли технику земледелия от соседнего узбекского и таджикского оседлого населения. У северных киргизов она носила несколько более самобытный характер. Основным пахотным орудием была деревянная соха—*буурсун*, с чугунным наконечником—*тиш*. Посев производился вручную—горстью из полы халата, а также из мешка или шапки. Для боронования употреблялась связка колючки или хвороста—*мала*. Жали серпом—*орок*. Молотьба производилась при помощи животных (лошадей или быков)—*темин басуу*, которых гоняли по разостланным снопам хлеба, кое-где употреблялись каменные катки. Для перемалывания зерна, наряду с водяными мельницами, часто употреблялись ручные каменные жернова—*жаргылчак*. Универсальным орудием

в земледелии была мотыга—*кетмен*—с овальным диском, насаженным перпендикулярно к ручке.

Основная доля труда в сельскохозяйственном хозяйстве лежала на мужчине, хотя женщина также принимала участие в некоторых видах работ (боронование, жатва).

Нужно добавить, что некоторая часть южных киргизов, наряду с земледелием, занималась шелководством, причем выкормка червей лежала на обязанности женщин.

Охота Имеющиеся данные в литературе, а также ряд пережиточных моментов в фольклоре, религии, искусстве говорят о том, что в древние времена охота играла у киргизов роль одного из основных занятий. Например, в киргизском народном календаре пять месяцев носят названия промысловых животных: *бугу* (самец оленя или марала), *теке* (горный козел), *кулжа* (горный баран—самец), *чын куран* и *жалган куран* (самец косули). Даже в XIX веке охота занимала значительное место в киргизском хозяйстве.

Основными видами охоты являлись ружейная и охота с ловчими птицами. Кроме того, охотились еще при помощи капканов (железных) и силков. Значительное распространение до Октябрьской революции имели фитильные ружья с деревянными подпорками—*баранг*, но появлялись уже и пистонные ружья и берданки. Охотились с ружьями на горных баранов, козлов, косуль, медведей, волков, лисиц, а прежде особенно была распространена охота на маралов и сайгачков, рога которых, добытые в определенное время года, высоко ценились китайцами и скупались ими у киргизов.

Киргизы—искусные, исключительно меткие и неутомимые охотники. На Памире они применяли при охоте на горных козлов приемы маскировки (подкрадывание к зверю из-за яка). В некоторых местностях, где позволял рельеф, охота на сурков производилась, наряду с применением ружей и капканов, при помощи специально устраиваемой системы небольших арыков, подводимых к норкам, из которых сурки „выливались“ водою.

Охотники, как и пастухи, употребляли при ходьбе в горах особый тип обуви из конских копыт—*тай туйак*, пристегивавшихся к подошвам сапог, и другие виды обуви, а также приспособления для ходьбы по снегу—*чангы*, плетеные из прутьев.

Среди охотников были распространены заговоры на различные виды зверя и дичи.

Распространена была среди киргизов с давних времен также охота с ловчими птицами. В качестве ловчих птиц, дрессировка которых была доведена до большого совершенства, служили различные виды хищных птиц: орлов, соколов, ястребов. Необходимо отметить, что промысловое значение имела главным образом охота с орлами *буркут*, с которыми добывали лисиц. Охота же с соколами и ястребами на пернатую дичь носила скорее любительский характер. Любопытный вид охоты у

киргизов представляет охота с борзыми собаками. Киргизы издавна разводят особый, горный тип борзой собаки—*тайган*, которая хорошо идет на лисицу.

Домашние промыслы Значительное место в киргизском хозяйстве занимали различные домашние промыслы, большинство которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Из овечьей шерсти, стрижка которой производилась мужчинами весной и осенью, женщины изготавливали пряжу при помощи деревянного веретена *ийик* с грузом из дерева, свинца или камня. На примитивном ткацком станке *өрмөк* из этой пряжи изготавливалась ткань для шитья халатов, штанов, мешков, переметных сум, тесьма для обвязывания остова юрты и т. п. Станок устраивался следующим образом. Один конец основы перекидывался через палку, прикрепленную веревкой к двум колышкам, вбитым в землю, а другой привязывался к также вбитому в землю колу. Ниточки прикреплялись к двум параллельным палкам, верхняя из которых подвешивалась на двух веревках к установленным на земле и сходящимся верхними концами трем длинным палкам. Сквозь нитки основы пропускалась еще дощечка, разделяющая два слоя ниток основы, и круглая палка. Для раздвигания ниток основы и подправления уточных ниток служила плоская дощечка, напоминающая по форме меч. По своему устройству киргизский ткацкий станок в общих чертах совпадает с такими же станками у соседних кочевых народов Средней Азии.

Овечья шерсть шла также на выделку тканых ворсовых ковров (у южных киргизов) и войлоков, из которых изготавливались покрывки для юрты, ковры для подстилки в юрте, принадлежности одежды (халаты, головные уборы, обувь), седел и т. п. Верблюжья шерсть шла на выделку тканей для пошивки одежды, из шерсти коз и яков вяли веревки—*аркан*, употребляемые для различных целей. Овечьи шкуры шли на шитье зимних тулупов, штанов, головных уборов, на выделку подстилки для юрт и т. п.; они обрабатывались кислым молоком с солью, с последующим очищением от мездры. Из козьих шкур изготавливались мешки для хранения и перевозки жидкостей, из кожи крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов, подвергавшейся копчению и разминанию, изготавливалась обувь и различные типы кожаной посуды.

В числе домашних промыслов, обслуживавших потребности каждой отдельной семьи и ложившихся почти целиком на плечи женщины, необходимо еще упомянуть изготовление цыновок из стеблей степного растения—*чий*, плетение тесьмы из шерстяных и хлопчатобумажных ниток, вязание и вышивание различных принадлежностей одежды, утвари и т. п.

Обработка дерева была представлена главным образом изготовлением деревянного остова юрты, ленточков для седел, колыбелей и, частично, деревянной посуды. Некоторые плотники

работали на заказ. Обработка металлов известна киргизам уже давно. Из добывавшегося на оз. Иссык-Куль шлихового железного песка, путем плавки его в примитивных горнах, киргизы получали железо, которое затем превращали в сталь. Кузнецы изготавливали подковы, ножи, серпы, топоры, сошники, а более искусные из них—оружие: фитильные ружья, до прихода русских—кинжальники и боевые топоры *ай-балта*. Кроме того, кузнецы изготавливали из серебра женские украшения, украшения для мужских поясов, сбруй и т. п., отличавшиеся часто большим художественным вкусом.

Из различных видов цветного камня киргизы выделяли пулелейки, светильники, пуговицы, доски для игры—*тогуз-коргол* и т. п. Памирские киргизы добывали горный хрусталь, яшму, самородное золото, сбывая все это на рынках Кашгара и Яркенда.

Торговля С соседними странами киргизы издавна находились в оживленном обмене. К ним приезжали торговцы из Ферганы и Кашгара со стегаными бумажными и полушелковыми халатами, одеялами, тюбетейками, платками, бумажными и шелковыми тканями (из них особенно большим спросом пользовались бязи и бумажная армячина), оружием и т. д. Из России русскими купцами и татарами привозились сукна низших сортов, ситцы, нанки, коленкор, выделанные кожи (юфть), железные и чугунные изделия, украшения и т. п. Из Кульджи китайцы привозили чай, рис, табак, шелковые ткани. Более ценные из привозимых товаров (напр., шелковые ткани, кожи, рис и т. п.) приобретались только богатыми киргизами и манапами. В обмен на привозимые товары торговцы получали от киргизов скот, шкуры, кошмы, кожи, шерсть, пушнину, волос и т. п. Единицей обмена служила овца. Для киргизов, не знавших действительной стоимости обмениваемых товаров, эта торговля была крайне невыгодной. Значительное количество скота сбывалось киргизами приезжавшим купцам и пригонялось ими самими для продажи на рынки Ферганской долины. В последние десятилетия, предшествовавшие Октябрьской революции, из среды киргизских баев и манапов вырос ряд крупных торговцев.

Селение и жилище Своеобразные исторические судьбы киргизского народа наложили свой отпечаток на тип его расселения в далеком прошлом. Находясь в состоянии открытой войны со своими соседями, киргизы вынуждены были селиться раньше не отдельными аилами, а целыми родовыми общинами. Это давало им возможность быстро собираться для защиты или нападения.

После присоединения киргизов к России этот тип расселения киргизов претерпевает серьезные изменения. Основной единицей расселения у них становится *айыл* (аул)—группа хозяйств, объединенных уже не только родовыми и родственными отно-

шениями, но и в большей степени чем раньше, территориальными и экономическими связями.

Величина киргизского аила не являлась постоянной. В период кочевания на весенних, летних и осенних пастбищах аилы уменьшались в размерах, а в период пребывания на зимних стойбищах—увеличивались.

Наряду с аилом—селением кочевого или полукочевого типа—в начале XX века, в связи с оседанием, у киргизов появляется постоянное селение—*кыштак* (кишлак). У северных киргизов не успел выработаться определенный тип такого селения. Иногда оно состояло из одной широкой улицы (реже—нескольких), обсаженной тополями, и по общему своему облику походило на соседние русские селения. В других случаях постройки располагались без определенного плана. Постоянные селения южных киргизов по своему типу мало отличаются от соседних узбекских кишлаков.

Господствующим типом жилища у киргизов, в особенности в кочевых и полукочевых районах, до Октябрьской революции являлось переносное жилище—юрта—*боз үй*, *кара үй*. Деревянный остов юрты состоит из складных решетчатых стенок—*кереге*, образующих круг, и укрепленного над ними купола полусферической формы из деревянных жердей—*уук*, упирающихся наверху в массивный деревянный обруч—*тундук*. Образующее последнее отверстие служит для выхода дыма и освещения юрты. Между *кереге* укрепляется дверная рама, на которую иногда навешивается двухстворчатая дверь. Чаше вход закрывается только циновкой из чия, обшитой кошмой. Кереге обтягивается чиевой циновкой, после чего весь остов юрты покрывается войлочными покрывками. Дымоходное отверстие на ночь, а также в ненастную погоду закрывается отдельно квадратным куском войлока.

Юрты богачей и манапов отличались не только большими размерами, но и качеством войлочных покрывшек, которые были белыми и более тонкими, а также количеством и художественной отделкой шерстяных тканых полос, употребляемых для обтягивания деревянного остова юрты.

Внутреннее убранство киргизской юрты обычно состояло из самой несложной обстановки и утвари. По правую сторону от входа располагались посуда и утварь, связанные с приготовлением и употреблением пищи, и, кроме того, хранился запас продуктов. Эта, считавшаяся женской, часть помещения—*эпчи жак* отделялась загородкой из чиевой циновки—*чыгдан*. Прямо против входа, у противоположной стороны, складывали на деревянной подставке постельные принадлежности, верхнее платье и более ценные вещи (в сундуках или особого рода мешках). Здесь, на почетном месте—*төр*, усаживали гостей, а ночью оно служило для сна. Постель новобрачных или молодых супру-

гов отделялась от остальных частей юрты ситцевой или—у богатых—шелковой занавесью—*көшөгө*.

Налево от входа складывали предметы, связанные с уходом за скотом, седла, сбрую; здесь, возле двери, помещались новорожденные ягнята и козлята. В центре помещения, под дымовым отверстием, находилось место для огня *коломто*. Здесь обычно помещалась железная подставка для котла, служившего для варки пищи, печения лепешек и других хозяйственных нужд.

На земле расстилали кошмы, поверх которых клали подстилки из овечьей или телячьей шкуры, у зажиточных—ковры, медвежьи или волчьи шкуры. Встречавшиеся иногда деревянные кровати и низенькие круглые столики были принадлежностью богатого жилища. На стену (кереге) иногда вешался бархатный орнаментированный ковер—*туш-кийиз*, у южных киргизов—шерстяные пгласы. Байские и манапские юрты завешивались внутри коврами. К кереге для хранения посуды и других хозяйственных предметов подвешивались войлочные мешки: *табак-кап*, *айак-кап*, *баштык* и др.

Во время дальних перекочевков, а в далеком прошлом во время походов, употреблялась юрта малых размеров—*кош*, *оттоо*. Во время свадьбы для молодых обычно ставилась особая свадебная юрта—*өргөө*.

Юртой, как основным типом жилища, пользовались не только кочевники и полукочевники; оседавшие киргизы предпочитали большую часть года проводить в юрте, поставленной во дворе рядом с постоянной постройкой.

Однако, хотя юрта для большинства кочевников служила одновременно и летним, и зимним жилищем (в последнем случае вокруг юрты устраивался снежный барьер, иногда она обкладывалась соломой), на зимних стойбищах—*кыштоо* многие строили и зимнее жилище, в котором они укрывались от стужи и непогоды в самые холодные месяцы. Эти жилища—*там*, *там уй* располагались, как правило, в защищенных от ветра местах, поблизости от посевов (если они имелись). Они представляли собою, в большинстве случаев, глинобитные или иногда сложенные из камней, скрепленных глиной, хижины с плоской крышей. Окна в них заменялись щелями в верхней части стен, под крышей, и отверстием в потолке, служившим также для выхода дыма. Отапливались жилища по-черному, тепло держалось в них плохо. Полы были земляные. Для варки пищи и отопления складывали из глиняных комьев, скрепленных глиной, или сырцовых кирпичей примитивный камин-очаг—*очок*. В южных районах киргизы заимствовали от соседящих с ними узбеков и таджиков некоторые конструктивные особенности (каркасный тип постройки, устройство небольших террас перед входом) и внутреннее устройство жилья (наличие глинобитных нар—*суна*, на которых едят и стелят общую постель для семьи).

К зимнему жилищу (чаще у южных киргизов) пристраивались иногда хозяйственные постройки: *ат-кана*—конюшня, *мал-кана*—коровник, *саман-кана*—помещение, где хранилось сено и солома для зимнего корма. Загоны для овец—*короо* устраивались по возможности ближе к жилищу и представляли собою площадь, обнесенную невысоким забором, сложенным из камней, иногда из валежника. Довольно часто такое зимнее стойбище с постоянными постройками, хотя последние и были расположены без всякого плана, напоминало собою уже селение, тем более, что на лето в нем, если по соседству находились посевы, оставалась часть населения.

В общих чертах описанный тип зимних жилищ лег в основу жилых построек в возникавших киргизских кыштаках постоянного типа, причем южные киргизы в большей степени усвоили технику узбекского домостроения. Но даже в районах большей оседлости количество постоянных построек было невелико: это видно из того, что в Ошском, Скобелевском и Кокандском уездах Ферганской области в 1913 году на 9595 юрт приходилось 4148 постоянных построек.

Крупные манапы устраивали для себя усадьбы, огораживавшиеся глинобитными стенами, в которых сооружали большие и прочные дома.

Одежда и украшения Одежда, бытовавшая среди киргизов (главным образом мужчин) в середине XIX в., несколько отличалась от той, которая была распространена перед Октябрьской революцией. Мужчины тогда носили высокие остроконечные войлочные шляпы с разрезанными на лбу и затылке полями; халаты шили из кашгарских тканей и отделывали пестрыми шнурами, во время походов и в зимнее время их заправляли в широкие кожаные шаровары с разрезами по бокам внизу; сапоги носили с высокими каблуками и коротким следом. Молодые женщины надевали головной убор—*шөкүлө*, состоявший из конусообразной суконной тулпы, отделанной мехом, серебряными украшениями и камнями, с привешанными к ней по бокам подвесками.

Одежда мужчин в последнее время состояла из рубахи—*көй-нөк* и просторных штанов на вздержке—*дамбал*, шившихся из ситца или бязи, но часто из маты, а у бедняков—из армячины; поверх рубахи надевался короткий бешмет—*бешмант*, или безрукавная одежда типа камзола—*кельтече*, а в холодную погоду или дорогу еще халат из бумажной материи на вате—*чапан* или стеганный халат, покрытый сукном, либо армячиной—*чепкен*, *чекмен*. Зимой носили нагольные тулупы из овчин—*тон*, *постон* и штаны из овечьей шкуры шерстью внутрь—*тери-шым*. Были в употреблении также кожаные штаны—*жаргак-шым* преимущественно из кожи дикого козла, очищенной от шерсти, у зажиточных киргизов расшитые цветными шелками. Верхней одеждой как мужчин, так и женщин являлась шуба—*ичик*, подбитая сви-

зу каким-либо мехом (овечьим, лисьим, волчьим и т. п.) и крытая сверху материей. В качестве одежды, защищавшей от дождя и ненастья, употреблялся войлочный плащ с рукавами—*кементай*. Пастушеской одеждой служил халат из шерстяной домотканой материи на войлочной подкладке—*чийдан*.

Богатый киргиз носил бархатные бешмет и штаны, несколько суконных и шелковых халатов, его тулуп шился из мягких белых шкурок ягнят. Бедняк довольствовался в качестве верхней одежды грубым халатом, надевавшимся иногда на голое тело. Обувь отчасти сохранялась прежняя—сапоги с высокими каблуками, но наиболее распространенными стали сапоги—*маасы* без каблуков и твердого задника, на мягкой подошве. Их носили с кожаными галошами—*кепич*, реже с резиновыми—*көлөш*. Среди южных киргизов были распространены сапоги без каблуков на грубой подошве со слегка загнутыми носками—*мөкү*. В старину изготовляли еще хорошие белые войлочные сапоги из козьего пуха, с вышивкой. У баев и манапов встречались бархатные сапоги на кожаной подошве. Среди беднейшей части населения были распространены грубые сапоги—*чакой*, *чарык*, часто типа поршней, из куса невыделанной кожи, а пастухи употребляли для хождения в горах сандалии из лошадиных копыт—*тай-туйак*. Входили в быт также и русского типа сапоги. На голову надевали тибетейку и меховую шапку—*тебетей* с опушкой, в зависимости от достатка, из овчины, лисицы или куницы, часто заменявшуюся летом войлочной шляпой—*калпак* с отвернутыми и обшитыми бархатом краями. Необходимой принадлежностью мужского костюма был ременный пояс—*кемер* или кушак—*кур* из шерстяной ткани, к которому обязательно подвешивался нож. У баев и манапов пояса отделялись дорогими серебряными украшениями.

Женская одежда состояла из длинной и широкой рубахи, служившей вместе с тем и платьем,—*көйнөк*, из длинных шаровар—*ылазым*, *дамбал* на вздержке, носившимся под платьем, и безрукавки—*желетке*. Для платьев предпочитались яркие и пестрые ситцы, но менее состоятельные шили их из маты. Девичьи платья отличались от женских только тем, что не имели, как последние, разреза на груди. В некоторых местах девушки носили своего рода „лифчики“—*чыптама*. Раньше женские рубахи украшались нагрудной вышивкой по белой мате цветными шерстями или шелком. Безрукавки шили из темной бумажной материи, на подкладке. Девушки и молодые женщины носили поверх платья жакеты из бархата малинового, зеленого или синего цвета. При перекочевке или поездке в другие аилы надевался халат из бумажной или полуселковой, у богатых—шелковой ткани. Тулупа женщине носить не полагалось. Весьма своеобразной одеждой у киргизок являлась напоминающая украинскую плахту юбка—*бельдемчи*, имеющая сквозной разрез спереди и широкий пояс. Она надевалась преимущественно пожилыми жен-

щинами поверх рубахи, так что пояс приходился на талии, и могла запахиваться. Менее состоятельные киргизки шили такие юбки из овечьих шкур шерстью внутрь, более состоятельные из полушелковой материи, сукна или бархата, на подкладке, с оторочкой из меха куницы или выдры, нередко вышитые цветными шелками. В случае смерти близкого родственника женщины надевали траурную одежду, в частности повязывали особым способом голову.

Головной убор замужней женщины состоял из белого платка—*оромол*, *жоолук* или чаще из белого тюрбана—*элечек*, навертывавшегося на голову из нескольких десятков метров кисеи. У беднячек такой тюрбан делался всего из 5-6 метров ткани и был небольшим, у более богатых киргизок он достигал довольно значительных размеров. Способы повязки тюрбана, орнамента и приемы ношения вышитой повязки—*кыргак тартма*, которая прикреплялась к тюрбану, отличались у отдельных племен. У южных киргизок головной убор носил вообще несколько иную форму. У них он состоял из шапочки с назатыльником, спускавшимся на спину, носившей название *чачкан*. Поверх этой шапочки надевался тюрбан—*калак*, несколько выступающий и нависающий над лицом; он перевязывался вышитой тесьмой и покрывался иногда сверху вышитым платком. Концы шапочки, спускавшиеся возле щек из-под тюрбана, и назатыльник искусно расшивались цветным шелком, а к этим концам привешивались длинные подвески из различной формы серебряных бляшек, соединенных коралловыми нитками.

Головным убором девушек была круглая шапка—*тебетей*, отороченная мехом куницы или у богатых—выдры, украшенная пером совы или филина (имело значение амулета).

Из женских украшений необходимо отметить нагрудное серебряное украшение *сөйкө*, имеющее форму больших конусовидных серег, серебряные или медные серьги, браслеты, ожерелья из коралловых ниток, кольца, круглую железную с накладным серебром или серебряную пряжку—*богуч*, *пүчүлүк*, прикрепляемую у ворота рубахи (у южных киргизок), различные подвески к косам и т. п.

Замужняя женщина носила обязательно две косы, девушки заплетали свои волосы в большое количество мелких косичек (8—12—16), детям (мальчикам и девочкам) волосы стригли, оставляя пучки волос в виде чолки, чуба или косичек—*көкүль*, *саамай*, спускавшихся на виски. Мужчины волосы на голове сбривали, в старину на затылке оставляли чуб—*жылкы-чач* (буквально „грива“; в эпосе обычно называется *айдар*).

Пища Основными видами пищи у большинства киргизов являлись молочная и растительная и лишь отчасти мясная. При этом у кочевников и полукочевников важнейшую часть питания составляла молочная и мясная пища, у более прочно связанных с земледелием преобладала раститель-

ная в сочетании с молочной. При сравнительно значительном ассортименте различных блюд и кушаний, пищевой режим основной массы населения отличался крайней скудостью и однообразием. Обычной пищей бедняка и малосостоятельного середняка в течение круглого года были жидкие кушанья: *максым*—напиток, приготовляемый из дробленого, подвергаемого брожению ячменя, и *жарма*—также напиток, приготовляемый из подсушенного на огне ячменя (или пшеницы), зерна которого размельчались и опускались в кипящую воду; употреблялся как в пресном, так и в кислом виде. Кроме того, были распространены *талкан*—толокно из измельченного ячменя (его ели в сухом виде или распускали в воде или молоке) и *кожо*—жидкий суп из пшени, который заправляли молоком, реже—мясом. Бедняк не имел возможности питаться ежедневно обычной пищей кочевника—слегка разбавленным водой кислым молоком—*айран*, а одно из любимых блюд скотовода—кобылье молоко, подвергшееся брожению—*кымыз* (кумыс), и мясо бедняк ел изредка и то большей частью с байского стола как подачку или как угощение во время устраивавшихся баями и манапами торжеств—*той* или *аш*.

Чай, не говоря уже о сахаре, был далеко не всегда доступен бедняку, да и хлеб в виде лепешек—*токоч* не был его повседневной пищей.

Зато в байских и зажиточных хозяйствах пища была сытной, питательной и разнообразной. Мясо в разных видах, в частности, колбаса из конины—*чучук*, кумыс и айран, чай с сахаром и со сливками—*каймак*, лепешки из пшеничной муки, толокно, смешанное со сливками,—*боорсок*, кусочки теста, запеченные в сале, и т. п.— все это было повседневной пищей состоятельных киргизов. Такие хозяйства осенью производили убой скота с целью заготовки мяса на зиму.

Пищевой режим в середняцких хозяйствах занимал промежуточное место между пищевым режимом баев и бедняков.

Из молока и молочных продуктов приготовлялись еще, кроме упомянутых, следующие кушанья: *курут*—род сыра, заготовляемого на зиму и употребляемого в пищу как в сухом виде, так и растертым и разбавленным в теплой воде, творог—*сузмо*, разбавленный водю айран—*чалап* (летом употребляется как прохладительный напиток), створоженное молоко, освобожденное от сыворотки и засушенное в виде небольших лепешек,—*пыштак* или *пышлак* (изготавливается у южных киргизов и употребляется в пищу в ближайшие дни после приготовления), особый сорт твороговидного сыра из подвергающегося длительному кипячению овечьего молока—*эжигей*, топленое масло—*сарымай* и другие. Необходимо отметить, что кумыс являлся по преимуществу пищей мужчин, женщины и дети употребляли главным образом коровье, козье и овечье молоко. Во время трапезы с участием посторонних мужчин особенно подчеркива-

лось неравноправие женщины: она получала пищу во вторую очередь, причем очень часто это были лишь остатки пищи.

В прошлом киргизам было известно изготовление молочной водки—*арак* из кумыса. Она давно уже вышла из употребления.

Из муки готовили, кроме излюбленного лакомства—*боорсок* и лапши—*кесме*, печеные в золе лепешки—*көмөч*, хворост (печенье)—*чоймо токоч*, сваренные в молоке и сдобренные маслом лепешки—*жупка*, слоеные (со сливками) лепешки—*каттама*, печеные в масле лепешки—*май токоч*, оладьи—*куймак* и др. Из проса или из джугары готовили, при помощи брожения (для этого добавляли иногда ячмень), алкогольный напиток—*бозо*, который пользовался широким распространением. Южные киргизы делали из риса кашу и плов.

Наиболее распространенным видом мясной пищи являлась вареная баранина. Куски мяса обмакивали обычно в соленый мясной бульон—*сорпо*, который, кроме того, пили перед едой и после нее. Излюбленным, но мало доступным для большинства населения блюдом—*туураган эт*—было мелкое нарезанное мясо, политое бульоном, которое смешивалось со сваренной в этом бульоне лапшой. Употреблялось, но редко, еще одно мясное блюдо—легкое овцы, наполненное молоком и маслом и сваренное в воде—*куйган өпкө, олобо*. Довольно часто употреблялось мясо в вареном виде с кусочками тонко раскатанного теста—*кулчөтөй* и в жареном виде, но без всяких приправ—*куурдак, куурма*. Конское мясо считалось лакомством. Ели и верблюжье мясо. Овощи в некотором количестве употребляли в пищу только южные киргизы. Многие из северных киргизов, живших в горах, даже не знали вкуса картофеля.

Горячая пища готовилась в котле—*казан*, молочная (за исключением кипячения) готовилась и хранилась почти исключительно в различного рода кожаных сосудах и лишь отчасти в деревянной посуде.

Из наркотиков основным являлся особо приготовленный жевательный табак—*насыбай*, закладывавшийся за нижнюю губу. Употребляли его как мужчины, так и женщины.

Основным способом передвижения у киргизов была верховая езда на лошадях, верблюдах, быках и ослах. Киргизы—неутомимые наездники, способные в течение большого количества времени не сходить с седла и преодолевать самые тяжелые препятствия на своем пути: перевалы, кручи, стремительные горные реки и т. п.

Названные выше животные использовались и для перевозки тяжестей вьюком. У памирских киргизов основным ездовым и вьючным животным являлся yak. Среди южных киргизов имела некоторое распространение заимствованная у узбеков двухколесная арба. У северных киргизов колесный транспорт стал получать распространение лишь в последний период перед Октябрем.

ской революцией. Киргизами были заимствованы у русских крестьян не только типы колесных экипажей (телеги и брички), но и названия почти всех принадлежностей упряжи (хомут—*каамыт*, дуга—*дого*, вожжи—*божу* и т. п.). В горных районах употреблялась волокуша—*чийне*, состоявшая из двух параллельно идущих жердей, с двумя поперечными перекладами, привязывавшихся одним концом к седлу, а другим волочившихся по земле. Она употреблялась для перевозки сена, хвороста и других грузов. Седла различались по типу и назначению: для лошади (верховое)—*ээр*, для быка (верховое и одновременно грузовое)—*ынгырчак*, для верблюда (грузовое)—*ком* и для осла. Кроме того, для перевозки детей употреблялось особое седло—*айирмач*, имеющее приспособления для предохранения маленького всадника от падения: широкие войлочные стремяна, вместо луки—две пары высоких крестовин спереди и сзади. Седла для лошадей были нескольких разновидностей, самым распространенным было седло с деревянным ленчиком, имеющим одну луку и довольно широкое, слегка вогнутое сидение. Помимо металлических стремян, употреблялись, особенно зимой, деревянные, а также сделанные из рога. Одним из самых бросающихся в глаза признаков состоятельности у киргизов было качество седла и сбруи. Бая и манапа всегда можно было отличить по отделанной серебряными украшениями сбруе, отделанному серебром кожаному потнику, расшитому дорожному чепраку и т. п.

Особо украшалась также лошадь, на которой ехала девушка-невеста, в частности при перекочевке. На голову лошади надевали специальный убор, чаще всего из красного кумача, с бахромой, войлочный потник был обшит хорошей материей и украшен вышивкой цветными шерстями и шелками. Кроме того, лошадь покрывалась вышитым чепраком.

Украшались при перекочевке и вьючные животные.

Обычными путями сообщения в долинах были грунтовые дороги, в горах—верховые и вьючные тропы. Русской администрацией было построено несколько усовершенствованных почтовых трактов и дорог для колесного сообщения, снабженных европейского типа мостами через большие реки (Чу, Нарын и др.). Большею же частью переправа через реки производилась вброд: в горах, где такая возможность часто отсутствовала, киргизы устраивали примитивного типа мосты, по своему устройству мало отличавшиеся от мостов у соседних народов (узбеков, таджиков).

Тяжелые экономические и бытовые условия жизни основной массы киргизского народа в прошлом усугублялись весьма ограниченными гигиеническими навыками, большим распространением различных социальных болезней и почти полным отсутствием медицинской помощи.

Теснота юрты, в которой обычно помещались и новорож-

денные ягнята и козлята, постоянный дым от костра, загрязненность земляного пола—все это создавало антисанитарные условия для ее обитателей. По своей малой приспособленности для жилья постоянные постройки на зимовке почти не отличались от юрт. Если к этому добавить наличие общей посуды и полотенца, то станут понятными причины массового распространения в прошлом инфекционных болезней. Из числа наиболее распространенных болезней можно указать разной формы тифы, преимущественно возвратный, чесотку, натуральную оспу, цингу, ревматизм, сифилис и т. п. В результате вспышек эпидемии оспы или тифа население, лишенное медицинской помощи, вымирало тысячами. За 10 лет, с 1875 по 1885 г. в Пржевальском уезде, по официальным данным, далеко не полным, от одной только оспы умерло около 4000 человек. При наличии свыше 70 тысяч населения в этом уезде, за 1890 год обратилось за врачебной помощью всего только 1157 больных. Это не удивительно, потому что на весь уезд имелся один врач в г. Пржевальске. При обширности уезда он мог только раз в 2—3 года, и то по случаю эпидемии, приезжать в более отдаленные волости. Немногочисленные врачи, не знакомые с бытом кочевников и не знавшие их языка, сами признавали, что киргизы смотрят на них как на чиновников и советы их не выполняют.

В 1913 году на территории нынешней Киргизии функционировало 6 земских больниц на 100 коек и 9 амбулаторных учреждений с 15 врачами, 21 фельдшерский и фельдшерско-акушерский пункт. Таков был, хотя и ценный, но более чем скромный вклад русской администрации в дело оздоровления сотен тысяч киргизского населения, заброшенного в труднодоступные горные районы. Естественно, что население само вынуждено было изыскивать способы лечения или обращаться к помощи многочисленных местных знахарей—*дарымчи, тамырчи, эмчи-домчу, түкүрчү*. От сифилиса, например, были в ходу меркуриальные средства—ртутные подкуривания (каломелем), втирания и т. п.; при желтухе употреблялось магическое средство—заставляли смотреть целый день на медный таз; раны (для приостанавливания крови) присыпали жженым войлоком и тертым табаком или заливали горячим салом, а иногда выжигали порохом; при головных болях, при укусах каракурта (*Lathrodectes tataricus*) применяли кровопускания; лихорадку лечили испугом; при простудных горячках заставляли потеть и т. п. Следует отметить, что в случае появления заразной болезни кочевники довольно часто бросали свои кочевья и больных и переселялись на новые места, а заразных больных обычно держали в отдельной юрте, стараясь соблюдать около них чистоту, заставляя, например, их плевать на кусок кошмы, который тут же бросался в костер.

Киргизские знахари ощупыванием пульса определяли, в легких ли, в печени ли и т. п. „сидит“ болезнь, и сообразно этому назначали ту или иную диету. Всю пищу они делили на

„горячительную“ — *ысылык*, „прохладительную“ — *сууктук* и „нейтральную“ — *мунөз тамак*. К „горячительной“ пище относились, например, мясо, масло, цельное кислое молоко, блюда из зерновых культур, к „прохладительной“ — напитки, овощи, к „нейтральной“ — мед, разбавленное водой кислое или пресное молоко и т. п. Весьма часто, при упорных болезнях, применялось лечение голодом и водой. Знахари прибегали во время лечения к заклинаниям и различного рода магическим действиям. Андижанские ходжи, разъезжая среди киргизов, занимались оспопрививанием.

Все эти и подобные им способы лечения, хотя иногда и не безрезультатные (укажем, например, что киргизы издавна успешно пользовались целебными минеральными источниками), при крайней ограниченности квалифицированной медицинской помощи, в большинстве случаев только увеличивали смертность. Основными причинами большой смертности являлись тяжелые экономические условия, частые голодовки и истощения, наступавшие преимущественно при массовом падеже скота. Еще задолго до революции в некоторые годы, например, в 1883, 1885, смертность среди киргизов превышала рождаемость. Только за 10 лет — с 1903 по 1913 год — киргизское население уменьшилось почти на 10 процентов. От постепенного вымирания киргизский народ был избавлен Октябрьской социалистической революцией.

Социальный строй К моменту Октябрьской социалистической революции в общественном строе киргизов сочетались находившиеся в упадке патриархально-общинные отношения, развивавшиеся элементы феодализма и нарождавшиеся капиталистические отношения. Господствующим в киргизском обществе оставался полупатриархальный — полупфеодальный уклад.

Наличие имущественного неравенства, племенной и родовой знати отмечено у киргизов еще в древности, но процесс распада первобытно-общинного строя шел, очевидно, чрезвычайно медленно. По крайней мере в период до присоединения края к царской России первобытно-общинные отношения пронизывали всю общественную и семейную жизнь киргизов, играя немаловажную роль и в области экономики. Феодальные отношения в ту пору еще окончательно не сложились и не представляли собою определенной системы. Несомненно, что зависимость ряда киргизских племен от Кокандского ханства сыграла некоторую роль в ускорении процесса феодализации киргизского общества.

Уже самый характер расселения киргизов до завоевания не отдельными аилами, а целыми родовыми общинами, в виде непрерывного ряда юрт по одной речной системе, говорит о серьезной роли родового начала. Экономической основой родовой общины были закрепленные за нею сезонные пастбища и пашни, причем последние подвергались ежегодному переделу между отдельными патриархальными семьями. Скот, хотя и считался принадлежащим всей общине, находился во владении отдельных

семей. Имеется указание¹ на то, что шерсть, снимавшаяся с овец, распределялась поровну между семьями, входившими в данную родовую общину. Родовая община состояла в большинстве случаев из группы семей, объединенных родством и происхождением от одного предка по мужской линии в седьмом или восьмом колене. Именно такая община являлась на практике группой, внутри которой браки были запрещены, между сородичами которой соблюдался обычай взаимной поддержки и защиты; в похоронах и поминках по кому-либо из членов общины каждый должен был принимать личное и материальное участие, кладбище у каждой такой общины было общее; если одному из ее членов была нанесена обида, вся община объединялась для отмщения обидчику, или, наоборот, уплачивала выкуп за кровь, виру—*кун*, если убийца или обидчик был из ее среды. Были общины, объединявшие потомков и в пятом, и в четвертом колене. Не всегда такая родовая община была объединена территориально на одном зимнем стойбище, точно так же как не всегда она состояла из одних только кровных родственников. До присоединения к России у киргизов существовало рабовладение. Рабами—*кул* были главным образом военнопленные, захваченные во время войн с казахами, калмыками, узбеками и др. Кроме того, рабами становились преступники, за которых их сородичи отказывались уплатить виру.

Рабов включали в состав калыма и приданного, выставляли в качестве призов на скачках, ими уплачивали виру и т. п.; они использовались в домашнем хозяйстве и отчасти в скотоводстве. Сами рабы не считались членами родовой общины, потомки их входили в число членов данной общины, но с ограниченными правами. Кроме потомков рабов в состав родовой общины могли входить припущенники—члены чужих родов—*кирме*, продолжавшие сохранять свое родовое наименование. Допускалось также усыновление чужеродца. Усыновляемый должен был прикоснуться губами к груди жены главы данной семейной или родовой общины.

Патриархально-родовая организация играла значительную роль во время войн и барымты (угон скота, как способ разрешения спора между родами). Можно считать, что почти до самого присоединения края к России основным фоном, на котором разворачивались все события политической и общественной жизни киргизов, были войны, набеги и столкновения как между отдельными киргизскими племенами, так и между киргизами и другими народами. В последнем случае для нападения и защиты от общего врага киргизы объединялись в одно целое, забывая свои межплеменные распри.

¹ Заимствуем это указание, как и ряд других фактов, из упомянутой в предисловии рукописи Н. Х. Калемина „О результатах исследования социальных отношений в ауле-кишлаке Шаркратминской, Эсенгуловской и Чорнянской волостей Нарынского района“.

Военный быт накладывал свой отпечаток на многие стороны материальной культуры, хозяйственный уклад и общественные отношения киргизов.

В далеком прошлом киргизы были вооружены луками—*жаа*; к середине XIX в. луки уже вышли из употребления, и оружие киргизов составляли деревянные пики с металлическими наконечниками—*найза*, сабли—*кылыч*, боевые топорики с лезвием серповидной формы, типа секиры или алебарды,—*ай балта*, дубинки с острыми наконечниками—*сойул*, дубинки с чугунными набалдашниками—*чойун-баш*, дубинки со свободно подвешенными набалдашниками—*шалк-этме* и др. Было распространено и огнестрельное оружие в виде фитильных ружей—*баранг* разных типов. При столкновении с врагом киргизы нападали стремительно, густой толпой, причем каждый род имел свой боевой клич—*ураан*, с которым шел в бой. Перетянутые посередине хвосты лошадей были одним из главных признаков боевой тревоги, состояния военного похода. Возле каждой юрты у киргизов стояла пика. Предводители крупных походов выезжали в сопровождении трубачей—*кернейчи*.

Исторические данные и материалы эпоса „Манас“ свидетельствуют о существовании у киргизов в прошлом развитой военной организации. Войско было организовано по типу ополчения. Существовало деление на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. Применялись хорошо разработанные приемы разведки, маскировки, тактики боя.

Воинственность, храбрость, мужество и отважность киргизов признавали даже их враги. Эти качества веками воспитывались в народе, а народная мудрость отразила их в метких пословицах: „Чем умирать дома, лучше умри стреляя“, „Молодец родится дома, а умирает на войне“, „Лучше лишиться головы, чем спустить обиду врагу“, „Просить пощады, пока еще есть душа,—признак слабости мужчины“, „Кто жалеет врага, тот ранен, а жена его в трауре“.

В тех случаях, когда затрагивались честь и интересы всего рода, на его защиту поднимались не только все способные носить оружие в данном роде, но иногда даже все племя. В последней из наиболее крупных межплеменных войн, продолжавшейся в течение ряда лет в середине XIX века, войне между племенами бугу и сары-багыш, участвовали тысячи бойцов из различных родовых подразделений.

Как указывают исторические данные, многие столетия жизни киргизского народа были заполнены борьбой его с многочисленными врагами за свою свободу и независимость. На этой основе сложился своеобразный военно-демократический строй. Естественно, что отдельные роды и племена в военное время должны были возглавляться наиболее храбрыми и способными военачальниками, какими не всегда оказывались родовые старейшины. Так, с течением времени во главе родов оказывались,

уже и не только в военное время, наиболее выделявшиеся по своим качествам предводители—*баатыр*. Вокруг батыра группировались самые храбрые воины—*чоро*, *жигит*, составлявшие его дружину. Батыр, наряду с выполнением функций военачальника, стал руководить перекочевками, разрешать спорные дела между сородичами, наказывать провинившегося и т. д. Однако выборные старейшины—*аксакал*, *бий* еще долгое время располагали значительной властью, с которой должен был считаться и батыр, в важных случаях, особенно в судебных делах, совещавшийся с выборными лицами, которые составляли вокруг него как бы совет. Власть биев, в свою очередь, также не оставалась неизменной. Выборность их стала сменяться передачей звания и прав бия по наследству. Захват военной добычи и пленных способствовал накоплению в руках батыра, его дружины и биев значительных богатств и тем самым усиливал имущественное неравенство. Так постепенно создавалась племенная и родовая знать, из которой к середине XIX века уже сложилась феодальная верхушка киргизского общества в виде манапства. Манапы и бии сосредоточили в своих руках власть батыров и родовых старейшин. Более крупные из них распространяли свою власть на целые группы родов. Пользуясь большой живучестью патриархально-родовых отношений, манапы и бии не только использовали их для выработки своеобразных форм эксплуатации, но и активно способствовали их консервации, выступая часто в роли „хранителей“ родовых обычаев и обычного права—*нарк*, *занг*. Используя захваченные ими права родовых старейшин, манапы стали распоряжаться имуществом сородичей, считавшимся номинально собственностью рода, как своим собственным. Однако возможности для произвола манапов были в известной степени ограничены правом сородичей свободно переходить от одного манапа к другому, более „справедливому“ или сильному.

Элементы феодальных отношений, тесно переплетавшихся с патриархально-родовым укладом, начали еще в большей степени, чем при кокандцах, усиливаться после присоединения края к России. И до этого отдельные манапы начали объявлять некоторые урочища своей личной собственностью—*корук*. После завоеваний это сделалось обычным явлением. Лучшие урочища, участки леса огораживались глинобитными дувалами и охранялись. Некоторые манапы превратили эти участки в заповедники, где разводили фазанов, не разрешая никому пользоваться деревьями, охотиться и т. д. Богатейшие и наиболее посещаемые кочевниками пастбища крупные манапы превратили в источник доходов, взимая поборы за пастьбу скота с казахов, а иногда и с киргизских, но чужих родов. В начинавшей складываться системе феодальных отношений мы встречаем и элементы барщины в виде обработки пашни манапа его сородичами, но большее развитие получили различные виды отработок и ренты про-

дуктами. Отработки существовали в форме *саан*—предоставления скота нуждающимся сородичам с правом для последних пользования молоком и шерстью за работу по уходу за скотом и по обслуживанию земледельческого хозяйства, в формах *май*—предоставления во. временное пользование лошади и *куч*—предоставления скота для перекочевки или для обработки полей за помощь манапу или баю в его хозяйстве. Рядовая масса кочевников, находившихся в подчинении того или иного манапа, носила название *букара*. Признававших его господство сородичей манап облагал различными видами сборов: на покрытие расходов по устройству поминок или празднеств—*салык*, для покрытия расходов, произведенных должностным лицом на угощение,—*чыгым*, для нужд манапского стола—*сойуш* и т. п. Манапы не только стали полными распорядителями имущества подвластного им населения, но и начали распоряжаться свободой кочевников; по указанию манапа насильственно переселялись или „дарились“ другому манапу целые группы хозяйств. Манапы стали вмешиваться и в семейную жизнь букары. Известно немало случаев, когда манапы насильно отбирали жен у бедняков и, отдавая их вторично замуж, получали калым. Присвоение себе манапом части калыма и виры, полученных кем-либо из его букары, стало частым явлением.

Манап осуществлял также, наряду с официальными „народными“ судьями—биями, судебные функции, получая за решения дела с тяжущихся „судебную пошлину“—*бийлик*, а с виновной стороны штраф—*айып тартуу*. В большинстве случаев и бии—ставленники манапов—не решали ни одного дела без совета с ними.

Такое положение в киргизском обществе манапы могли занять только благодаря тому, что всей своей политикой царское правительство поддерживало привилегированное положение манапства. Однако изменившиеся экономические условия вынуждали манапов изменять и методы своего хозяйствования. Некоторые из них начинают захватывать удобные участки пахотной земли, используя ее для продажи и сдачи в аренду переселенцам. Отдельные манапы превращаются в торговцев и ростовщиков, другие создают товарные скотоводческие и земледельческие хозяйства и т. п. Произвол, поборы и вымогательства, вошедшие у манапов в систему, вызывали неоднократные обострения отношений между ними и беднейшей частью букары, доходившие до убийства отдельных манапов, наиболее беспощадно грабивших народ.

Среди манапов различались наследственные, или потомственные, манапы и ненаследственные. По занимаемому положению наиболее крупные из них назывались *чонг манап* или *ага манап*, зависимые от них, второстепенные—*чала манап*. Из числа манапов, а иногда и из букары у манапов имелись помощники в их общественных делах, носившие название *аткаминер*,

у всех значительных манапов имелись, кроме того, для различных поручений джигиты.

Подвластное манапам население не представляло собою однородной массы. За время после присоединения края к России классовая дифференциация приняла более резкие формы. На одном полюсе выросла кулацкая верхушка—баи, на другом все более увеличивалась группа бедняцких хозяйств, вынужденных идти в наем или в кабалу к баю или манапу, а также сельских пролетариев. Среди баев различались: потомственные—*кордолуу бай*, имеющие большое и солидное хозяйство—*ордолуу бай*, и скупые, жадные, скареды—*сасык бай* (вонючий бай). Среди бедноты можно было выделить несколько групп: кочующие вместе с баями и обслуживающие их скот на условиях найма или отработок—*конгшу*, неkochующие и обрабатывающие на тех же условиях землю бая—*жатакчы*, охраняющие летом ямы с зерном, принадлежащим жителям зимовки,—*орообайы* и т. п. Батраки—*малай*—были наиболее эксплуатируемой частью киргизского общества, они получали за свой труд лишь обноски с байского плеча и объедки со стола. Использовались они в качестве домашней прислуги, пастухов овец—*койчу* и табунщиков—*жылкычы*. Своеобразие эксплуатации баями бедноты и батрачества заключалось в применении ими полуфеодальных полукапиталистических форм эксплуатации, вуалировавшихся к тому же различными видами „помощи“ родственнику или сородичу. На юге Киргизии значительное развитие имела эксплуатация беднейшего دهканства в форме издольщины—*орток*.

Середняки имели хозяйства, дававшие им возможность до поры до времени сводить концы с концами, но их уверенность в завтрашнем дне, при всесии манапов, частых бескормицах и царских порядках, была весьма относительной.

Пережитки первобытно-общинных отношений, хотя и в измененном, приспособленном отчасти манапством к своим интересам виде, продолжали еще прочно бытовать как в общественной, так и особенно семейной жизни и в идеологии.

У киргизов сохранилось деление на племена и роды. Среди наиболее крупных племен были известны сары-багыш, саяк, бугу, солто, черик и другие. Каждое племя занимало более или менее определенную территорию, в языке сохранялись отдельные рудименты прежних племенных диалектов, некоторые племенные отличия можно было наблюдать в материальной культуре. В состав племен входили сильно разросшиеся роды, от которых отпочковался ряд дочерних родов, в свою очередь имевших многочисленные подразделения. Эти разросшиеся социальные объединения не были однородны по своему составу, они включали в себя и осколки других племен и родов, и иноплеменные группы. Принципом, который объединял эти различные социальные и этнические напластования, были уже не столько кровно-родственные связи, сколько общность территориально-

хозяйственных и общественно-политических интересов, определявшихся группой манапов, стоявшей во главе того или иного рода и племени.

Наряду с этим у киргизов существовало деление на кости—*сөөк*. В отдаленном прошлом они объединяли кровных родственников и были экзогамными группами. У киргизов нашего времени этим термином называются свойственники, люди, породнившиеся через браки своих родственников по крови, хотя сохраняются также в отдельных случаях, правда, не вполне отчетливые, воспоминания о том, что слово *сөөк* когда-то означало родство по крови.

Названная выше территориальная общность и связанные с нею экономические интересы начинали играть все большую роль. Однако в более мелких родовых общинах сохранялись еще многие стороны прежнего общественно-политического уклада. Сохранял свое значение общины принцип пользования пастбищами и отчасти пахотными угодьями. Бытовали обычаи взаимопомощи в виде *ашар*—помощь жителей своего, иногда соседних аулов (с угощением их) в уборке полей и сенокосов, и *алгоо*—объединение в артель для поочередной уборки полей каждого из членов этой артели. Эти формы коллективного труда, применявшиеся в своем наиболее чистом виде, первая—в середняцких, вторая—в бедняцких хозяйствах, в последние десятилетия все чаще служили прикрытием для эксплуатации баями своих бедных соседей. Более устойчивые формы коллективной организации труда сохранялись в скотоводческом хозяйстве и охватывали почти весь цикл сезонных работ, включая и работы по уходу за посевами. Для этой цели создавались довольно прочные объединения, в состав которых входило иногда до десятка и более хозяйств соседей по зимовке, чаще всего являвшихся близкими родственниками.

Среди киргизов были распространены в прошлом различные формы общественного времяпрепровождения, сопровождавшегося обычно совместной трапезой. В их числе были: *денгенэ*—покупка вскладчину овцы для единовременного общего угощения, устраивавшаяся обычно летом; *шерне*—объединение для поочередного угощения участниками друг друга, практиковавшееся также летом, причем важную роль в угощении, наряду с мясом, играл кумыс. Участники шерне избирали постоянного организатора—*эрке бала*, который устанавливал очередь, размеры угощения и т. п. Шерне сопровождался различными увеселениями. Аналогичные объединения—*жоро* создавались и зимой, когда каждый из участников поочередно варил для общего угощения *бозо* (алкогольный напиток, чаще всего из проса). Устраивавшиеся в прошлом одним родом для другого угощения—*үлүш* превратились в угощения для окрестного населения, организуемые баем или манапом с какой-либо определенной целью. Празднества—*той* по случаю свадьбы, обрезания и т. п. также

как и тризна—*аш* по умершему, носившие ранее общеродовой характер и заключавшиеся в обильных угощениях и разного рода народных увеселениях, стали устраиваться преимущественно манапами и баями, видевшими в них способ укрепления своего авторитета и влияния, а также немаловажный источник дохода (по обычаю приглашенные на празднества должны были оказать устройтелю помощь в виде подношения—*кошумча*).

Переходя к характеристике киргизской семьи, необходимо отметить, что имеются данные¹ о существовании у киргизов до присоединения к России (а отчасти и после него) патриархальной семейной общины, для которой употреблялись названия *чонг казан* (большой казан) или *чонг түндүк* (большой дымопроход в юрте). Такие общины состояли из родственников трех и более поколений, живущих совместно; общее количество их доходило до нескольких десятков человек. Скот семьи считался семейным достоянием, запасы пищи, также как и питание, были общими. В экономическом отношении такие общины были в большинстве случаев довольно мощными.

Господствующей формой семьи у киргизов для всего последнего периода является индивидуальная (малая) семья, которая сохраняла еще недавно некоторые черты ее предшественницы—патриархальной семьи. Она состояла из главы семьи, его жены и детей, иногда еще и родителей. Многоженство встречалось, главным образом, в богатых и зажиточных семьях; бедняцкие семьи, как правило, были моногамны. Заключению брака предшествовало сватовство, причем существовал обычай, по которому сговаривали малолетних детей, иногда только появившихся на свет, нередко сговаривали и еще не родившихся детей. Распространенными формами брака были левират—выдача вдовы замуж за брата умершего мужа, и сорорат—женитьба вдовца на младшей сестре умершей жены. Среди бедняков встречалась еще такая форма брака, как обмен сестрами или родственницами без уплаты калыма. Наконец, практиковалось еще и умыкание, с обязательного на то согласия девушки. Умыкание не освобождало от уплаты калыма. Размеры калыма (уплата его в отдаленном прошлом была делом своей родовой общины, к которой принадлежал жених) были различны, в зависимости от достатка семей брачующихся. Калым в значительной мере компенсировался приданым—*сен*, в которое входила раньше и юрта для молодых, а в более позднее время—только одежда, украшение и утварь. Среди бедняков изредка практиковалась отработка за невесту. Нормальным явлением была выдача замуж 13—15-летних девочек. В прошлом, по обычаю, разрешалось брать жену из семьи родственника по мужской линии не ближе, чем из седьмого колена, однако это ограничение постепенно отмирало. Предпочитались браки с родственниками по матери.

¹ В упомянутой выше рукописи Н. Х. Калемина.

Однако реальное значение в киргизской семье имело лишь родство по мужской линии. Вместе с тем у киргизов сохранялись некоторые следы и более древних семейно-брачных отношений, связанных с материнским строем. Среди родственников по материнской линии особое место отводится брату матери, который по отношению к детям сестры имеет ряд прав и обязанностей. Он пользуется с их стороны особым уважением. Род матери также проявляет особое расположение к племянникам по женской линии. При родовых празднествах гостей-племянников выделяли в особую группу, для них устраивали специальное угощение—*жеен айак* раздавали им подарки. Наряду с этим племянник также пользуется значительными правами по отношению к дяде по матери. Его право на получение подарков от дяди отразилось в киргизской пословице: „Лучше пусть придут семь волков, чем жеен (племянник)“.

В терминологии родства у киргизов сохраняются черты классификационной системы.

Отношения в киргизской семье строились на патриархальной основе. Глава семьи считался распорядителем всего имущества и судьбы своих детей. Положение женщины в семье, как и в обществе, было неполноправным. Вира за убийство или увечье женщины уплачивалась в половинном размере. Женщина не могла быть, за редким исключением, свидетельницей на суде. Она не только лишена была права наследования, но сама, после смерти мужа или отца, расценивалась как часть имущества, переходящего к родственникам мужа или братьям. Труд по обслуживанию всего домашнего хозяйства, воспитанию детей, уходу за скотом, изготовлению одежды, утвари и т. п. ложился тяжелым бременем на киргизскую женщину. Она являлась главной рабочей силой в семье, что приводило ее к преждевременной старости. Необходимо, однако, отметить, что киргизская женщина, находясь под полной опекой и в подчинении мужчины, пользовалась все же известной свободой и самостоятельностью в домашнем хозяйстве. При этом в бедняцких семьях женщина была гораздо менее бесправной, чем в зажиточных и байских, являясь помощницей и советницей мужа во всех хозяйственных и семейных делах.

Если же обратиться к более отдаленному прошлому, то роль женщины в киргизском обществе выступит перед нами в несколько ином свете.

Киргизский эпос сохранил нам образы отважных киргизских женщин, деятельно помогавших своим мужьям в их трудных военных делах (напр., образ жеңы Манаса—Каныкей). Иногда они проявляли свою независимость и смелость, отличались искусством владения оружием (напр., образ героини Жангыл-Мырза). В этой связи становится понятным то необычайное отступление, которое мы встречаем в одной из родословных кир-

гизского народа: в ней среди родоначальников названа женщина по имени Нааль.

Уже в сравнительно поздний период, перед приходом русских, в Кокандском ханстве пользовалась большой популярностью и уважением киргизка Курманджан, имевшая пожалованный ей ханом чин „датха“, и после смерти своего мужа Алим-бека управлявшая кочевым киргизским населением в районе Гульчи и Алай.

Религия Ислам у киргизов является сравнительно поздним явлением. Даже в исторических источниках, относящихся к XVII веку, киргизы еще называются „кафирами“, то есть неверными.

Более интенсивное проникновение ислама в среду киргизов можно отнести приблизительно ко второй половине XVII и к XVIII векам, когда киргизы, в силу ряда причин, начали вступать в активные сношения с мусульманским населением Кашгара и Ферганской долины. Этот процесс, повидимому, особенно усилился с момента включения киргизов в орбиту влияния Кокандского ханства. Значительную роль в насаждении и распространении ислама, помимо всякого рода проповедников—дервишей, ходжей и ишанов, проникавших к киргизам преимущественно из Ферганской долины,—сыграло манапство. При помощи узбекского духовенства манапы заставляли подвластное им население обучаться мусульманской обрядности и заучивать молитвы. Однако подавляющее большинство киргизского населения нельзя было отнести к ревностным мусульманам, религиозного фанатизма среди киргизов не наблюдалось. Догматы ислама им были мало известны, религиозные обряды выполнялись далеко не всеми. Насколько свободно толковались предписания ислама, свидетельствует тот факт, что, по ходатайству сородичей, крупный киргизский манап Ормон разрешил перенести тридцатидневный пост—*орозо* на зиму по той причине, что он пришелся на летний месяц с жаркими длинными днями.

Едва ли не наиболее убедительным доказательством поверхностного усвоения ислама киргизами является наличие у них в прошлом весьма многочисленных пережитков древних религиозных представлений, среди которых особенно крупное место занимали культ предков и элементы шаманства. Если учесть, что в верованиях и мифологии киргизов обнаруживаются также отдельные представления и обряды, идущие от буддизма, то мы с полным основанием можем говорить о религиозном синкретизме в киргизской идеологии. Слой древних доисламских верований только в последние десятилетия перед революцией начал довольно интенсивно вытесняться мусульманским вероучением. Этому способствовали усиленная религиозная пропаганда фанатических узбекских и татарских торговцев, проникавших в самые отдаленные аулы, приглашение манапами узбекских и татарских мулл, строительство по инициативе манапов мечетей и т. п.

Например, на территории современной Тянь-Шаньской области, в прошлом одного из кочевых и наиболее отсталых районов, до Октябрьской революции было построено 25 мечетей.

Следует указать, что среди южных киргизов ислам пустил гораздо более глубокие корни, и некоторые из сохранившихся у них древних верований подверглись заметному влиянию ислама.

Вера в духов умерших предков—*арбак* была распространена особенно широко. По представлениям киргизов, эти духи покровительствуют оставшимся в живых родственникам, а всякого рода несчастья и болезни объясняются тем, что духи предков отступились от человека за какой-либо поступок, недостойный их памяти. Результатом такого воззрения являлось особое уважение к могилам предков. По рассказам, в старину за оскорбление могилы полагалась смертная казнь. В далеком прошлом в могилу богатого покойника клали зарезанного барана, а у бедных ставили горшок с приготовленным из ячменя напитком—*жарма*. На могилах умерших обязательно ставился какой-либо памятник или знак. Так, у племени саяк ставился высокий шест с привязанным к нему хвостом самой любимой лошади покойного. Обычно могила обносилась глинобитной стеной, а у более состоятельных устраивались надмогильные сооружения—*моло*, *кумбоз*, иногда довольно крупных размеров, типа мавзолеев.

В особо важных случаях жизни, арбаком клялись и призывали его в свидетели.

С культом предков связан также описанный проф. М. С. Андреевым обычай (у южных киргизов) после смерти мужчины—главы семьи—делать подобие куклы из халата и чалмы покойника, надетых на подушку. Это изображение умершего, ставившееся в углу и отгораживавшееся занавеской, находилось в юрте или доме до устройства поминок.

Отражением этого же культа является поклонение огню домашнего очага, представленное в свадебном обряде.

Под влиянием ислама культ предков начал утрачиваться, причем его место занял культ мусульманских „святых“. Он нашел свое выражение в почитании разного рода гробниц. Представление о духах предков сменилось в широких массах пришедшим вместе с исламом верованием в Кыдыр-ата—невидимого странствующего святого, приносящего с собой счастье, богатство, славу и прочие блага. Кыдыр-ата, по воззрениям киргизов, мог явиться в образе нищего, калеки, а иногда даже мог принять вид знакомого человека. Ожидали его посещения предпочтительно по ночам, накануне больших праздников. Узнать Кыдыр-ата можно было по той примете, что большой палец правой его руки не имеет костей. Это представление о Кыдыр-ата, связанное с рядом обрядов, в том числе и с жертвоприношениями, укреплялось в среде кочевников мусульманским духовенством, которое широко эксплуатировало в своих интересах доверчивых киргизов.

Оно воспитывало в киргизах приниженность и фаталистическое убеждение в том, что богатым становится только тот, кому помогает Кыдыр-ата.

Помимо описанных верований, у киргизов было широко распространено почитание священных рощ, деревьев, источников и т. п. связанное с многочисленными магическими действиями и обрядами. В таких местах, называвшихся *мазар*, клали кости и черепя животных, рога горных козлов архаров, ставили шесты с хвостами яков, к деревьям привешивали лоскуты материи, кусочки ваты и т. п. Возле этих мазаров по случаю каких-либо стихийных бедствий (засуха, джут и др.) или во время мусульманских праздников, обычно под руководством манапов, устраивались моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями—*тулоо*. Закалывали овец, варили и съедали их, а если животное считалось посвященным, голову его оставляли у мазара. Имели место и частные жертвоприношения у таких мазаров по случаю болезни людей или скота, при отсутствии детей, по поводу перекочевки на летовку и т. п. При жертвоприношениях произносились заклинания, ничего общего с исламом не имеющие. Мазары устраивались и на особо высоких перевалах, как например, на перевале Кызыл-арт в Заалайском хребте.

В киргизской мифологии большое место занимали представления о разного рода демонических существах, способных нанести вред человеку или его богатству, каким для кочевника был скот. Из них были известны: *митэ-упыр*, *вампир*, существо в образе 12-13-летнего ребенка; *жезтырмак*—существо в образе женщины с медным клювом и медными когтями, особенно часто нападающее на охотников; *мастан-кемпир*—существо в образе старухи, якобы сосущей кровь из пятки человека; *албарсты*—существо в образе женщины с длинными грудями, главная опасность от которого грозит роженицам, и ряд других. Широко распространена была вера в злое божество—*жер-суу* (буквально „земля-вода“), которому приносились умиловительные жертвы. Это—старотюркское божество, упоминаемое еще в орхонских надписях (тогда оно относилось к разряду добрых божеств).

Божество „земля-вода“ связано с циклом анимистических представлений, которые хотя и слабо изучены, но все же могут быть прослежены у киргизов. В них мы находим представления о духах хозяевах гор, перевалов рек, различных видов животных и птиц. При этом духи выступают под различными названиями (*ээ*—хозяин, *ата*—отец, *төрө*—господин и др.).

Особое место среди этих представлений занимали злые духи—*жин*, в виде маленьких мошек и мух, вызывающие различные болезни у человека и животных, чаще всего сумасшествие, падучую и другие нервные болезни. Способность влиять на джинов, изгонять их из тела больного приписывалась определенным лицам—*бакшы*, приемы лечения которых во многом на-

поминали шаманские камлания¹. Передача способностей бакшы по наследству и ряд других признаков заставляют рассматривать их как своего рода шаманов, пользовавшихся в прошлом большим влиянием на население. Укажем на то, что это обстоятельство учитывалось манапами, и у одного из влиятельных манапов, Уметалы Ормонова, был свой „придворный“ бакшы Талканчи.

Однако необходимо отметить, что у киргизов мы наблюдаем своеобразную дифференциацию шаманских функций. Бакшы занимались главным образом лечением различных болезней. Функции прорицателей, угадывателей воров и т. п. выполнял особый класс лиц—*сынчи*. Функции вызывателей дождя (этой способности придавалось исключительное значение во время военных столкновений) принадлежали так называемым *жайчы*; кроме того, у киргизов мы встречаем предсказателей погоды—*эсепчи*, особых гадателей—*төльгөчү*, людей, способных отгонять злых духов от рожениц,—*куучу*, и т. п.

Киргизский народ за свою более чем двухтысячелетнюю историю, в течение которой он не терял и восстанавливал свою свободу и независимость, сумел донести до наших дней драгоценные самоцветы непревзойденного творчества целых поколений. В этом творчестве в многогранной и яркой форме отображены своеобразные исторические судьбы народа, его самобытная культура, поэтическое восприятие природы, неодолимое свободолюбие, храбрость и мужество в борьбе с многочисленными врагами.

Много препятствий стояло на пути развития народного творчества. Социальный и национальный гнет, влияние мусульманского духовенства, нищета и вымирание—все это задерживало естественный рост народных талантов, которых в киргизском народе было немало. Народ бережно хранит в своей памяти имена замечательных сказителей—*манасчи* Кельдибека, Балыка, Найман-бая и других, народных поэтов-импровизаторов—*акын*: Калыгула, Арстанбека, Калмурзы, Молдо-Кылыча, Музооке, Токтогула и других. Скитаясь с комузом от кочевья к кочевью, они несли в народ свое творчество, а некоторые из них поднимали свой гневный голос против манапского произвола и царских колонизаторов, воспевая народную свободу, призывая к борьбе. Неудивительно, что баи и манапы преследовали акынов, считали их творческую деятельность унизительным делом. Пренебрежительное отношение баев и манапов к народным сказителям выражалось в поговорке: „Кто не имеет стыда—тот сказителем делается“. Народный акын Калык Акиев в своих воспоминаниях рассказывает: „Когда я запел веселую песню, манап Торогельды закричал: „Не пей, а глотай слезы“. И он заставил меня

¹ Этой способностью обладали не только мужчины, но и женщины, носившие название *бубу*.

подражать плачу вдовы, а для того, чтобы слезы получались настоящими, он избил меня... Когда я бывал голоден, манапы для своей потехи заставляли меня глотать, не разжевывая, боорсок (куски печеного теста). Боорсок раздирал горло. Но каждый хочет есть..." Несмотря на травлю, издевательства, попытки баев и манапов приспособить народное творчество к своим вкусам, оно продолжало жить и развиваться, сохраняя лучшие художественные традиции прошлого.

Творчество киргизского народа окрашено суровой героикой и вместе с тем романтикой, свойственными достигшему высокого расцвета эпосу. Немного найдется и в нашей необозримой стране народов, сумевших, подобно киргизам, создать мощно звучащие эпические произведения, широкое полотно которых, как в зеркале, отражает всю жизнь народа, с его печалью, радостями и идеалами. Жемчужина киргизского эпоса—поэма „Манас“—является тем творением могучего народного гения, от которого, как от неиссякаемого источника, на протяжении веков питалась вся духовная культура киргизского народа.

„Манас“ представляет собой монументальное эпическое произведение, созданное в результате коллективного творчества многих поколений талантливых сказителей--манасчи. Впервые отрывок из „Манаса“ был записан в конце 50-х годов XIX в. Чоканом Валихановым, но опубликован он был на русском языке в прозаическом переводе лишь в 1904 году. Сокращенный вариант „Манаса“ был записан и в 1885 г. опубликован акад. В. В. Радловым в киргизском оригинале и переводе на немецкий язык. С тех пор, до установления в Киргизии советской власти, „Манас“ никем не собирался и продолжал бытовать только в устной традиции. То обстоятельство, что „Манас“ сохранился в народе до самого последнего времени в виде такого колоссального поэтического памятника, объясняется не только игравшей большую роль феноменальной памятью сказителей, но и необычайной популярностью его в народе, тем, что киргизский эпос даже в XIX веке переживал период своего расцвета. Как мы видели выше, вплоть до присоединения киргизов к России, они еще переживали своеобразный „героический период“, обуславливавший активное, действительное значение эпоса. Очевидно, этими же причинами можно объяснить то, что эпос у киргизов подчинил себе все остальные жанры фольклора, вобрав в себя в значительной степени все его богатства и легенды, и сказки, и песни, и поговорки.

Выдающаяся роль в сохранении, дальнейшей творческой переработке и обогащении эпоса принадлежит сказителям, которые в своем большинстве никогда не были только исполнителями эпоса, но одновременно являлись талантливыми поэтами-импровизаторами. Первым крупным манасчи, имя которого сохранилось в памяти стариков, является Кельдибек, творивший во второй половине XVIII—в начале XIX века. Его преемником на-

зывают знаменитого Балыка, родившегося в Чуйской долине, творческая деятельность которого относится, главным образом, к первой половине XIX в. Талант Балыка перешел к его сыну — Найман-баю. К славной плеяде манасчи относятся также Тыныбек, Акылбек, Дыйкам-бай, Чоюке и, наконец, талантливейший манасчи нашего времени Сагымбай. Он родился в 1867 г. на южном берегу оз. Иссык-Куль (умер в 1930 году) и еще в молодые годы слушал знаменитого Балыка. Отец Сагымбая — Орозбак состоял трубачом при известном манасе сары-багышей Ормоне и был крупным музыкантом. Сагымбай, как и другие манасчи, традиционно объяснял свой дар вмешательством сверхъестественных сил: во время сновидения к нему, якобы, явился дух Манаса и поручил ему петь о нем.

„Манас“ так велик по своему объему, что для полного его исполнения требовались многие недели и даже месяцы. Естественно, что прослушать полный вариант „Манаса“ имела возможность только более обеспеченная часть народа и, прежде всего, манапы и бай, приглашавшие к себе манасчи на длительный срок. Большую роль в распространении „Манаса“ среди народа играли рапсоды — *ырчы*, исполнявшие отдельные, наиболее популярные эпизоды из поэмы. В отдельных отрывках „Манас“ был известен широким слоям населения. Исполняется „Манас“ обычно при большом количестве слушателей. Сказители читают „Манас“ без инструментального сопровождения. Существует более двадцати музыкальных мелодий, употребляемых только при чтении „Манаса“. Часть поэмы, содержащая рассказы и описания, излагается в более быстром темпе, а диалоги и речи героев поются речитативом, плавно и торжественно, исполнение их носит характер музыкального сказа. Исполнение „Манаса“ сопровождается богатыми жестами, мимикой, интонациями.

Основная сюжетная линия, проходящая через всю поэму, — это военные походы легендарного богатыря Манаса в Китай, Афганистан и страны Средней Азии. По содержанию в „Манасе“, с некоторой долей условности, можно выделить девять основных циклов песен. Первый из них посвящен рождению, юношеским годам и первым подвигам Манаса, второй цикл повествует об избрании Манаса ханом; третий цикл содержит описание первого похода Манаса против кашгарских ханов. Второй поход, с целью покорения среднеазиатских стран и, в частности, Ташкента и всей Ферганы, составляет содержание четвертого цикла. Пятый, шестой и седьмой циклы посвящены походам Манаса для завоевания Афганистана, Самарканда и других стран и городов. Во время третьего похода ближайшим другом и соратником Манаса становится китайский царевич Алмамбет. Восьмой цикл представляет красочную картину тризны по сподвижнику Манаса — Кокетею. Поэма завершается девятым циклом, в котором разворачивается замечательное по художественному мастерству описание великого похода („Чонг-казат“) на столицу

Китай—Бейджин (Бейпин) Тяжелораненный в этом походе, Манас возвращается в долину Таласа, где и умирает.

Продолжением основной части „Манаса“ является эпические поэмы: „Семетей“, относящаяся к жизни и походам сына Манаса—Семетея, и „Сейтек“, посвященная сыну Семетея—Сейтеку. По своему объему „Семетей“ не уступает „Манасу“. Вариант „Семетея“, записанный от советского сказителя Саякбая Каралаева, содержит свыше 200 тысяч строк.

В „Манасе“ подробно разработано несколько отдельных тем, имеющих самостоятельное значение. Наиболее крупными из них являются: сватовство и женитьба Манаса на дочери таджикского хана—Каныкей, переселение к Манасу его родственников „козкаманов“, заговор семи ханов против Манаса, история прибывшего к Манасу китайского царевича Алмамбета—его первого соратника, ближайшего друга и названного брата.

По богатству сконцентрированного в „Манасе“ исторического, этнографического, географического и иного материала его можно назвать энциклопедией киргизской народной жизни.

Большое место в эпосе, наряду с описанием многочисленных батальных сцен, занимает бытовой материал: мастерски написанные картины свадьбы, поминок, народных игр и развлечений и т. п. Манас со всеми его походами выведен в эпосе как главная, стержневая тема, вокруг которой группируются все остальные. В поэме нет почти ни одного эпизода, где бы не участвовал сам Манас. Его ближайшим окружением является дружина из сорока витязей-богатырей—*кырк чоро*. Крупную роль рядом с Манасом играет его сподвижник—Алмамбет. Большое место возле Манаса отведено в поэме его сказочному коню Аккула. Не расстаётся Манас и со своим ружьем Аккельтэ.

Многое в „Манасе“ можно отнести к области сказочного, фантастического, богато представлена в нем мифология, но совершенно очевидно, что значительная часть из тех военных событий, которые описываются в „Манасе“, является художественным отображением реальных фактов, которыми так богато героическое прошлое киргизского народа.

„Манас“ является гениальным художественным памятником борьбы киргизского народа за свою независимость. В образе самого Манаса и его богатырей—Бакая, Чубака, Сыргака—воплотились лучшие черты народа: храбрость, свободолюбие, упорство в достижении поставленной цели.

Всей поэме „Манас“ присущ стиль настоящей героической эпопеи. Он выдержан в суровых героических тонах, чужд интимности, сдержан или натуралистически откровенен. И, наоборот, продолжению „Манаса“—поэме „Семетей“—свойственен лирический, почти романтический стиль.

По своим художественным качествам „Манас“ может быть поставлен в один ряд с лучшими образцами мировой эпиче-

ской литературы, такими как „Илиада“, „Одиссея“, „Калевала“, „Джангариада“ и др.

Трилогия „Манас“—не единственный памятник эпического творчества киргизского народа. В сокровищнице устного народного творчества киргизов имеется свыше десятка других крупных эпических произведений. Среди них такие, как „Сарынджи и Бокой“, „Коджоджаш“, „Курманбек“, „Джаныш и Байш“, „Тоштук“ и другие.

Из произведений малых форм в устном творчестве киргизов представлены предания, легенды и исторические рассказы, сказки, песни различного содержания, пословицы, загадки и т. п.

Особо необходимо остановиться на песенном творчестве, занимающем большое место в киргизском фольклоре. Это связано в первую очередь с исключительным поэтическим даром у киргизов, их необычайной способностью к импровизации, к воплощению в поэтических образах и в стихотворной форме всех наиболее значительных событий окружающей жизни. Широкое развитие песни связано также с музыкальной одаренностью народа. Киргизские песни обычно миниатюрны и куплетны. Самое крупное место в песенном жанре занимает лирика. Здесь мы встречаем песни любовные в собственном смысле—*секетбай*, *күйгөн*, песни *арман*, сложенные по случаю какого-либо горя, личной утраты, и др. Помимо лирики, киргизское песенное творчество представлено бытовыми песнями, среди которых крупное место занимают поминальные песни и причитания *кошок*, слагаемые обычно женщинами и достигающие большой художественной силы; песнями, исполняемыми в связи с трудовыми процессами (среди них своеобразные песни женщин—ночных караульщиц скота—*бекбекей*), песнями социального протеста против феодального и социального гнета и другими. Существуют песни различных возрастных групп, в частности девичьи песни-соревнования—*акыйнек*.

В песенном творчестве после Октябрьской эпохи нашла свое отражение вся новая действительность возрожденного к жизни народа, его любовь к своему отцу и другу—И. В. Сталину.

Музыкальное творчество киргизского народа представлено как в вокальных, так и в инструментальных формах. Оно стилистически цельно, отличается богатым запасом ритмических средств и характерно эпической медлительностью, лиризмом, сдержанностью и простотой. Большой степени выразительности и оригинальности по своему мелодическому содержанию, несмотря на сравнительную простоту исполнительских средств, достигает киргизская инструментальная музыка. Среди народных музыкальных инструментов на первом месте по степени распространения и популярности стоит *комуз*—трехструнный щипковый инструмент лютневого типа, близкий к казахской домбре, но имеющий, в отличие от нее, три струны и не имеющий ладовых подразделений. Далее следует струнный смычковый инст-

румент—*кыйак*, состоящий из деревянного кузова грушевидной формы, с вытянутой сверху шейкой, несколько утолщенного книзу. Нижняя половина кузова затянута верблюжьей кожей, служащей декором инструмента. Кыйак имеет две струны из пучков конских волос; такие же волосы и на смычке. Металлический инструмент—*темир-комуз*, типа варгана, употребляется преимущественно женщинами и детьми. Звук его очень мелодичен, похож на тихий свист. *Сурнай* близок к аналогичным среднеазиатским инструментам типа гобоя. *Чоор*—разновидность пастушеской дудки, продольная открытая флейта с тремя или четырьмя пальцевыми отверстиями, бытовавшая также и в киргизской семье. Изготавливается из стебля степного растения, иногда из дерева, обтянутого в некоторых случаях пищеводом теленка. Отдельные исполнители употребляют своеобразный „ударный инструмент“, представляющий собой одновременно и зачаток марионеточного театра. Это—подвижная фигурка козла—*так-теке*, прыгающая на столике. Она приводится в движение ниткой, протянутой к руке исполнителя и, отбивая такт музыке, проделывает в то же время забавные движения.

Виртуозность исполнителей-инструменталистов доведена у киргизов до совершенства. В непосредственной связи с нею находится двухголосная игра на кыйаке и трехголосная—на комузе. Инструментальное трехголосие является большим достижением киргизской народной музыки. Среди пьес *куу* для комузы встречаются подлинные шедевры народно-музыкального творчества. Пьесы для кыйака—более древнего происхождения и по своей тематике часто отражают события военной эпохи. Таковы, например, пьесы „Ураан“ (боевой клич), „Олжо“ (военная добыча), маршеобразная пьеса „Кер-озон“, героическая пьеса „Кайра качба“ (не отступать) и другие. Для исполнения на кыйаке характерны также музыкальные бытовые сценки. В киргизской музыке вообще широко представлены пьесы программно-изобразительного характера. Из числа старых народных композиторов и музыкантов в памяти народа сохранились имена Тилена, Кальчеке, Сыртбая, Куренкея и других.

Крупнейшим композитором, музыкантом и певцом, имя которого пользуется необычайной популярностью, а произведения составляют богатейшую сокровищницу киргизского народного искусства, является Токтогул Сатылганов (1865—1933). Его имя особенно дорого киргизскому народу потому, что он отражал в своей музыке и песнях думы, печали и надежды народа, гневно обличал в них царских колонизаторов и манапский гнет. Он был ложно обвинен в участии в вооруженном выступлении против царизма—Андижанском восстании 1898 г. Токтогул, народный любимец, был осужден на каторжные работы и 25 летнюю ссылку в Туруханский край. После восьмилетнего пребывания на каторге Токтогул бежал на родину, где до самой Октябрьской революции жил на нелегальном положении, пресле-

дуемый баями и манапами и ограждаемый от их расправы народом. Токтогул воспитал целое поколение комузчи, ырчи и акынов.

Изыществом и богатством форм, четкостью рисунка, высокой культурой цвета отмечено развитое у киргизов изобразительное искусство. Его проявление, в силу особенностей кочевого уклада жизни, было ограничено художественным оформлением жилища, одежды, предметов утвари, сбруи и т. п. Тем не менее в этой стороне народного творчества мы еще раз видим проявление высокой художественной одаренности народа. Изобразительное искусство у киргизов представлено ковроделием, изготовлением разных типов узорчатых войлоков, орнаментированных цыновок, вышивкой, тиснением по коже, резьбой по дереву и художественной обработкой металла.

Выделкой шерстяных ворсовых ковров—*килем* занимались киргизы памиро-алайские и ферганские, а также кочующие в западной части китайского Туркестана. Ковровое производство было сосредоточено преимущественно среди родов кыдырша, мангыт и др. Киргизские ковры изготовлялись на таком же примитивном станке, как и туркменские, на шерстяной основе и утке. Раньше изготовлялись главным образом небольшие ковры, а с конца XIX в. стали изготовляться ковры больших размеров. Преобладающими цветами в коврах являлись мареново-красный и индигово-синий, реже попадались желтый, коричневый, черный и белый. Тона и оттенки красок были своеобразны, а сочетание их свидетельствовало о тонкости вкуса исполнителей. Орнаментная уборка ковров слагалась из различных ромбических фигур в сочетании с крючками типа бараньих рогов, из восьмиугольников, меандрового (в виде изогнутых лент и линий), излюбленного гранатного орнамента и других. В орнамент ковров, изготовлявшихся ферганскими и, особенно, кашгарскими киргизами, проникли китайские элементы и мотивы. Под влиянием разного рода причин ковровое производство у киргизов к началу Октябрьской революции пришло в упадок. Наиболее распространены среди них войлочные ковры—*шырдак* и различные бытовые предметы из орнаментированного войлока. Для орнаментации войлока применяются три технических приема. Первый прием применяется в процессе изготовления кошмы и состоит во вкатывании в основной фон войлока узоров из цветной шерсти. Второй прием—аппликация путем нашивания на войлочную основу узора из окрашенного войлока или материи. Наконец, третий прием состоит в сшивании вместе разноцветных элементов одного узора, вырезанных одновременно из двух разных по цвету кусков кошмы. Кроме ковров, из орнаментированной кошмы изготовлялись мешки и сумки для хранения и перевозки утвари, принадлежности сбруи и т. п.

Орнамент на войлочных изделиях отличается простотой и ясностью рисунка, сравнительно крупными размерами, не пере-

гружен мелкими деталями и окрашивается чаще всего в два основных цвета: синий и красный, красный и белый, красный и желтый. По характеру орнаментов войлочные ковры киргизов весьма сходны с таковыми же коврами казахов.

Одно из видных мест в искусстве киргизской женщины занимает вышивка. Вышивкой украшается одежда, различные предметы домашней утвари (подвесные сумки, мешочки, покрывала, полотенца), чепраки и т. д. Лучшими образцами вышивального искусства являются богатые по мотивам цветные композиции, обрамляющие украшения на стену внутри юрты—особого типа бархатные ковры—*тушкийиз*.

Вышивают киргизы бумажными или шерстяными нитками разных цветов и шелком по бархату, хлопчатобумажной и шерстяной ткани, по сукну и, наконец, по коже. Из технических приемов чаще всего встречается тамбурный шов. Среди мотивов вышивок имеются стилизованные растения, крестообразно расположенные парные „рога“, „зигзаг“, розетки и другие геометрические фигуры. Все эти мотивы близки к казахским.

Оригинальны по технике и рисунку узоры из цветной шерсти, которыми покрываются цыновки из стеблей степного растения—чия, употребляемые для обтягивания деревянного остова юрты.

В них встречаются восьмигранные ромбы, внутри которых квадрат с парными „рожками“ на концах. Эти ромбы, а также композиция орнамента, наличие бордюра, наконец, расцветка с применением диагональной симметрии цвета—красного, белого, синего—ближе всего напоминает тканые ковры как киргизские, так и туркменские.

Тканые полосы, служащие для скрепления различных частей юрты, также делаются часто орнаментированными.

Теснение по коже и аппликации из кожи встречаются главным образом на сундуках, футлярах, различных кожаных сосудах для кумыса или молока, принадлежностях седла, одежды и т. д. Орнаменты, вытесненные на кожаных сосудах для кумыса—*көөкөр*, по своей форме очень близки к ойротским (алтайским) тисненным узорам на таких же сосудах.

Конская сбруя, мужские пояса и некоторые другие предметы украшались металлическими пластинами и бляхами, покрытыми чеканкой, гравировкой чернью или прорезным узором; из серебра изготовлялись различные женские украшения.

Резным орнаментом покрывались двери и дверные рамы, сундуки, музыкальные инструменты, ручки деревянных мешалок для кумыса—*бишкек*. Применяются две техники резьбы: плоская и углубленная, при этом плоская резьба часто раскрашивается красками—красной, синей, белой, желтой. Мотивы резьбы—растительные и геометрические.

Резьба по дереву, как и художественная обработка металла, производится мужчинами, остальные виды изобразительного ис-

куства составляют область художественного творчества женщин. В номенклатуре киргизского орнамента встречаются названия тела животных, птиц и других элементов окружающей природы, а также предметов быта. Наряду с ними, особенно в вышивках и аппликациях, попадаются фантастические узоры, называемые *кыйал*.

Кроме орнамента, киргизы знали и другой вид искусства—тематический рисунок, применявшийся, начиная с XVIII столетия, в росписи надгробных сооружений—мазаров. Это фресковая живопись, аналогичная живописи мазаров Казахстана, но так же, как и последняя, изученная еще очень недостаточно. Среди рисунков на стенах мазаров встречаются изображения различных животных—коней, верблюдов, собак, козлов, предметов домашней утвари, вооружения, одежды, наконец, человеческих фигур. Иногда чувствуется желание расположить фигуры в связную композицию (сцены охоты, перекочевки), а также наем на пейзаж. Так же как и у казахов, исполнение всех этих рисунков диктовалось анимистическими идеями и представляло собой область религиозного искусства. Композиция отражала события, имевшие место при жизни умершего. Отдельные предметы должны были обслуживать покойного в „загробном мире“.

Киргизское изобразительное искусство неоднородно на всей территории его распространения. Чем ближе к периферии, тем заметнее становится влияние на него искусства соседних народов; в Ферганской долине, как уже указывалось, заметно влияние китайской орнаментики; на юге Киргизии вообще—значительная примесь элементов, сходных с узбекскими и таджикскими. Но в целом киргизское искусство ближе всего к казахскому, отчасти к кара-калпакскому и современному ойротскому (алтайскому).

Среди киргизов пользуются большим распространением разнообразные игры и развлечения. Их можно подразделить на игры молодежи, мужские и детские. Игры молодежи обоего пола—*кыз-ойун* устраивались по вечерам или в лунные ночи, ими обязательно сопровождалось свадебное торжество. В таких играх часто наличествовал элемент состязаний между юношами в пении, остроловии, ловкости и т. д. Наиболее распространенными среди молодежи играми являются: *жоолук таштамай* (аналогична русской игре в жгут), *дүмпүлдөк*—игра в волков и овец, *жашынбак*—игра в прятки, различные виды игр в жмурки и др. Одно из самых любимых развлечений молодежи—качели *селькинчек* из веревок, привязываемых к деревьям или столбам. Качаются по-двое, с пением. Среди игр мужской молодежи следует отметить игру *кара-казан*, имеющую сходство с футболом, *оромпой*—игру в „догонялки“ на одной ноге, *коонузмой*, заключающуюся в том, что две группы играющих перетягивают руками одна другую, *ак чөөлмөк*—ночную игру, во время которой две партии соревнуются в том, чтобы раньше

разыскать и доставить к черте брошенную кость или белый мяч из шерсти, и другие. Мужская молодежь старшего возраста и мужчины соревнуются в игре *аркан тартыш* (перетягивание каната), но особенной популярностью среди них пользовалась в прошлом азартная игра в бабки—*ордо*, которая воспроизводит бой за захват ханской ставки. Среди детских игр назовем: *чикит*—игру в „чижика“, различные виды игр в бабки, *эшек секиртмей*,—аналогичную русской чехарде, *ала кучук*—игру в „кошки-мышки“ и др.

Массовые развлечения и зрелища в жизни киргизского народа играют до сих пор весьма значительную роль. Самый характер этих развлечений связан исторически с условиями военной, походной жизни, требовавшей постоянной готовности к защите и нападению и, следовательно, способствовавшей развитию храбрости, силы и ловкости. Победы в военных столкновениях, естественно, выливались в народные торжества. С другой стороны, эта область народного быта была использована в целях укрепления личного авторитета и получения доходов с населения сложившейся позднее феодальной верхушкой, устраивавшей пышные празднества по различным поводам семейной и общественной жизни. Наконец, некоторые из развлечений носили пережиточный характер, сопровождая в прошлом различные обряды или являясь их составными элементами.

Наиболее древним из развлечений являлся *сайыш*—поединок двух всадников, вооруженных деревянными пиками. Цель состязания—выбить противника из седла и уронить на землю. Обязательной частью одежды в этих случаях был кожаный нагрудник или панцырь—*соот*. Иногда в поединках выступали женщины. Такие поединки часто имели смертельный исход, поэтому в последнее время устраивались очень редко, а советским правительством были вообще запрещены. Поводом к такому виду развлечений у киргизов как скачки—*ат чабыш* в прежнее время служили только похороны и тризны. Этот обычай был нарушен манапами и баями, пользовавшимися для устройства скачек всяким удобным случаем. Наряду с этим скачки превратились в излюбленный вид спорта. В скачках, устраивавшихся раньше обычно с призами, главную роль играли быстрота бега лошадей и их выносливость. Дистанции для скачек были всегда большими, доходили в некоторых случаях до 50 километров. В виде призов в прежнее время выставлялись, помимо скота, рабы, преимущественно из пленников. Выбор лошадей, пригодных для скачек, их тренировка, так же, как и подготовка жокеев, составляют целую систему различных приемов и правил и требуют большого искусства и специального навыка.

Другим видом состязаний являются скачки с козлом—*көк бөрү* или *улак тартуу*. В них уже имеет большое значение не только хорошее качество лошадей, но и умение наездника держаться в седле, его выносливость и сообразительность. Для со-

стызаний закалывают козленка и отрезают ему голову и нижние части ног. Цель состязания—доскакать до положенного на некотором расстоянии козла, не слезая с лошади, поднять его с земли и доставить к условленному месту, уходя от противников и не давая им вырвать козла. В состязаниях участвуют по-двое, по-трое от каждой из состязающихся групп (в прошлом родов), а затем состязание делается массовым. Оно также сопровождалось выдачей призов победителям. У памирских киргизов скачки на лошадях заменялись скачками на верблюдах.

Весьма популярными видами развлечений является борьба на лошадях *оодарыш*, заключающаяся в стаскивании противника с лошади (иногда лошадей замяняют люди), и борьба пеших на поясах *күрөш*, цель которой—свалить противника на землю. Борцы обычно выступали полуголыми, в кожаных шароварах, опоясанные кожаными поясами.

Одним из необходимых элементов народных празднеств являлась джигитовка. Она сопровождалась в отдаленном прошлом стрельбой из лука, позднее стрельбой из ружья по нитке, на которой к шесту подвешивался слиток серебра—*жамбы атышмай*, доставанием с лошади монеты, лежащей на земле,—*тыйин энгмей* и т. д.

Народные знания и образование Киргизы располагают богатым запасом народных знаний, вынесенных из опыта глубокого общения с природой, выработанных на протяжении многовековой истории народа.

Острая наблюдательность, многообразие впечатлений, производимых на кочевника горной природой, потребность в выработке ряда навыков и приемов в хозяйственной деятельности—явились предпосылками для существования у киргизов, наряду с распространенным среди других тюрко-монгольских народов 12-летним животным циклом, календаря, в котором представлен оригинальный 12-месячный цикл и крайне древний счет по Плеядам—*тогоол*. Киргизам было известно лунное месяцеисчисление. Среди пастухов был широко распространен счет дней при помощи овечьего помета.

В быту у киргизов употреблялись особые меры длины. Назовем, например, известную и у других средне-азиатских народов меру *кулач*—размах рук (расстояние между концами вытянутых в стороны и находящихся в горизонтальном положении рук), меру *төш жары* (от конца пальцев вытянутой руки до середины груди), *сөөм*—расстояние между концами раздвинутых большого и указательного пальца, *сере*—ширина слегка раздвинутых четырех пальцев, *эли*—ширина пальцев и др. Даже, казалось бы, примитивная мера длины—*чакырым*, обозначающая расстояние, на которое может долететь звук человеческого голоса (близкое к русской версте), имеет свое безусловное обоснование в условиях разнообразного рельефа местобитания киргизов.

У киргизов мы находим и начатки космогических представ-

лений, естественно вытекающих из пастушеского в прошлом образа их жизни. Им известна Полярная звезда под разными названиями: *темир-казык*, *алтын-казык* (железный или золотой кол), *кут жылдыз* (счастливая звезда); Плеяды—*үркөр*, Венера—*чолпон*, Большая медведица—*жетиген*, созвездие из 4 звезд—*керген-саба*, созвездие, находящееся вправо от Б. Медведицы,—*кош-өгүз* (пара быков), звезда *дост-тра-кундуз* в предзнаменованиях считается несчастливой, Млечный путь—*кербен-джол* (караванная дорога), *куш-джолу* (птичья дорога) и т. п.

Опыт наблюдения над зацветанием растений и их ростом позволил киргизам выработать ряд примет, дающих возможность определять время наступления весны или зимы, предвидеть ее малоснежность или многоснежность, качество травяного покрова и т. п. Как бы ни были примитивны и неточны эти приметы, они дают право говорить о наличии у киргизов в прошлом своей фенологической системы.

Совершенно исключительно познания киргизов в области живой природы. Им известны сотни названий различных горных растений, причем хорошо выяснены их ядовитые или полезные свойства как для скота, так и для народной медицины. В окружающем их пестром животном мире киргизы всегда свободно ориентируются. Особой, можно сказать, виртуозности достигли киргизы в распознавании различных видов и подвидов хищных птиц, используемых ими для охоты. Киргизы различают разновидности среди ястребов: *кыргый* (ястреб-перепелятник), *чүйлү куш* (ястреб-тетеревятник), среди соколов: *шумкар* (кречет), *ителъги* (балобан), *ылаачын* (сапсан), подвиды последнего *кара-ылаачын*, *тоо-ылаачын* и др.

Наконец, упомянем еще о богатых анатомических познаниях киргизов, что прежде всего относится к анатомии домашних животных, о подробной терминологии для мастей домашних животных, их возраста и т. п.

Однако при наличии всех этих разносторонних познаний, распространенных в народе, до Октябрьской революции киргизы были почти сплошь неграмотными. Грамотных было менее чем 2%. Это были преимущественно манапы, баи, члены туземной администрации, служители культа и т. п. Грамотные женщины исчислялись единицами. На территории современной Киргизии в 1914-15 г. насчитывалось 103 начальных школы и 4—более повышенного типа; во всех школах обучались 7401 чел., в числе которых было всего несколько сот киргизских детей.

До прихода русских обучением киргизских детей занимались приглашавшиеся манапами в собственные аилы бродячие узбекские муллы, все знания которых заключались в умении читать некоторые главы из карана, не понимая их. С присоединением края к России в аилах появляются татарские учителя, достигающие несколько больших успехов, чем их предшественники. В последние десятилетия аильная начальная школа—*мектеп*

устраивалась обычно при тех мечетях, где имелся имам, который и обучал детей. Ряд таких мектебов содержался манапами и баями, в них обучались дети их приближенных и родственников. Некоторые из манапов в последнее, перед Октябрьской революцией, время создавали на свои средства новометодные школы. Усвоившие грамоту получали должность писаря у вселенных управителей или же какое-либо иное место в аппарате туземной администрации. Бедняк, если он и был грамотным, обычно на такие должности попасть не мог.

Русско-туземные училища, существовавшие в некоторых пунктах (Пишпек, Ош, Кетмень-Тюбе, Пржевальск и др.), готовили преимущественно кадры переводчиков и служащих для аппаратов местной администрации. Одно такое училище для киргизских детей имелось в г. Аулие-Ата (ныне Жамбыл, Казахской ССР). Хотя количество этих училищ и было крайне незначительным, а система преподавания в них не приводила к значительным результатам, все же они оказывали известное влияние на умственный уровень киргизской молодежи. Сыновья некоторых манапов, окончившие эти училища, продолжали образование в русских городских училищах и гимназиях.

IV

ПУТИ РАЗВИТИЯ КИРГИЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Значение Октябрьской социалистической революции в жизни киргизского народа. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. Переход кочевых и полукочевых киргизских хозяйств к оседлости. Развитие промышленности. Транспорт и связь. Новые оселые селения и жилища. Сохранение юрты. Пути изменения одежды и пищи. Рост кадров. Общественный труд. Изменения в семейно-брачных отношениях. Здравоохранение. Физическая культура и спорт. Народное просвещение. Печать и литература. Изменения в сознании. Расцвет народного творчества. Музыка и театр.

Великая Октябрьская социалистическая революция сохранила киргизский народ от вымирания, принесла ему освобождение от колониального рабства и социального угнетения, возродила к человеческой жизни огромное количество людей, разоренных и лишившихся своей родины в результате восстания 1916 года. Установление в начале 1918 г. в Киргизии советской власти было встречено ожесточенным сопротивлением со стороны белогвардейцев, контрреволюционного байства и манапства. Верхушка семиреченского казачества, совместно с кулацкими колонизаторскими элементами русского крестьянства, организовала в 1918—1920 гг. ряд контрреволюционных восстаний. В южной Киргизии на протяжении последующих лет развернулось басмаческое движение, организованное баями и манапами и поддержанное из-за границы. Казачье-кулацкая и байско-манапская контрреволюция, как и басмаческое движение, были ликвидированы при бескорыстной помощи русского рабочего класса, руководимого коммунистической партией большевиков, верные сыны которой, соратники Ленина и Сталина—т.т. Фрунзе и Куйбышев, стояли во главе Туркестанского фронта. Как красногвардейские отряды в начальный период гражданской войны (в их рядах боролись наиболее сознательная часть киргизской бедноты), так и регулярные части Красной Армии в своей борьбе с врагами опирались на широкое сочувствие и помощь со стороны киргизского тру-

дового крестьянства. В борьбе с басмачами принимали участие киргизские партизанские отряды.

Населенные киргизами районы после Октябрьской революции вошли в состав Туркестанской Советской Социалистической республики. В процессе национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. была образована Кара-Киргизская автономная область (25 мая 1925 г. переименованная в Киргизскую), которая вошла в состав РСФСР. В 1926 г. решением III Сессии ВЦИК, утвержденным XIII Всероссийским съездом Советов, Киргизская автономная область была преобразована в Киргизскую Автономную Советскую социалистическую республику. Дальнейшим этапом государственного оформления киргизской нации было создание в 1936 году, в соответствии с утвержденной VIII Чрезвычайным Всесоюзным съездом Советов Сталинской Конституцией, новой Союзной Киргизской ССР, вошедшей в состав Союза ССР в качестве его равноправного члена.

В 1920 г., после окончания гражданской войны в северной Киргизии, бежавшие в Китай кочевники-киргизы, благодаря принятым советским правительством мерам, начинают массами возвращаться на свою родину. Государство широко пришло на помощь десяткам тысяч нищих и голодных семей. В 1921 г. была осуществлена земельная реформа, в результате которой бедняцкие и середняцкие хозяйства беженцев были наделены землей, отнятой у захвативших ее казачье-кулацких элементов, скотом и инвентарем. В 1927 г. земельно-водная реформа была проведена в южной части Киргизии, где были ликвидированы байские и полуфеодалные хозяйства, а их земли и инвентарь перешли к батракам, издольщикам и бедняцко-середняцким хозяйствам. Эти крупные мероприятия поднимали благосостояние широких трудящихся масс киргизского народа. Но окончательно вывела киргизский народ на широкий путь зажиточной и обеспеченной жизни только коллективизация сельского хозяйства, сопровождавшаяся ликвидацией эксплуататорского класса баев и манапов.

Решающие изменения в экономике, в классовом составе населения и его бытовом укладе произошли за годы Сталинских пятилеток. Пользуясь неослабной помощью русского рабочего класса, правительства СССР, личной поддержкой и вниманием великого Сталина, киргизский народ преобразил свою жизнь, построив ее на совершенно новой основе.

До Октябрьской революции Киргизия, как и другие колонии царской России, была ее аграрно-сырьевым придатком. Незначительное количество предприятий исключительно кустарного типа существовало лишь в таких отраслях промышленности, как хлопкоочистительная, кожевенная, кишечная, пивоваренная, мукомольная, маслобойная. В южной Киргизии было начато строительство каменноугольных копей.

В результате осуществления Сталинских пятилеток Киргизия быстро превращается в промышленно развитую республику¹. Киргизия имеет теперь собственную тяжелую промышленность. Полностью реконструирована каменноугольная промышленность, являющаяся основной топливной базой среднеазиатских республик. Центрами угольной промышленности Киргизии стали Кзыл-Кия, Кок-Янгак, Таш-Кумыр, Сулюкта. Создана нефтедобывающая промышленность с крупными нефтепромыслами Чангыр-Таш. Построен ряд оборудованных современной техникой рудников с обогатительными фабриками по добыче цветных и редких металлов: свинцово-цинковых, сурьмяно-ртутных и других. В республике задымили металлообрабатывающие заводы: Фрунзенский инструментальный, Новотроицкий машиностроительный, „Красный металлист“, чугуно-литейный завод в г. Фрунзе и другие.

Большое развитие получила в Киргизии и текстильная промышленность. Она представлена крупным шелко-ткацким комбинатом в г. Ош, несколькими трикотажными, швейными и обувными фабриками, кожевенными заводами, суконной, чулочной и прядильной фабриками. Имеется также несколько хлопкоочистительных заводов, пенько-джутовая фабрика, завод по переработке новолубьяных культур, комбинаты легкой промышленности в гг. Ош, Пржевальск, Джалал-Абад и т. п.

Пищевая промышленность Киргизии обогатилась такими крупными предприятиями, как Фрунзенский мясоконсервный комбинат, Токмакский овоще-консервный комбинат, Джалал-Абадский витаминно-консервный комбинат.

Особенно широко развернулось строительство сахарных заводов в Чуйской долине, где свеклосеяние получило большой удельный вес в сельском хозяйстве. Помимо действующих Кантского, Карабалтинского и Кагановичского сахарных комбинатов, Токмакского, Беловодского и Новотроицкого заводов, в процессе строительства находится ряд новых предприятий сахарной промышленности. Среди предприятий пищевой промышленности построены молочные и маслособойные заводы, табачная фабрика, хлебокомбинат, плодovinкомбинат.

Заново созданы также такие отрасли промышленности, как горнохимическая, полиграфическая, лесная, фармацевтическая и некоторые другие.

Валовая продукция промышленности республики в 1945 г. по сравнению с 1913 г. увеличилась в 300 раз.

Одновременно с развитием промышленности идет создание энергетической базы. Киргизия располагает огромными ресурсами „белого угля“, открывающими широкие возможности для

¹ В качестве основного источника для приводимых ниже данных по развитию хозяйства республики автор использовал сборник „XV лет Киргизской ССР“ (Фрунзе, 1940 г.).

строительства гидроэлектростанций. Уже построено несколько крупных гидростанций и более мелких, районного значения, в Иссык-Кульской и Фрунзенской областях создана сеть сельскохозяйственных и межколхозных гидроустановок.

Развитие промышленности в республике послужило основой, на которой у киргизов, почти не имевших до Октябрьской революции промышленного пролетариата, появились кадры квалифицированных рабочих, вырос рабочий класс. Труд на фабриках и заводах, в шахтах и на рудниках, в лесной промышленности и на транспорте стал одним из основных занятий киргизов. Из их среды выросли стахановцы, мастера своего дела, уверенно владеющие самыми сложными специальностями.

Занятием подавляющего большинства населения, как и раньше, остался труд в сельском хозяйстве. Однако характер и условия этого труда коренным образом изменились. Он стал осмысленным и целеустремленным, стал совершеннее и производительнее, поскольку стала иной социальная и полностью реконструирована техническая база сельскохозяйственного производства.

99,6% крестьянских хозяйств Киргизии, большинство которых в прошлом кочевало по горным долинам и склонам высочайших хребтов разрозненными аилами со стадами и неприхотливым домашним скарбом—свыше 190 тысяч мелких, неустойчивых хозяйств, целиком зависевших от капризов природы, прихотей манапов и баев, теперь объединено в 1799 колхозах. В Киргизии создан также 42 совхоза различного типа. Колхозам и совхозам принадлежит 99,97% всей посевной площади республики. Земледелие из вспомогательной, потребительской отрасли хозяйства превратилось в крупную механизированную, товарную отрасль социалистического сельского хозяйства. Поля колхозов обрабатывались в 1945 г. 66 МТС, в которых было сосредоточено свыше 4500 тракторов, более 1000 комбайнов, около 600 сложных молотилок, до 3000 сеялок и большое количество другого сложного сельскохозяйственного инвентаря. В сельском хозяйстве республики 61,4 проц. всех работ падает на механическую силу.

Посевная площадь в республике только под зерновыми культурами увеличилась по сравнению с дореволюционным периодом на 127%. В несколько раз увеличились посевные площади под техническими культурами, в частности под хлопком. Заняли прочное место в земледелии ранее не возделывавшиеся сахарная свекла, новолубяные культуры (кенаф, южная конопля и др.), эфиромасличные культуры, лекарственный мак. В киргизском хозяйстве все более заметную роль начинает играть овощеводство и возделывание картофеля. В Таласской долине и некоторых районах южной Киргизии успешно развилось табаководство, в Чуйской долине освоена также новая культура—рис.

Применение усовершенствованных машин, широкое внедре-

ние агротехнических мероприятий и великолепные достижения колхозников-стахановцев привели к тому, что Киргизия с 1936 г. завоевала первенство по урожайности свеклы в Советском Союзе, получая ежегодно устойчивый урожай в среднем свыше 300 ц с га. В 1940 г. урожай свеклы по республике составил 431 ц с га. В течение последних лет перед войной 1941—45 гг. республика занимала также первое место в СССР по урожайности хлопка, сдав промышленности в 1939 г. в среднем с каждого гектара по 18,5 ц. Эти успехи достигнуты, в частности, благодаря огромным вложениям в ирригационное строительство. В Киргизии построено 4400 гидротехнических сооружений, выстроен ряд крупных оросительных каналов.

Разительные изменения произошли и в области животноводства. Еще в 1928 г. байские и манапские хозяйства, составлявшие около 9,8% всех хозяйств в Киргизии, сосредотачивали в своих руках до 22% крупного рогатого скота, до 40% поголовья лошадей и 67% овец. В результате коллективизации большое количество скота (40% поголовья в 1940 г.) превратилось в общественное достояние, а значительная его часть находится в индивидуальном пользовании колхозников. Основной отраслью животноводства в республике является овцеводство.

Рост товарного колхозного животноводства нашел свое выражение в создании колхозно-товарных ферм. К 1941 г. они имелись во всех колхозах республики.

Историческим событием в жизни киргизского народа, не только изменившим характер животноводческого хозяйства, но и разрушившим здесь застойный кочевой быт, явился перевод кочевых и полукочевых хозяйств на оседлость. Этот грандиозный по масштабам переход к оседлости, осуществленный на основе коллективизации кочевников-скотоводов, охватил свыше 50 тысяч хозяйств. На средства, отпущенные государством, распланированы хозяйственные центры, построены жилые и производственные помещения, культурно-бытовые учреждения, дороги, осушены болота, озеленены усадьбы, построены водопроводы и выполнено много других работ.

Процесс оседания, имеющий исключительное политическое и хозяйственное значение, в основном закончился уже в предвоенные годы. Любопытно отметить, что и на Восточном Памире, в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области (Таджикская ССР), киргизы, до самого последнего времени ведущие кочевой образ жизни, начали оседать. Уже в 1939 году 61 семья перешла на оседлую жизнь. Создается кормовая база для животноводства—на высоте около 4000 м. над уровнем моря посеяны сотни га ячменя. От многих памирских скотоводов начали поступать заявления с просьбой организовать у них колхозы.

Переход к оседлости вовсе не означает отказа от использования богатейших пастбищ, продолжающих сохранять свое

значение, как один из главных видов кормовых ресурсов социалистического животноводства. В Киргизии имеется свыше 11 млн. га пастбищ. Летом сотни колхозов и десятки совхозов выпасают свой скот высоко в горах, иногда на сыртах, спуская его к осени в более низкие, теплые долины. Частично скот остается на зиму в высокогорных долинах и на сыртах, где мало бывает снега. Однако техника животноводства не ограничивается, как прежде, только выпасом скота. Для зимовки его строятся теперь специальные помещения, организуется заготовка кормов путем сенокошения, силосования, посева кормовых культур и т. п. Создана большая сеть ветеринарных учреждений, организовано зоотехническое обслуживание и т. п. Навсегда покончено с джутом, этим бичем кочевого киргизского хозяйства.

Одним из серьезных достижений является улучшение пород скота и повышение продуктивности животноводства. С этой целью была развернута большая работа по метизации скота. Грубошерстная киргизская овца в массе метизируется тонкорунными „вюртембергами“ и „прекосами“, местная порода коров — культурными породами (швицы, симменталы, аулие-атинский скот). Низкорослая местная порода лошадей улучшается английской, англо-донской и донской породами. За последние 10 лет количество лошадей улучшенных пород в колхозах увеличилось в 17 раз, крупного рогатого скота — в 10 раз, овец тонкорунных пород и метисов — в 45 раз. Самые новейшие достижения науки и техники применяются в животноводстве республики. Широко используется, например, метод искусственного осеменения скота. В совхозах и некоторых колхозах начинает применяться электрострижка овец.

Следует отметить среди других фактов, характеризующих коренные сдвиги в хозяйстве киргизов, появление новой отрасли животноводства, именно — свиноводства, существование которого в прошлом было совершенно исключено по религиозным мотивам. Теперь уже в ряде киргизских колхозов разводятся свиньи, приплод от которых идет на продажу и мясопоставки. Разводят свиней в личном хозяйстве отдельные колхозники-киргизы и рабочие совхозов.

В результате всех перечисленных мероприятий, роста квалифицированных кадров животноводов-стахановцев, успехов социалистического соревнования, Киргизская ССР в 1938 году заняла первое место в СССР по развитию животноводства, получив переходящее Красное знамя Наркомзема СССР.

Стахановский труд обеспечил колхозам и колхозникам высокие доходы. Если в 1933 году колхозы Киргизии получили 68,4 млн. руб. денежных доходов, то в 1938 г. денежные доходы составили уже 318,7 млн. руб. Колхоз имени Кирова, Карасуй-

ского района, получил в 1938 г. 2 млн. 463 тыс. руб. дохода и выдал колхозникам одними лишь деньгами по 12 руб. 20 коп. на трудодень, сельхозартель „Кенеш“, Ивановского района, получила в 1939 году валовой доход в 1 013 172 руб. В Киргизии насчитывалось в 1940 г. свыше 80 колхозов-миллионеров.

За годы социалистического строительства в Киргизии достигнуты большие успехи в области развития транспорта и связи. Только после Октябрьской революции железная дорога была доведена до городов Фрунзе и Ош. За годы второй и третьей пятилеток выстроены десятки километров новых железных дорог. Основные административные и промышленные центры республики связаны теперь железной дорогой. В 1939 году приступлено к строительству новой железнодорожной магистрали Кант—Рыбачье, протяжением 173 км, которая соединит главные зерновые районы Киргизской ССР—Иссык-Кульскую котловину, горные животноводческие и лесные районы, богатые угольные, свинцово-рудные и золотоносные месторождения—с Туркестано-Сибирской железной дорогой. Железная дорога Кант—Рыбачье доведена уже до Джил-Арыка. Значение этой новой магистрали для дальнейшего расцвета Киргизии огромно. Большую роль в этом расцвете сыграет также строящаяся автомобильная дорога Фрунзе—Джалал-Абад—Ош, которая свяжет северную часть Киргизии с южной. Автотранспорт в Киргизии имеет особо важное значение, являясь основным видом механизированного транспорта при ее горном рельефе.

До 1927 года Киргизия располагала всего 35 км. дорог, приспособленных для движения автотранспорта в течение всего года. Во 2-й пятилетке Киргизия обогатилась первыми крупными дорожными сооружениями: трактами Фрунзе—Рыбачье, Талас—Джамбул и др., а всего за годы советской власти протяженность благоустроенных дорог увеличилась до 10 000 км.

В строительстве усовершенствованных дорог, ликвидирующих вековую изолированность районов, кыштаків и айлов, крупное место принадлежит инициативе самих колхозников. При активном участии трудящихся Уч-Терекского и Токтогульского районов, считавшихся ранее недоступными скалами, построена шоссейная дорога между Токтогулом (Кетмень-Тюбе) и Таш-Кумыром, протяженностью свыше 100 км. 4500 колхозников Иссык-Кульской области за 25 дней—вместо 75—построили дороги на участках Рыбачье—Чолпон-Ата и Лизогубовка—шахта „Джергалан“. За 39 часов колхозниками Узгенского и Советского районов была выстроена 22-километровая дорога Мирза-аки—Кара-Кульджа. Только за два предвоенных года трудящимися республики методами народныхстроек сооружено 2160 км автодорог. В этом сказались замечательные плоды творческой инициативы и социалистических методов труда освобожденного от эксплуатации колхозного крестьянства.

Киргизский народ получил возможность пользоваться всеми современными видами связи (телефон, телеграф, радио), которая в условиях большой отдаленности многих районов от центров республики приобретает значение важного фактора в развитии ее экономики и культуры.

Бурное развитие социалистической экономики, повышение материального благосостояния колхозников, рост заработной платы рабочих и служащих, вместе с повышением культурного уровня сотен тысяч вчерашних полунищих, неграмотных кочевников, байских пастухов и издольщиков вызвали коренные изменения в их бытовом укладе¹. Эти изменения коснулись решительно всех сторон материальной и общественной жизни киргизского народа, они произошли и в его сознании.

В области материальной культуры они выявились особенно ярко в создании новых селений и жилищ. Там, где совсем недавно располагались затерянные в горах айлы, в местах, куда скотоводы съезжались на зимовку и где можно было встретить лишь несколько десятков закопченных глинобитных мазанок, окруженных юртами, сейчас вырастают новые благоустроенные кыштаки. В районах оседания кочевников накануне завершения мероприятий по оседанию распланировано 563 усадебных центра, в которых расположено 842 колхоза. Для колхозников построено около 35 тысяч жилых домов, проведен ряд водопроводов протяжением в несколько десятков километров, для озеленения колхозных усадеб отпущено свыше 500 тыс. саженцев. Сады и парки заложены на территории в 17,5 га.

Типовой стандартный домик колхозника состоит чаще всего из двух или трех комнат; из небольшой передней одна дверь ведет в кухню, а другая—в жилое помещение, имеющее 2-3 окна. В кухне устраивается небольшая плита, а в жилой комнате имеется обычно железная печь типа временки (труба выводится на крышу). Иногда в доме расположена еще кладовая, примыкающая к передней и кухне. Материалом для постройки таких домиков служит чаще всего сырцовый кирпич. Крыши делаются двускатными, с легким наклоном, и заливаются сверху глиной, смешанной с мелко изрубленной соломой. Полы, при наличии леса, делаются деревянными, но довольно часто остаются земляными. Например, в то время, как у членов колхоза им. Орджоникидзе, Тюпского района, в 65—70% домов полы уже деревянные, в колхозе „Курулуш“ того же района (до 1930 г. члены его были кочевниками) деревянные полы имеются только в 17 колхозных домах из 80. Как признак повышения культурности отметим тот факт, что в некоторых районах (напр., Джеты-Огузский) колхозники белят свои дома известью как внутри, так и снаружи.

¹ Характеристика этих изменений дается по материалам, относящимся к 1938-1939 гг., и таким образом, отражает картину бытового уклада накануне Великой Отечественной войны.

Опишем внутренний вид одного из таких домиков—жилище рядового колхозника Джакыба Джумагулова (колхоз „Джаны-Аил“, Джеты-Огузского района). Дом Джакыба имеет крыльцо, в нем две комнаты, с деревянными полами. В большой комнате стоит деревянная кровать, сундук, два стола, стул и табурет; на стенах портреты Ленина, Сталина и Кагановича, карта, бархатный ковер, *туш-кийиз*, пол застлан белой кошмой. У одной стены сложены одеяла. На окнах висят занавески. В комнате стоит швейная ручная машина, патефон, самовар, лежат книги. Во второй, меньшей, комнате стоит еще одна деревянная кровать, стол, колыбель. Здесь же железная печь. Семья Джакыба состоит из 4 человек.

Насколько интенсивно идет строительство новых жилищ, видно из следующего факта. В 1938 г. в колхозе „Джаны-Аил“, Джеты-Огузского района, было выстроено колхозниками 7 новых домов, а в 1939 г. их строилось уже 35. Европейского типа мебель все более проникает в быт колхозников. Почти у всех 80 членов колхоза „Курулуш“, Тюпского района, имеются столы и стулья, кровати же имеются пока только у 11. Спят на полу не только те колхозные семьи, в которых еще нет кроватей. Иногда купленная кровать не используется по назначению, а стоит убранная, как украшение, семья же продолжает спать на полу. Широко проникает в быт постельное бельё. Очень часто в доме имеется зеркало в деревянной раме, иногда деревянный шкафчик для посуды. Наряду с европейской мебелью, встречаются низкие круглые столики. Пол застилается не только простой, но довольно часто орнаментированной кошмой—*шырдак*, или подстилкой из овечьих шкур. Стены во многих домах заешиваются плакатами. Из утвари, наряду с металлической и фарфоровой посудой, очень широко распространены самовары. Керосиновые лампы и фонари „летучая мышь“ повсеместно вытеснили примитивные коптилки—*чырак*. В ряде колхозов выстроены электростанции, и в домах колхозников появилась электрическая лампочка. Железные печи делаются иногда низкими, цилиндрической формы, причем сверху в них вставляется традиционный котел.

Европейская культура, культурные навыки воспринимаются бывшими кочевниками через посредство русских и украинцев. Побелка стен, применение вилок, появление столов, кроватей, самоваров, занавесок на окнах—все это, как и многое другое, является не только бесспорным результатом повышения материального уровня народа, но и следствием положительного влияния культуры передового русского народа. Это влияние идет, с одной стороны, путем непосредственного контакта киргизов с окружающим русским и украинским населением, а с другой—через сельскую интеллигенцию, получившую образование как в городах, так и в крупных районных центрах и переносящую городскую культуру в айлы и кыштаки.

Старая киргизская юрта, однако, далеко еще не потеряла своего значения до настоящего времени. В тех районах, где процесс оседания завершился недавно и где еще не все колхозники обеспечены домами, юрта пока играет значительную роль. Для памирских же киргизов юрта и сейчас является основным видом жилища. В их домашнем обиходе также появилась фабричная металлическая посуда (в том числе вилки и ложки), керосиновые лампы, фонари „летучая мышь“. В центре Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области (Таджикистан)—Мургабе и его окрестностях—памирские киргизы строят себе в последнее время уже и зимние жилища, причем общий вид постройки—европейский, но пол остается земляным, а устройство очага заимствовано у соседних припамирских таджиков.

Многие колхозы Киргизии изготовляют юрты для колхозников, отправляющихся с колхозными стадами на пастбища и остающихся иногда в этих юртах на сыртах и зимой. Юрты используются также как помещение для молодняка (ягнят, телят) и ставятся в этих случаях рядом с жилищами колхозных пастухов. В некоторых районах, например, в Тонском, многие из бывших кочевников, живущие уже в домах, наряду с хозяйственными постройками ставят во дворе юрту, которая используется главным образом для приготовления пищи. Во время сезонных земледельческих работ юрты ставятся в поле для колхозных бригад и звеньев.

Широко используются юрты совхозами под жилье для пастухов, живущих на фермах и выпасающих скот на дальних пастбищах. Внутренний вид юрты у колхозников и рабочих совхозов резко изменился. В ней иногда можно видеть стол, покрытый клеенкой, стулья; к кереге бывают привешены портреты и фотографии. В юрте у стахановца-животновода Иманалы Балкабекова, живущего в горах (совхоз „Санташ“), имеется железная койка, самовар, патефон. Сохраняется еще и железный таган с котлом и костер под ним, обитый жестью сундук, иногда и кожаная посуда; одеяла, как и раньше, складываются у стены, но среди них уже и у рядовых колхозников много шелковых, встречавшихся раньше только у баев.

Совершенно неизвестными стали прежние киргизские кыштаки. Вот один из многочисленных примеров. Старый кыштак Карымшак (Ивановский район) представлял собой несколько десятков беспорядочно разбросанных глинобитных хатенок и юрт. Вместо улиц были тропы. Зелени не было никакой. Керосиновых ламп никто не имел, и по вечерам в кыштаке была непроглядная темень. На месте Карымшака ныне вырос благоустроенный кыштак Октябрьский, а в нем—один из лучших колхозов республики—„Кенеш“. Главная улица кыштака расположилась по тракту, вдоль нее выстроились новые белые уютные домики колхозников. Дорожки вдоль тракта обсажены тополями. Рядом с зданием правления колхоза выстроен клуб с читальней и за-

лом для киносеансов. За этими зданиями расположился молодой сад с фруктовыми деревьями. Почти все усадьбы колхозников обсажены тополями, а возле многих домов есть молодые яблони. Самое лучшее здание в кыштаке—здание средней школы, в которой учатся сотни ребят. Озеленение колхозных кыштаків—явление массового характера, и, что особенно важно, сады разводят колхозы, состоящие из бывших кочевников.

Начинают появляться в колхозах свои парки культуры и отдыха. На окраине кыштак Янги-Наукат (Наукатского района) разбит первый в южной Киргизии колхозный парк культуры и отдыха им. Евгения Федорова. Четыре га площади парка засажены тутом, урюком, орехом, арчей. В парке построен клуб на 600 человек, бильярдная, читальня, раковина для оркестра, душ; вырыт пруд (хауз); над арыком устроена чайхана. Специальная площадка в парке отведена для стоянки автомашин: колхозники приезжают в кино на автомобилях. Парк был устроен по инициативе членов сельхозартели „Маданият“ в ознаменование выборов депутатом в Верховный Совет СССР от населения этого округа Героя Советского Союза т. Федорова. В оборудовании парка большое участие приняли женщины из колхозов „Гюлистан“, „Кзыл-Теит“, „Зарбдар“, им. Молотова и др.

Печать некоторого своеобразия лежит на тех же процессах изменения селения и жилища, которые происходят в южной Киргизии. Реконструкция старых глинобитных жилищ колхозников юга идет главным образом по пути устройства деревянных полов, европейского типа дверей и окон с рамами и стеклами; впрочем, довольно часто лишь расширяются до размера окон прежние световые щели, а вставляемое стекло (без рамы) вмазывается прямо в глину. Бывшие кочевники скотоводы, строя новые дома, заимствуют тип жилищ у соседних узбеков, делают в этих домах, при наличии леса, деревянные полы, окна с рамами и стеклами и ставят железные печи.

Многие колхозники строят себе вместо тесных и неудобных старых жилищ новые просторные дома. В колхозе „Пятилетка в 4 года“, Ошского района, более половины колхозных семей (из 157) выстроили себе новые жилища. Они более или менее однотипны с новыми постройками в других колхозах юга, почему приводимое ниже описание нового дома звеньевго колхоза Калы Таирова дает достаточное представление о новых жилищах южных киргизов вообще. Когда Калы Таиров вступал в 1931 году в колхоз „Пятилетка в 4 года“, у него была только юрта. Работая в колхозе, Калы выстроил себе небольшой глинобитный домик в одну комнату, с единственным окном. Стахановский заработок позволил Калы выстроить новый дом—один из лучших в кыштак. Этот дом уже сложен из сырцового кирпича, имеет правильную геометрическую форму, стены его внутри и снаружи тщательно обмазаны глиной, в нем две комнаты (одна из них—кухня), двери из которых выходят на большую

террасу, покрытую общей с домом плоской крышей. Внутри в стенах дома сделано много ниш, в каждой комнате имеется тщательно отделанный узбекского типа очаг с дымоходом в стене (на крышу выведена труба). На террасу выходят большие окна со стеклами. В жилой комнате, кроме очага, стоит железная невысокая цилиндрической формы печь, служащая одновременно и плитой. На террасе помещается широкая деревянная кровать—помост, на которой летом отдыхают, работают и спят. В доме у Калы много одеял, большое количество которых всегда считалось признаком достатка, железная кровать, резной сундук, металлическая и фарфоровая посуда, керосиновая лампа. Стены сплошь украшены различными плакатами и лубками.

При домах часто имеется пристройка для скота. Усадьба вместе с домом и хозяйственными постройками, огораживается глиняной стеной. Необходимо еще добавить, что новые дома выгодно отличаются от старых своей чистотой и опрятностью. Расставленные в нишах фарфоровые блюда и подносы, кроме своего прямого назначения, служат для украшения. Европейская мебель встречается пока не у всех, чаще всего—железные кровати. Полы обычно пока земляные—их утрамбовывают и заливают глиной, но потолки везде отделяются деревом, иногда фанерой, очень тщательно. Покрывают полы расшитыми кошами и коврами.

У многих колхозников юга рядом с домом стоит юрта, используемая как вспомогательное летнее жилище.

Национальная одежда киргизов в сельских местностях продолжает сохраняться, но, в большинстве случаев, в сочетании с отдельными принадлежностями европейской одежды. Кроме того, при сохранении старого покроя, в обиход прочно вошли фабричные ткани. Молодежь, в особенности учащаяся или окончившая какие-либо учебные заведения, курсы и т. п., а также сельская интеллигенция (не говоря уже о городской и горожанах вообще), почти полностью перешла к ношению европейской одежды.

В мужской одежде прочное место заняли европейский пиджак и однобортная закрытая куртка с отложным или стоячим воротником, которую часто шьют из вельвета; наряду с халатом, появилась верхняя одежда, приближающаяся по типу к городскому пальто на вате, с отложным воротником, застегивающаяся на пуговицы. Среди обуви главное место заняли русские сапоги и ботинки. меховые шапки оторачиваются теперь часто мехом сурка. Наряду с широким распространением национальной войлочной шляпы, можно отметить употребление мягких круглых простроченных панам и фетровых шляп.

У женщин продолжает сохраняться безрукавная одежда, однако равное с ней место занимают жакеты, часто бархатные, плюшевые или вельветовые, а у молодых женщин, кроме жакетов, встречаются бархатные камзолы. Девушки-колхозницы

и учащиеся очень любят городское платье, многие из них носят юбки и блузки, среди них становятся обычными сорочки, а прежние шаровары заменяет трико. Серебряные украшения попрежнему носят охотно, излюбленными у девушек являются броши с портретами вождей и значки различных добровольных обществ (последнее относится в еще большей мере к юношам), популярные шелковые кашне. Часты пальто из плюша и белые шелковые вязанные шали. Обычная обувь—ботинки и туфли. Тюрбан женщины носят, но он встречается реже чем раньше, его заменяет платок. Многие девушки носят береты и шляпы.

Как общее явление необходимо отметить употребление для одежды ранее недоступных широким массам тканей: сукна, шелка, бархата и т. п., а также все более частое ношение смешанной одежды—европейской и национальной.

Обеспеченная жизнь позволяет колхозникам одеваться богато и красиво. Вот один из характерных примеров. Бабушка пятнадцатилетней Токуш, дочери звеньевой колхоза „Кенеш“ Ивановского района Ракии Садыковой, когда была в возрасте внучки, имела единственное платье из маты. Токуш, кроме обычных будничных платьев, имеет два шелковых и одно маркизетовое. Мать купила ей шаль из шелка за 280 рублей. Токуш имеет два пальто, изящные туфли, шелковые чулки.

Неузнаваемо изменилось как качественно, так и количественно питание населения. Ни в какое сравнение с прежней жизнью впроголодь, с постоянными заботами о чашке жармы и айрана, не может идти пищевой режим современного колхозника, отражающий в себе зажиточность колхозного кыштака и айла. Прежде всего на столе колхозника перестало быть редкостью мясо, в пищевой обиход вошли картофель и овощи, стал доступен широким массам рис, а с ним и плов, в пищу стали употребляться яйца в вареном виде; наряду с лепешками, выпеченными в котле или в глиняной печи—*тандыр* (новшество, заимствованное у узбеков), употребляется и печеный европейским способом хлеб.

Вот как описывает повседневную пищу колхозников артели им. Орджоникидзе Талдысуйского сельсовета, Тюпского района, Мукаш Кызылбеков. Утром пьют чай с молоком и с солью, к которому подаются лепешки, в полдень—жарма с хлебом, иногда бозо, вечером варится мясной суп, вместо которого иногда делают плов или куурдак. Если по какой-либо причине нет мяса, его заменяет чай с молоком и с хлебом. Бывает, что утром пьют жарму, а в полдень—чай. Характерно, что наиболее сытная мясная пища употребляется преимущественно вечером—в этом сохранилась старая традиция. Тем не менее, куурдак, например, делается иногда и днем. Теперь днем мясо едят уже и во время мусульманского поста—*орозо*, в том числе старики. Широким спросом пользуются кондитерские изделия и сахар. Улахольским сельмагом, обслуживающим рабочих животноводче-

ского совхоза „Улахол“ (около 90% рабочих—киргизы) и прилегающие колхозы, за 1938 год одних только кондитерских изделий продано на 17 843 рубля и сахара на 22 624 рубля. Вместе с тем не забывается национальное лакомство—*боорсок*, употребляемое теперь часто с сахарным песком.

Видное место в колхозах (не говоря уже о предприятиях и совхозах) начинает занимать общественное питание. Оно организуется во время сезонных работ на полевых станах, в бригадах охотников и т. д. На это время выделяются повара, большей частью женщины. Обычной пищей служит мясной суп, часто с лапшой.

В ряде колхозов имеются уже свои колхозные столовые. После успешного окончания полевых работ во многих колхозах организуется за счет колхоза общественное угощение. То же самое бывает и по случаю больших советских праздников. Обеспеченная сытная пища у вчерашнего бедняка, месяцами не пробовавшего мяса, не знавшего часто вкуса сахара, почитавшего даже хлеб редким лакомством,—великое завоевание социализма.

Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила классовую структуру киргизского общества и полностью преобратила общественные отношения, существовавшие в киргизском аиле. Развитие социалистических форм хозяйства, в особенности победа коллективизации в сельском хозяйстве Киргизии предопределили ликвидацию эксплуататорских классов: байства, манапства, кулачества, и появление нового класса в киргизском обществе—рабочего класса. Выросшая за годы Сталинских пятилеток киргизская интеллигенция, колхозное крестьянство и рабочий класс составляют новое советское киргизское общество.

По сравнению с дореволюционным временем количество промышленных рабочих выросло в 50 раз, из них 74 проц. заняты в крупной промышленности. Среди нескольких десятков тысяч рабочих, занятых в промышленности, значительную часть составляют киргизы. В рядах киргизской интеллигенции есть инженеры, техники, агрономы, художники, писатели, артисты, научные работники и др., в том числе много женщин.

В борьбе за выполнение сталинских пятилеток, за расцвет родной республики выросли и закалились новые кадры партийных и советских работников, государственных деятелей, хозяйственников. Сотни вчерашних колхозных пастухов, трактористов, рабочих-стахановцев успешно справляются с порученными им государственными делами.

Многообразна, содержательна, проникнута новыми социалистическими отношениями общественная жизнь в городах, кыштаках и аилах Киргизии. Она тесно переплетается с интересами общественного хозяйства и труда, многими нитями связана с общественно-политической жизнью всего великого Советского Союза.

Социалистическое соревнование охватило не только отдель-

ные звенья, бригады, колхозы, предприятия. Оно проводится также между районами и областями. Социалистическое соревнование сопровождается помощью передовых отстающим.

Общественный труд сплотил людей независимо от их родовой и национальной принадлежности. Лишь в качестве пережитка некоторые колхозы сохранили в своих названиях старые наименования родовых подразделений, как, например, колхозы „Кзыл Теит“, „Мангит“, „Усен“, „Кзыл-Сарай“ и др. И сейчас, как в старину, на скачках, которые устраиваются во время колхозных праздников, слышны громкие возгласы колхозников, одобряющих своих скакунов, но выкрикивают уже не название своего рода, а имя своего колхоза „Ворошилов“, „Киров“, „Фрунзе“ и т. п. Раньше у каждого рода было свое тавро на скоте—*тамга*. Теперь каждый колхоз ставит на своем скоте собственное тавро, чаще всего первую букву названия колхоза. Родовые подразделения в практической жизни не играют никакой роли, а молодежь знает о них только по рассказам стариков.

Смешанные колхозы—частое явление в Киргизии. В колхозах южной Киргизии совместно трудятся киргизы, узбеки, уйгуры, арабы. В северной части республики во многих колхозах можно встретить дружно работающих на общеколхозное благо киргизов, русских, дунган, казахов, калмыков и т. д.

Выросшее на основе общих интересов строительства социализма и совместного труда морально-политическое единство народов советской Киргизии получило свое наиболее яркое выражение в единомышленном голосовании во время выборов Верховного Совета Киргизской ССР 24 июня 1938 года. 774 904 человека, или 99,3%, голосовавших, отдали свои голоса за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных. Сталинская дружба народов наглядно выражена в национальном составе депутатов Верховного Совета Киргизской ССР, в который вместе со 135 киргизами избраны 74 русских, 27 узбеков, 22 украинца, 2 калмыка, 1 дунганка.

В такой же степени, как и другие стороны быта, подверглись ломке прежние патриархальные семейные отношения. Колхозный строй, принеся с собою экономическую и общественную самостоятельность киргизской женщине, превратил ее в равноправного члена семьи. Сейчас киргизская женщина—колхозница наравне с мужчиной активно участвует на всех участках народно-хозяйственной и национально культурного строительства. Среди женщин имеется не мало председателей колхозов, сельсоветов, райсоветов которые своей работой показывают лучшие образцы самоотверженной трудовой деятельности. Унизительный для женщин обычай уплаты калыма запрещен законом, но с его остатками кое где еще приходится бороться. Религиозная сторона брака никем не соблюдается—молодые ограничиваются записью в ЗАГС'е и устройством вечеринки. Начинает отмирать обычное право наследования

имущества умершего его братьями и родственниками по мужской линии. Теперь имущество передают жене. Смешанные браки, имевшие место и прежде (особенно между киргизами и узбеками на юге), начинают становиться обычным явлением. Браки между киргизами и русскими теперь уже не являются, как раньше, выдающимся событием. Любопытно, что теперь при рождении детям довольно часто дают новые имена, например, мальчикам—Стал, Эркин (Свобода), Азат (Свобода), Марат, Феликс, Тарас; девочкам—Роза, Тамара, Элеонора, Зоя, Катарина, Советкан, Кенеш (Совет) и т. д.

Подлинная охрана народного здоровья в Киргизии начала развиваться только после Октябрьской социалистической революции. Необычайно выросла сеть медицинских учреждений. В 1945 г. только в сельских местностях Киргизии имелись 71 больница, 119 врачебных участков, 332 фельдшерско-акушерских пункта, 47 зубоврачебных и 23 рентгеновских кабинета. Больницы и амбулатории созданы даже в самых отдаленных районах. В названных медицинских учреждениях работало около 470 врачей и тысячи фельдшеров, акушеров, медсестер. Лекарей—табибов и тамырчи, к которым раньше прибегало за помощью население, можно встретить очень редко.

Помимо больниц и амбулаторий, широко развернута сеть родильных домов, постоянных и сезонных яслей, детских консултайей. В колхозах Киргизии 1566 сезонных яслей обслуживают 54 тысячи ребят. Чрезвычайно выросло медицинское обслуживание городского населения. В одном только г. Фрунзе имеется свыше 60 лечебно-профилактических учреждений. Затраты на народное здравоохранение в 1945 г. увеличились в пять с лишним раз по сравнению с 1935 г. и составили 82,3 млн. руб. В Киргизии выросли уже национальные медицинские кадры. Большой популярностью пользуется, например, хирург Иса Ахунбаев, ассистент профессора Царенко, оказавшего большую помощь в росте молодого врача. Врач Ахунбаев совершил за последние годы более 800 операций. Он имеет свои печатные труды и успешно защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время он уже сам руководит практикой студентов-киргизов в медицинском институте. Заслуги одного из первых врачей киргизов т. Ахунбаева оценены правительством: он награжден двумя орденами.

Широкий размах мероприятий по медицинскому обслуживанию населения привел к полной ликвидации натуральной оспы и других остро-инфекционных заболеваний, к значительному снижению малярийных заболеваний и т. п. Хороших результатов в борьбе с инфекционными заболеваниями добилась образцовая районная больница в Базар-Курганском районе Джалал-Абадской области.

Большую роль в оздоровлении населения играют прекрасные киргизские курорты, из которых наибольшей известностью пользуются горно-климатический курорт Койсара на берегу оз. Иссык-Куль, Джалал-Абадский курорт, минеральные источники Арасан (близ города Фрунзе) и Джеты-огузские источники (близ города Пржевальск). На Иссык-Куле работают Джеты-огузский и Чолпон-атинский зимние детские курорты. Специально для туберкулезных больных открыты санатории в гг. Ош и Пржевальск. В дни войны в санаториях близ оз. Иссык-Куль, г. Джалал-Абада и др. лечились и отдыхали бойцы и командиры, вернувшиеся с фронта.

Чрезвычайно резко, в соответствии с переустройством всего бытового уклада населения, изменились и гигиенические навыки. Усилилось, особенно за последнее время, потребление мыла, которое стало сейчас для большинства рабочих и колхозников необходимым предметом гигиены. Нужно учесть при этом, что еще в первые годы после Октябрьской революции туалетное мыло киргизы иногда хранили только „для запаха“. Теперь и бани, о которых киргизы не имели раньше представления, устроены в ряде колхозов и становятся насущной потребностью. Так, например, в трех из пяти колхозов кыштакта Сару, Джеты-Огузского района, имеются свои бани. Часто строятся они и при совхозных фермах. Но в колхозах бань пока еще мало. Характерно, что появляются бани и при школах, для детей (в кыштакте Талды-Су, Тюпского района, в кыштакте Сару, Джеты-Огузского района и др.).

Внедряются в быт металлические ложки и вилки (раньше густую пищу ели руками), появляется индивидуальная посуда для каждого члена семьи. Обычай омовения рук перед едой, имевший в прошлом религиозное значение, сохранился, особенно во время общественной трапезы, когда все присутствующие обносятся тазом, кувшином с водой и полотенцем.

Совершенно исключительное значение для оздоровления всего быта имеет развернувшееся в последние годы в Киргизии строительство водопроводов в колхозах. Население вынуждено было раньше летом пить загрязненную воду из оросительных арыков, а зимой пользоваться снеговой водой. Благодаря помощи государства и активному участию самих колхозников трудом, транспортом и средствами, в ряде районов десятки колхозов получили чистую питьевую воду.

Физическая культура и спорт завоевали в Киргизии прочное место и добились первых успехов. Наряду с развитием европейских и русских видов спорта, культивируются национальный киргизский спорт и игры, в том числе скачки—*ат-чабыш*, скачки с козлом—*көк бөрү*, поясная борьба—*курөш*, борьба на конях—*оодарыш*, настольная игра—*тогуз-коргол* и др. Киргизы показали себя прекрасными спортсменами и по новым для них видам

спорта. Среди семи участников исключительного по дальности лыжного перехода Фрунзе—Москва, совершенного в 1936 г. летчиками и планеристами Фрунзенского аэроклуба, были двое киргизов—т.т. Самтыров и Туркменов, награжденные, как и все остальные, орденами „Знак почета“. Многие молодые альпинисты проходили тренировку в горах под руководством инструктора Касымалы Байгазинова, первого из киргизов, окончившего альпинистскую школу. Бекчоро Шаршенов, штангист в легчайшем весе, в апреле 1939 г. поставил республиканский рекорд в рывке двумя руками—55,9 кг. Легковес С. Супиев в 1939 г. установил новый всекиргизский рекорд в толчке двумя руками—101 кг. Среди киргизов есть и боксеры, и футболисты, и велосипедисты,—тысячи юношей и девушек овладевают высотами спортивного мастерства.

Одной из ярких демонстраций успехов киргизских физкультурников явились их выступления на традиционных физкультурных парадах в Москве, начиная с 1937 года. В 1938 г. киргизские физкультурники показали в Москве инсценировку на тему „Советский альпинизм“, в 1939 г. двести лучших физкультурников показали вокруг макета герба Киргизской ССР ряд гимнастических упражнений, игру „аркан-тартыш“ (перетягивание каната), танец чабанов и другие.

Большое развитие среди киргизской молодежи получили также оборонные виды спорта. Одно из первых мест среди них принадлежит массовому конному спорту, которым с увлечением занимаются и молодежь и пожилые колхозники.

Последовавшая за установлением советской власти культурная революция в Киргизии проникла в самые отдаленные кыштаки и айлы и подняла к сознательной жизни огромные пласты людей, интересы и кругозор которых дотоле замыкались в границах своего карликового хозяйства, своей зимовки, своей родовой общины.

Громадный размах получило народное просвещение, особенно за годы второй и третьей пятилеток. В результате проводимой из года в год работы по ликвидации неграмотности, киргизский народ в своем подавляющем большинстве овладел грамотой. По данным переписи 1939 года, 70% населения республики в возрасте от 9 лет и старше являются грамотными.

Твердо обеспечена поголовная грамотность подрастающего поколения. В республике в 1944-1945 учебном году насчитывалось 1531 школа, в том числе около 700 киргизских начальных, около 300 киргизских школ-семилеток и более 30 киргизских средних школ. Во всех школах республики обучалось 328 700 детей, что в 46 раз превышает количество детей, обучавшихся до революции. При многих школах созданы интернаты, облегчающие возможность обучения детей, родители которых по разным причинам живут далеко от школы. При средней школе им. Горького в Тонском районе имеется интернат, в котором живут де-

ти колхозников из отдаленных селений, а также тех колхозников, которые зиму проводят со скотом на пастбищах. При школе совхоза „Тон“ имеется интернат, в котором живут дети пастухов, работающих на разбросанных в разных местах совхозных фермах. Такие же интернаты имеются при многих школах.

Среди учащихся киргизских школ наблюдается большой интерес к изучению русского языка, преподавание которого введено во всех нерусских школах. В некоторых киргизских школах (например, в кыштаке Сару, Джеты-Огузского района) существуют кружки по изучению русского языка дополнительно к классным занятиям. В школах Киргизии работает около 11 тысяч учителей, 58 лучших учителей сельских и кыштачных школ награждены орденами и медалями Союза ССР, в том числе орденом Ленина—Малдыбай Багайзаков, Абдылда Аралбаев, Анар Исаева.

Школа, в том числе и средняя, проникает в самые отдаленные кыштаки и айлы, неся с собой не только грамотность и знания, но и первые навыки культурного быта.

В одном лишь 1939 г. было построено около 25 школ-семилеток, в том числе в таких отдаленных высокогорных районах, как Тогуз-Торовский, Халмионский, Акталинский и др. Даже в животноводческом колхозе им. 1-е мая (Джеты-Огузский район), кочующем на сыртах недалеко от китайской границы, возле вечных ледников, школа, недавно еще помещавшаяся в юрте, переведена в выстроенное для нее постоянное помещение.

Наряду с сетью общеобразовательных школ в Киргизии имеется много различных техникумов, педагогических училищ, учительские институты в гг. Ош и Пржевальск. Кадры высшей квалификации готовятся в педагогическом, сельскохозяйственном и медицинском институтах. В шести вузах, техникумах и училищах обучается 8400 студентов. Кроме того, в различных специальных учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других городов Союза учатся сотни киргизских юношей и девушек.

Очагами массового просвещения являются, помимо школ, сотни клубов, домов культуры, библиотек, кинотеатров и кинопередвижек. Рост культурных запросов можно иллюстрировать следующим фактом: в 1934 г. в Государственной Публичной библиотеке в г. Фрунзе числилось только 32 читателя-киргиза, а в 1944 г. их было уже 9708; в 1935 году была выдана 171 книга на киргизском языке, в 1944 г.—40 855.

Такое увеличение количества книг на киргизском языке отражает огромные успехи, достигнутые в области создания киргизской письменности и литературного языка, роста печатной продукции.

В первые годы после Октябрьской революции языками школьного преподавания и письменности были: в северной Киргизии—татарский и казахский, а в южной—узбекский и татарский. Только с 1923 г. начинают появляться первые учебники

на киргизском языке, и именно к этому году следует отнести возникновение подлинно национальной киргизской письменности. После национального размежевания Средней Азии появилась первая печатная газета на киргизском языке „Эркин-Тоо“, („Свободные горы“). С 1923 и до 1928 г. официально признанным киргизским алфавитом был реформированный арабский алфавит.

С 1926 г. киргизы постепенно начали переходить на латинизированный алфавит, который с 1928 г. становится уже единственным официальным алфавитом. В настоящее время латинизированный алфавит заменен новым, в основу которого положена русская графика.

В период своего зарождения современный киргизский литературный язык базировался на северной группе диалектов (главным образом на подгруппе „z“). Ныне, сохраняя в основном северную фонетику, в части лексики киргизский литературный язык широко использует богатства всех киргизских диалектов.

С первых же дней своего существования киргизский литературный язык столкнулся с массой понятий, которые до того вовсе не были известны киргизам, или были известны в очень малой степени. Потребовались новые слова. Естественный путь для удовлетворения этой потребности состоит в расширении значения старых слов и в заимствовании новых. Буржуазные националисты в Киргизии, широко используя первую возможность, игнорировали вторую. Когда без заимствований обходиться стало совершенно невозможно, в язык стали „допускаться“ интернациональные и русские термины, но в орфографическом оформлении, рассчитанном на малограмотного киргиза. Так было, примерно, до 1934 г. Теперь—это уже пройденный этап. Киргизский литературный язык, широко используя все лексические богатства живых диалектов, одновременно обогащается за счет интернациональных и русских терминов, не искажая их орфографического облика. Под влиянием коренных социально-экономических изменений в жизни киргизского народа меняется не только лексика, но и отчасти морфология и синтаксис киргизского языка.

В республике издается 83 газеты, в том числе 59 на киргизском языке с общим тиражом свыше 140 тысяч экземпляров. Киргизское государственное издательство печатает большое количество политической, художественной, социально-экономической, сельскохозяйственной литературы и учебников на киргизском языке. Вышел из печати и печатается на киргизском языке ряд произведений Ленина и Сталина. Киргизская интеллигенция изучает на родном языке замечательную энциклопедию марксизма-ленинизма— „Краткий курс истории ВКП(б)“. Всего за 1941—1946 гг. в Киргизии издано около 2000 названий книг, брошюр и листовок общим тиражом более 8 миллионов экземпляров, из них свыше 6 миллионов на киргизском языке.

Ломка своего привычного уклада жизни, зависевшего в прошлом от стихийных явлений природы и внешних политических потрясений, рост культурности и стахановский труд привели к серьезным сдвигам в сознании киргизского народа. Это сказалось, в частности, в интенсивном процессе отхода от религии, охватившем преимущественно более молодую часть аила и кыштака. Этот процесс находит свое внешнее отмирание религиозной обрядности. Вот один из многочисленных примеров: колхозники сельскохозяйственной артели „Корулуш“ Тюпского района, включая стариков, уже несколько лет подряд не соблюдают предписываемого кораном поста *орозо*, а многие из них в 1939 г. вспомнили о религиозном празднике „курбан“ после того, как он прошел. Сейчас далеко не все старики совершают ежедневную молитву—намаз; лишь по привычке они еще проводят после трапезы руками по бороде, как это делалось раньше; религиозные омовения также соблюдаются многими стариками.

Утрачивается значение горы „Тахт-и-Сулейман“ в г. Ош, в прошлом одного из крупнейших в Ферганской долине центров религиозной пропаганды и паломничества. Сейчас для поклонения гробнице „святого“ ходит небольшое количество верующих, и сама гора превратилась в своеобразное место отдыха, куда киргизская, узбекская и русская молодежь отправляется в выходные дни большими группами, проводя время в прогулках, угостениях и пении.

Лишь обряд похорон, содержащий ряд религиозных моментов, еще сохранился во многом до настоящего времени, остальные обряды либо не соблюдаются, либо бытуют среди сравнительно небольшой части населения. Из этого не следует, конечно, что религиозные пережитки уже не имеют в жизни населения никакого значения. В сознании населения отдаленных горных районов они кое где занимают еще место, и для отмирания их требуется время.

Великая Октябрьская социалистическая революция возродила к полнокровной жизни все наиболее ценное из богатого творческого наследия киргизского народа, дала ему новое развитие, вдохнула в него новое содержание.

После окончания гражданской войны в Киргизии были впервые предприняты запись полного текста героической эпопеи „Манас“ со слов крупнейшего поэта-сказителя нашей эпохи, ныне покойного Сагымбая Срозбаева. В этом варианте насчитывается более 400 тысяч поэтических строк. В дни Отечественной войны была осуществлена запись „Манаса“ со слов сравнительно молодого талантливого советского манасчи Саякбая Каралаева, составившая свыше 300 тысяч строк. Саякбай—колхозник, был добровольцем в Красной Армии, после демобилизации работал председателем айылного совета, в настоящее время он—народный артист республики, орденноносец. Каралаев—ученик Чою-

ке, одного из крупнейших манасчи конца XIX века. Записано кроме того 6 вариантов и отрывков из „Манаса“ от других сказителей. Общий объем записей „Манаса“ составляет свыше 1200 тысяч стихотворных строк.

Современным популярным сказителем „Манаса“, кроме Саякбая, является орденоносец Молдобасан Мусульманкулов. Наряду с издаваемой популярной серией отрывков из „Манаса“ вышел в свет 1-й том „Манаса“ в художественном переводе на русский язык, в котором по вариантам Сагымбая и Саякбая воспроизведен наиболее ценный в художественном отношении цикл поэмы—„Чонг-казат“ („Великий поход“).

Как могучий родник, питает все виды развивающегося и создающегося в Киргизии художественного творчества героический эпос „Манас“. В театре, на концертной эстраде, в полевом стане, на патефонной пластинке и по радио, в библиотеке колхозника и красноармейца можно услышать и прочесть о Манасе и его богатырских подвигах. Всюду желанными гостями являются сказители-манасчи.

В последние годы получила необычайно широкое развитие художественная самодеятельность. В колхозах Киргизии работают сотни драматических, хоровых и музыкальных кружков. И что самое замечательное—создано много киргизских хоровых кружков, а киргизы, как известно, не имели раньше представления о хоровом пении. Проведено уже несколько всекиргизских олимпиад народного творчества. Среди 401 участника 3-й республиканской олимпиады из районов было 258 киргизов, в том числе 108 комузчи, 13 исполнителей на темир-комузе, 10 исполнителей на кыйяке, 2—на чоуре, 11 манасчи, 2 семетейчи, много певцов (в том числе ырчи и акыны), танцоров и т. д. Премиями было отмечены 7 художественных коллективов, в частности киргизский хор Государственной швейной фабрики (г. Фрунзе) под управлением работницы Таштемировой, и 57 индивидуальных исполнителей.

Расцвет талантов киргизского народа сказался в стремительном росте народных поэтов-акынов. Далеко за пределами Киргизии известны лучшие киргизские певцы-импровизаторы: Алымкул Усенбаев, Калык Акиев, Осмонкул Болебалаев. В их песнях, популярных в далеких горных аилах, нет прежней печали и горя, в них советская родина сравнивается с цветущим садом, а самые вдохновенные строки посвящены создателю народного счастья—товарищу Сталину. Алымкул и Калык являются прямыми творческими наследниками великого народного акына Токтогула.

В грозные дни Отечественной войны акыны с большой силой поэтического таланта воспевали патриотизм киргизского народа, проявляемый в тылу и на фронте, сталинскую дружбу народов.

Киргизский народ, не имевший в прошлом своей письмен-

ности, лишенный возможности в условиях колониально-капиталистического режима приобщиться к современным формам искусства, только в результате победы Октябрьской социалистической революции стал на путь создания национальной художественной литературы и развития таких областей искусства, какие раньше были недостижимыми для кочевого народа.

✓ Писатели и поэты Киргизии объединены в Союз советских писателей, который насчитывает 42 человека (в том числе 39 киргизов). В своем творчестве они отражают героическую борьбу киргизского народа за свою свободу и независимость, его тяжелое прошлое в эпоху царизма, воспевают радость жизни и труда в стране социализма, суровую героину будней Отечественной войны.

Киргизская художественная литература, черпая все лучшее из устного народного творчества, поднялась в своем развитии до таких сложных жанров, как новелла, рассказ, повесть, роман, поэма, драматическое произведение.

Однако до настоящего времени господствующее положение в киргизской литературе еще занимает поэзия, являющаяся продолжательницей устной поэтической традиции. Признанным мастером киргизской литературы, создавшим поэтические, прозаические и драматургические произведения большой эмоциональной силы, считается Аалы Токомбаев. Пионер новых жанров в киргизской литературе, А.Токомбаев в своих стихах (например, в стихотворении „Я впервые мир увидел“) поднимается до философской лирики; он пишет роман в стихах „Кандуу жылдар“ („Кровавые годы“), на широком социальном полотне развертывая события восстания 1916 года; издает сборник повестей и рассказов „Раненое сердце“, в годы Отечественной войны печатает сборник стихов „Алга“ („Вперед“); пишет драмы „Ант“ („Клятва“) и „Намыс“ („Честь“). Поэт-орденоносец Кубанычбек Маликов упорно работает над всем многообразием литературных жанров. Им издано около полутора десятков книг стихов, в том числе 4 сборника за время войны. Одна из последних его книг, навеянная посещением с делегацией Киргизии Ленинграда в дни его блокады, носит название „Сражающийся Ленинград“. Получила широкое признание его повесть „Азаматтар“ („Герои“), им написан также ряд новелл, рассказов и очерков, посвященных фронту и тылу.

Широко известны в республике стихи поэтов Молдогазы Токобаева и недавно скончавшегося Джоомарта Боконбаева. Серьезных творческих успехов достигли поэты Темиркул Уметалиев, Толен Шамшиев, Абдраул Токтомушев. Поэт-орденоносец Алыкул Осмонов—представитель младшего поколения—выпустил несколько сборников стихов и написал две драмы. Стихи многих поэтов вошли в сборники „Родина“ и „Москва“ (посвященный героической обороне Москвы).

В последние годы заметно выросла и киргизская проза.

Мукай Элебаев написал автобиографический роман „Узак жол“ („Долгий путь“), Касымалы Джантошев создал пользующийся популярностью роман „Каныбек“, содержащий богатый материал по дореволюционному киргизскому быту. Одним из первых написал роман из колхозной жизни „Кенгсуу“ Тугельбай Сыдыкбеков. Успешно продолжая свою работу над произведениями большой формы, Т. Сыдыкбеков пишет новые романы „Люди нашего времени“ и „Темир“ (о борьбе за коллективизацию). Среди прозаиков известны также Касымалы Баялинов, Узакбай Абдукаимов и другие.

В творческом содружестве с театром выросла и киргизская драматургия. Талантливым драматургом проявил себя К. Джантошев, комедии которого пользуются успехом на сценах областных и колхозно-совхозных театров. Над драматургическими произведениями работают также А. Токомбаев, А. Осмонов, К. Маликов, К. Эшмамбетов, Т. Сыдыкбеков и др.

В Киргизии издается ежемесячный общественно-политический и литературный журнал „Советтик Кыргызстан“ („Советский Киргизстан“).

➤ Одним из крупных достижений киргизских поэтов и писателей является перевод на киргизский язык классиков русской и мировой литературы. Уже вышли из печати творения великого Пушкина: „Капитанская дочка“, „Дубровский“, „Станционный смотритель“, ряд поэм и сборник лирических стихов в переводах А. Осмонова, К. Маликова и других поэтов и писателей Киргизии. Впервые переведен на киргизский язык К. Баялиновым „Евгений Онегин“. Произведения Л. Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, М. Горького стали доступны киргизскому читателю. На киргизском языке издаются лучшие произведения советской художественной литературы: „Хлеб“ А. Толстого, „Как закалялась сталь“ Н. Островского, „Поднятая целина“ и „Тихий Дон“ М. Шолохова и другие. Творчество великих писателей братских народов становится известным и киргизам. А. Осмонов перевел „Витязя в тигровой шкуре“ Шота Руставели; 125-летний юбилей со дня рождения великого украинского поэта Тараса Шевченко был отмечен изданием сборника его произведений на киргизском языке. Наконец, и такие произведения мировой классической литературы, как „Гамлет“, „Отелло“ и „Двенадцатая ночь“ Шекспира, „Тысяча и одна ночь“ переведены К. Эшмамбетовым и А. Осмоновым на киргизский язык.

Тесно связанная своими корнями с богатым наследием народного творчества, обогащенная соприкосновением с мировой и русской литературой, киргизская художественная литература занимает сейчас крупное место в культуре республики.

В библиотечке колхозника артели „Кенеш“, Ивановского района, Табыша Байбосунова, насчитывающей около 100 книг, наряду с 4 томами Ленина и „Вопросами ленинизма“ Сталина, стоят на полке „Ревизор“ Гоголя, „Мать“ М. Горького, произведе-

ния киргизских поэтов и писателей Д. Боконбаева, Т. Шамшиева, М. Элебаева и других. Это—лучшее свидетельство глубокого проникновения в колхозный кыштак новой, советской культуры.

Киргизское искусство, несмотря на свою молодость, также успело вырасти в серьезный фактор культурной жизни республики. В нем представлены уже такие новые для киргизов виды современного искусства, как драма, опера, балет. Оно впитало в себя лучшие достижения русской и европейской музыкальной и театральной культуры.

Синтезом всего лучшего из художественного наследия киргизского народа, развития новых форм и жанров национального искусства, мастерства возвращенных революцией молодых кадров являются творческие успехи ведущих театральных коллективов—Киргизского Государственного ордена Ленина театра оперы и балета и Киргизского Государственного театра драмы.

Созданный на базе существовавшей с 1926 г. студии, Государственный драматический театр подготовил первые кадры киргизских артистов. После реорганизации его в музыкальный театр, с приездом присланных в помощь Всесоюзным Комитетом по делам искусств деятелей русского искусства, началась работа по созданию национальных музыкально-артистических кадров и первых музыкальных спектаклей. Результаты этой работы не замедлили сказаться. На декаде киргизского искусства, состоявшейся в Москве в мае-июне 1939 г., перед всей советской общественностью, перед руководителями партии и правительства были продемонстрированы яркие художественные достижения киргизского народа.

Во время декады были показаны первые образцы театрального искусства Киргизии: музыкальная драма „Алтын-Кыз“, рисующая борьбу трудящихся против руководимых буржуазными националистами остатков басмаческих шаек на юге Киргизии в 1931—1932 гг., пытавшихся сорвать коллективизацию; музыкальная драма „Аджал-Ордуна“ („Не смерть, а жизнь“, буквально „вместо смерти“), в которой разворачивается картина событий 1916 г., и, наконец, первая киргизская национальная опера „Ай-Чурек“, написанная по мотивам эпоса „Семетей“.

В основу либретто (авторы Д. Турусбеков, Д. Боконбаев и К. Маликов) положен один из эпизодов эпоса: история похода доблестного Семетея—сына Манаса, отправляющегося на поиски похищенного любимого сокола и своей невесты Айчурек, дочери Ахун-хана, и освобождающего страну Ахун-хана от свирепых эксплуататоров Толтоя и Чинкоджо. Музыка оперы, написанная Б. Власовым и В. Фере, построена на киргизских народных мелодиях, среди которых широко использованы и оригинальные мелодии А. Малдыбаева. Эпическое полотно оперы изобилует богатыми бытовыми подробностями. В ней есть картины состязания в стрельбе из лука, битвы, выезда Семетея на охоту,

свадебного пиршества и др. В опере широко представлены хоры и танцы.

Заключительный концерт декады киргизского искусства показал многосторонние дарования профессиональных артистов и представителей художественной самодеятельности. За выдающиеся заслуги в развитии киргизского театрального искусства 46 участников декады, работников Киргизского музыкального театра и Киргизской Государственной филармонии, были награждены правительством орденами и 25—медалями Союза ССР. Среди них орденами Ленина были награждены Анвар Куттубаева и Абдылас Малдыбаев, орденами Трудового Красного Знамени был награжден также и ряд русских деятелей искусства, оказавших огромную помощь в деле развития киргизского искусства. Композитору и артисту Абдыласу Малдыбаеву присвоено звание народного артиста Союза ССР.

✓ Декада киргизского искусства послужила мощным стимулом для дальнейшего развития театрального искусства. Сейчас Киргизский театр оперы и балета имеет уже в своем репертуаре классическую оперу „Евгений Онегин“ Чайковского. Постановка ее на киргизском языке, явившаяся большим событием в культурной жизни республики и имевшая большой успех, совпала по времени с варварским разрушением фашистскими вандалами музея Чайковского в Клину.

Следующим важным этапом в жизни театра явилась первая постановка на русском языке оперы „Чио Чио-сан“ Пуччини, причем ряд ведущих партий исполняют киргизские артисты, в частности заслуженный успех выпал на долю исполнительницы предельно трудной партии Беттерфлей, народной артистки республики Сайры Киизбаевой. Создание этого спектакля способствовало росту киргизских актеров и певцов. В театре идет также казахская музыкальная драма „Кыз-жибек“, оригинальная киргизская опера-сказка „Кокуль“ композитора М. Раухвергера (по либретто О. Сарбагишева), построенная на мотивах старинной киргизской легенды, и первая киргизская опера на тему Отечественной войны „Патриоты“ (либретто К. Маликова, музыка В. Власова, А. Малдыбаева и В. Фере).

В настоящее время большой творческий коллектив показал новый крупный спектакль—оперу „Манас“ по мотивам популярного киргизского эпоса.

Из балетных постановок необходимо отметить национальные балеты „Анар“ и „Селькинчек“ (музыка В. Власова и В. Фере) и классические—„Соперницы“ и „Волшебная флейта“. Новой удачной постановкой театра в этом жанре явился балет „Чолпон“ М. Раухвергера. Несмотря на все трудности, с которыми сопряжено создание балетных спектаклей при отсутствии предшествующей хореографической культуры, все же киргизский балет переживает процесс заметного роста и совершенствования.

Коллектив Государственного театра драмы укомплектован в

основном молодежи, получившей специальное образование в Московском Государственном институте театрального искусства им. Луначарского. В его репертуаре уже упомянутая пьеса „Ант“ А. Токомбаева, комедия „Алдаркосэ“ казахского драматурга Хусеинова, пьеса „Макаббат“ („Любовь“) А. Осмонова, героическая поэма „Курманбек-батыр“ К. Джантошева, написанная по мотивам одноименного эпоса, „Двенадцатая ночь“ Шекспира — спектакль, явившийся большой творческой удачей театра, „Ревизор“ Гоголя.

Помимо указанных театров, в Киргизии работают областные драматические театры в гг. Пржевальск, Нарын, Ош, колхозно-совхозные театры в Узгене, Токтогуле и других центрах. Эти театры постоянно выезжают в кыштаки, колхозы, где они являются желанными гостями.

Значительных успехов в овладении актерским мастерством и музыкальной культурой добились народные артисты республики Сайра Киизбаева, Анвар Куттубаева, Касымалы Эшимбеков и Аширалы Боталиев, заслуженные артисты республики Бюбюсара Бейшенбаева, Джапар Садыков, Муратбек Рыскулов и ряд других.

Крупнейшую роль в развитии музыкально-театрального искусства играет выдающийся артист и талантливый композитор, народный артист СССР Абдылас Малдыбаев. В творческом содружестве с композиторами В. Власовым и В. Фере он написал музыку для ряда национальных опер, сочинил десятки популярных ныне песен, в том числе произведения для хора „Красное знамя“, „Мы ленинцы“, „Красные конники“ и др.

Кроме киргизских, в республике имеются узбекские и русские театры. Их репертуар включает в себя и пьесы киргизских драматургов. Так, Русский драматический театр им. Крупской поставил пьесу Т. Сыдыкбекова и К. Рахматуллина „Манас и Алмамбет“. Во всех театрах Киргизии объединено свыше тысячи творческих работников. Много киргизской молодежи учится в театральных, музыкальных и хореографических учебных заведениях Москвы и Ленинграда, в созданных за последнее время в г. Фрунзе Музыкальном училище и Киргизском отделении Московской Государственной Консерватории им. Чайковского.

После Великой Октябрьской социалистической революции старое изобразительное искусство, получающее стимул для своего развития в росте жилищной и культурной жизни, в заботе и внимании со стороны партии и правительства, начинает использоваться и осмысливаться по-новому. С другой стороны, зародилась и начинает получать свое самостоятельное лицо новая, неизвестная ранее киргизам, форма изобразительного искусства — живопись.

Богатая и яркая киргизская орнаментика покрывает в виде росписей и фресок стены новых монументальных зданий

(например, зал заседания Совнаркома), она украшает на тех же бархатных и войлочных коврах стены новых жилищ стахановцев, ею расцвечены костюмы физкультурников. Орнаментика широко и многосторонне использована и в декоративном оформлении, и в костюмах национальных музыкальных и драматических спектаклей.

Сейчас развитие народного изобразительного искусства получило твердую базу. Среди старых мастеров видное место занимают замечательные мастерицы-вышивальщицы, награжденные медалями Союза ССР за свое искусство, колхозницы Сура Асырбекова и Машон Алымбекова, вышившие для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки цветными шелками портреты: первая—И. В. Сталина, а вторая В. И. Ленина. Орнаментика начинает обогащаться новыми мотивами, органически вводимыми в традиционный узор: пятиконечной звездой, серпом и молотом и другими советскими эмблемами; мастера работают над новыми композициями и расцветкой орнамента.

Созданные в г. Фрунзе Государственный музей изобразительных искусств и училище изобразительных искусств сыграли большую роль в оформлении и развитии киргизской живописи. Получившие художественное образование в Москве первые национальные художники Гапар Айтиев и Сабырбек Акылбеков добились уже серьезных успехов в живописном изображении красочного киргизского пейзажа, в работе над портретами новых людей Киргизии. Первый опыт работы Г. Айтиева в театре над оформлением музыкальной пьесы „Алтын-Кыз“ оказался очень удачным. Большую роль в развитии изобразительного искусства в Киргизии играют русские художники, в особенности уроженец Киргизии, народный художник Кирг. ССР С. Чуйков, дающий в своих работах многостороннее представление о прошлом и настоящем республики.

В архитектуре новых зданий, строящихся и намечаемых к постройке, архитекторы Киргизии применяют мотивы киргизской народной архитектуры и переработанные элементы киргизского орнамента.

Развитию и совершенствованию киргизской народной музыки положило начало создание Киргизской Государственной орден Трудового Красного Знамени филармонии имени Токтогула Сатылганова. Киргизские музыканты-исполнители никогда не знали коллективного исполнения и игры по нотам. Впервые в Киргизии в составе филармонии был создан под руководством заслуженного деятеля искусств Киргизской ССР П. Ф. Шубина Государственный оркестр народных инструментов, который составил из усовершенствованных и модернизированных национальных инструментов—комуза и кыйака, разделенных по образцу европейских оркестров (пиколо, прима, альт и т. д.), и присоединенных к ним европейских флейты, гобоя, фагота и ударных инструментов. Оркестранты овладели уже нотной гра-

мотой. Все это позволяет оркестру исполнять не только образцы киргизского народного творчества, но и произведения русских и западно-европейских композиторов. В настоящее время в составе оркестра представлены крупнейшие солисты-музыканты, акыны и певцы Киргизии, лучшие знатоки киргизской народной музыки: народные артисты республики, орденоносцы, Алымкул Усенбаев, Саякбай Каралаев, Мураталы Куренкеев (старейший композитор, комузчи и кыйякчи), Карамолдо Орозов, Молдобасан Мусульманкулов, Атай Огонбаев, Муса Баатов, заслуженный артист Ибрай Туманов и другие. Оркестр вырастил первых киргизских дирижеров—заслуженного деятеля искусств Шейше Орозова и Ахмата Аманбаева. Помимо оркестра народных инструментов, в составе киргизской филармонии созданы ансамбли комузистов—учеников виртуоза Атая Огонбаева и оригинальный женский ансамбль исполнительниц на металлических инструментах *темир-комуз* под руководством заслуженного артиста республики Адамгалы Баибатырова. Здесь же существует государственный национальный хор (руководители: заслуженный деятель искусств Я. А. Чмелев и Султан Юсупов), исполняющий не только киргизские народные песни, но и произведения советских композиторов, и, наконец, ансамбль народного танца с солисткой Р. Кудайбергеновой. Киргизский народ, не имевший своего народного танца, теперь успешно создает его. Постановщиками танцев Н. Холфиным, С. Будо и В. Козловым проделана в этом направлении большая работа. Существуют уже новые киргизские танцы, построенные на использовании народных игр, трудовых процессов, орнамента: „кийиз“ (войлок), „джааш-кербез“, „кыздардын кыйалы“ („девичьи мечты“), танец чабанов и другие.

КИРГИЗИЯ И ЕЕ КУЛЬТУРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великие достижения киргизского народа стали возможны потому, что с первых дней Октябрьской социалистической революции киргизскому народу оказывал и продолжает оказывать повседневную помощь и поддержку его старший брат—героический русский народ. Эти достижения стали возможны потому, что у колыбели киргизской нации и ее государственности стояла партия большевиков и гениальный вождь народов СССР Иосиф Виссарионович Сталин.

За годы существования советской власти Киргизская ССР обогатилась десятками современных промышленных предприятий. Замечательных успехов в развитии социалистического сельского хозяйства добились колхозы и совхозы, из года в год в аилах и кыштаках повышался уровень материального благосостояния, зажиточная жизнь стала массовым явлением, расцвела культура киргизского народа.

Созидательный мирный труд народов Киргизии, как и всех советских народов, был нарушен вероломным нападением гитлеровских орд 22 июня 1941 г. По призыву великого вождя СССР товарища Сталина все трудящиеся Киргизской республики сплотились в единый боевой лагерь. Киргизский народ плечом к плечу с другими народами нашей страны встал на защиту свободы, чести и независимости своей советской родины.

С первых же дней войны на территории Киргизии начали формироваться воинские части, в которые вливались лучшие сыны киргизского и других народов, населяющих республику. На территории Киргизии и Казахстана была, в частности, сформирована стрелковая дивизия, преобразованная в ноябре 1941 года в 8-ю гвардейскую и награжденная орденами Ленина и Красного Знамени. Эта доблестная дивизия, выпестованная и руководимая депутатом Верховного Совета Киргизской ССР, бывшим военным комиссаром республики, Героем Советского Союза генерал-майором И. В. Панфиловым, покрыла себя неувядаемой славой в героических боях против немецких захватчиков при защите дальних подступов к Москве, под Ленинградом, в Прибалтике. Имя генерал-майора Панфилова, погибшего на боевом посту, стало символом преданности родине, героизма

и мужества. В рядах этой и других дивизий, сформированных в Киргизии, выросли тысячи героев Отечественной войны. На всем протяжении войны Киргизия продолжала готовить пополнения для Красной Армии. В учебных пунктах, подразделениях всеобщего, организациях Осоавиахима, в физкультурных обществах неустанно готовились новые кадры бойцов-кавалеристов, горных стрелков, шоферов, радистов, лыжников, гранатометчиков, медицинских сестер. Киргизы, с детства привыкшие к верховой езде, дали Красной Армии многочисленные кадры отважных кавалеристов. Многие из киргизов, с юношеских лет занимавшихся охотой, хорошо знающих природу и умеющих искусно маскироваться, стали прекрасными снайперами и разведчиками.

Киргизия стала кузницей боевых резервов для Красной Армии. В ней было сформировано несколько пехотных и кавалерийских частей. Они были обучены, обеспечены питанием, обмундированием, снаряжением, лошадьми, фуражом.

В дореволюционной России киргизы были в числе народов, которым царизм не доверял оружия; в результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики киргизы обрели почетное право с оружием в руках защищать свою отчизну. Киргизский народ всегда воспитывал в своих сынов мужество и преданность родине. Едва родившемуся сыну мать произносила пожелание, чтобы он был „бесстрашным, как лев, и острым, как меч“. В киргизском народе существует пословица: „Зайцу нужен камыш, а храбрецу нужна честь“. Есть и другие мудрые киргизские пословицы, которые отразили высокие требования, предъявляемые к защитнику своего народа: „Чем быть живой собакой, лучше быть мертвым львом“, „Скакун входит в азарт при дальнейшей скачке, а храбрец при виде врага рвется вперед“. Жизнь и смерть каждого должны принадлежать народу, родине. Эта благородная мысль запечатлена в пословице: „Ребенок родится от матери, но растет и умирает за народ“. „Родина,—говорится в другой пословице,—это святыня, а кто бежит от нее—тот заблудится“.

Воспитанные с молоком матери дух независимости и любви к родине, продолжая героические традиции своих предков, мужественно боровшихся против иноземных завоевателей, бойцы-киргизы с первых дней на фронтах Отечественной войны вписали немало славных страниц в историю своего народа и в летопись величайшей битвы нашего времени.

Среди имен героев Отечественной войны немеркнувшей славой овеяны имена верных сынов киргизского народа: Дуйшенкула Шопокова, Чолпонбая, Тугебердиева, Даира Асанова, Ташмамата Джумабаева, Анварбека Чортекова, Розы Азимова.

В числе легендарных 28 панфиловцев, которые выдержали беспримерный бой с 54 фашистскими танками, пытавшимися прорваться через нашу линию обороны у с. Дубосекова, на Волоколамском шоссе, были киргизстанцы: Дуйшенкул Шопоков,

Н. Я. Ананьев, Г. Е. Конкин, Г. М. Шемякин, И. В. Москаленко и И. Добробабин. Дуйшенкул Шопоков, член сельскохозяйственной артели „Кызыл Аскер“ Кагановичского района, Фрунзенской области, уходя на фронт, поклялся на колхозном собрании: „Буду беспощадно бить озверелых фашистов. Победа или смерть—вот вам мое обещание!“ Кандидат в члены ВКП(б), горячий патриот своей родины, Дуйшенкул Шопоков сдержал клятву. Он погиб в бою, но вместе с другими своими товарищами не пропустил фашистские танки к Москве. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Дуйшенкул и его бесстрашные товарищи могли бы с гордостью сказать о себе словами поэта Кубанычбека Маликова:

„Когда у стен твоих гремят мечи,
Мы все в такую пору москвичи!
Мы все твои бойцы—богатыри,
Все наши силы, Родина, бери!“

Во время боев в излучине Дона прославил свой народ комсомолец, член колхоза им. Тельмана, Кировского района, Фрунзенской области, Чолпонбай Тулебердиев. В жаркой схватке при форсировании Дона, когда вражеский дзот своим огнем задерживал продвижение подразделения, Чолпонбай ринулся к дзоту и своей грудью закрыл его амбразуру. Отдавшему свою жизнь, но с честью выполнившему долг перед родиной, Чолпонбаю Тулебердиеву правительство посмертно присвоило звание Героя Советского Союза. Его имя навечно занесено в списки личного состава первой роты Н-ского полка. Совнарком Киргизии воздвиг мемориальную доску на родине героя. Танковая колонна его имени, на строительство которой организовали сбор средств трудящиеся Киргизии, увековечила славные дела патриота.

В одном из сражений на юго-западном фронте отличился бывший колхозник артели „Красный Октябрь“, Атбашинского района, Тянь-Шаньской области, Даир Асанов. В начале 1943 года 20-летний Даир был зачислен наводчиком противотанкового орудия артиллерийского дивизиона. В четырехчасовом бою он уничтожил 8 танков, 6 бронемашин и более 40 немецких автоматчиков. Указом Президиума Верховного Совета СССР в октябре 1943 г. Даиру Асанову за проявленное героизм присвоено звание Героя Советского Союза.

Деятнадцатилетний командир противотанкового орудия сержант Ташмамат Джумабаев в числе первых форсировал со своим расчетом Днепр южнее Речицы. Достигнув правого берега, он тотчас же открыл огонь по врагу и уничтожил в этом бою два немецких танка, 3 противотанковых пушки, 8 станковых пулеметов и 2 миномета. Бывший колхозник артели „Фабрика“, Ошского района, Ташмамат Джумабаев удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Тем же почетным званием—Героя Советского Союза—награжден уроженец Тянь-Шаня Анварбек Чортеков, прославившийся до войны как замечательный стахановец-овощевод. Заняв место погибшего в бою командира подразделения, сержант Чортеков отстоял с бойцами от врага важный рубеж, лично уничтожив в ожесточенном бою более 30 немцев.

Героем Советского Союза стал и молодой уроженец г. Ош Розы Азимов. 54 Героя Советского Союза дала Родине Киргизия. Среди них выдающийся советский „асс“, дважды Герой Советского Союза, гвардии капитан Талгат Бегельдинов, награжденный девятью орденами и медалями.

Лучшие сыны Киргизии свято выполняли клятву киргизского народа, выраженную в словах акына Алымкула Усенбаева:

Отчизна! Тебе я присягу даю
Беречь плодородную землю твою,
Хранить обещаю, родная страна,
Вершины до звезд и глубины до дна!
Народ мой, тебе я присягу даю
Отстаивать взятые в смертном бою
Поля и леса, города и сады
И в каждом саду наливные плоды!
О Сталин! Тебе я присягу даю:
В бою оправдаю заботу твою,
Как сына, батыром растил ты меня,
Клянусь, как батыр, я вскочу на коня;
За счастье мое и отчизны моей,
За полную радость моих сыновей,
За яркое солнце в дали голубой—
Клянусь я бесстрашно отправиться в бой!

Под Сталинградом, в донских степях, на Днепре, на Ленинградском фронте и на многих других участках борьбы с немецкими захватчиками тысячи киргизов - бойцов всех родов оружия умело и мужественно сражались с врагом. В памяти киргизского народа навсегда останутся имена таких богатырей, как Кубат Джуматаев, бывший секретарь Абадского обкома ЛКСМ Киргизии, в разгар боя опоясавшийся гранатами, бросившийся под головную машину из группы танков, пытавшихся прорвать нашу оборону, и ценой жизни преградивший ему путь..

Почетную славу снискали себе снайперы-киргизы. Неустрашимый джигит-разведчик и снайпер Аширбай Куянкузов, бывший рабочий Пржевальского горкомхоза, десятки раз ходил в тыл врага, доставил в штаб 15 „языков“ и истребил около 200 немцев.

От снайперов не отставали бойцы расчетов противотанковых орудий и ружей. Гвардии красноармеец наводчик Керим

Кирбабаев в одном бою прямой наводкой с открытых позиций подбил 6 танков и одну бронемашину. Будучи дважды ранен, он не покинул поля боя и выполнил завет предков: „Когда идет сражение, нужно лишиться глаз и ушей, не видеть числа врагов, не слышать свиста его стрел, надо иметь руки, чтобы его убить“. Наводчик орудия гвардии младший сержант Тыныбай Бейшенбаев в двух боях уничтожил 11 немецких танков.

Прославили свое оружие пулеметчики. Командир пулеметного расчета Кейкен Идрисов истребил своим пулеметом 116 немцев. Второй номер, комсомолец Солто Мамбетов, заменив раненого наводчика, храбро сражался и не ушел с поля боя после ранения, а потом вернулся из санчасти снова в строй. Такие же героические дела совершали автоматчики, бронебойщики, минометчики, санитары. Большинство бойцов-киргизов отличалось высокой личной храбростью, чувством долга и взаимной выручки. Комсомолец Айдарбек Урманбетов, бывший ветеринарный фельдшер из г. Фрунзе, в критический момент спас своего командира, убив немецкого офицера, и захватил в плен трех вражеских солдат.

Отличные боевые качества киргизов-воинов нашли достойную оценку правительства, наградившего несколько тысяч из них орденами и медалями Советского Союза.

Заслуженно награжден орденом Красной Звезды разведчик Абдыкарим Адыбаев, бывший житель Тюпского района, Иссык-Кульской области. Возвращаясь из разведки, он был окружен 11 немцами, десятерых он уложил, а одиннадцатого взял в плен. Мукаш Киргизбаев, бывший секретарь комсомольской организации колхоза „Кызыл Аскер“, и его жена Зейнеб—оба стали снайперами; позднее он—командир расчета противотанкового ружья, она—подносица патронов,—подбили три танка. Теперь они оба кавалеры ордена Отечественной войны. Орден Ленина, орден Красного Знамени и медаль „За оборону Сталинграда“ украсили грудь командира разведывательного дивизиона, старшего лейтенанта Асамбека Огомбаева, бывшего директора Уч-Терекской средней школы Джалал-Абадской области. Он отличился в Сталинградской битве, в боях за Таганрог. Во время одной из смелых операций в феврале 1943 г. Асамбек во главе с 17 кавалеристами привел в свое расположение 7 „языков“, захваченных в немецком штабе. За два года боев он был четырежды ранен.

Умелое руководство операциями в боях за Старую Руссу показал кадровый офицер—капитан Юсуп Осмонбеков, одним из первых в стране награжденный орденом Александра Невского.

Из числа бойцов-киргизов выросло немало таких же отважных офицеров.

За годы войны около 40 тысяч бойцов и офицеров киргиз-

станцев были награждены орденами и медалями. 54 человека удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Героические подвиги сынов Киргизии на фронтах Отечественной войны подкреплялись самоотверженным трудом в тылу, на их родине. Усилиями рабочих, колхозников и интеллигенции Киргизская республика превратилась за годы войны в один из важных arsenалов, непрерывно снабжавших фронт различными видами вооружения, боеприпасов и продовольствия. Для того, чтобы это стало возможным, потребовалось перестроить на военный лад экономику республики. Эта перестройка коснулась в первую очередь промышленности, которая была приспособлена для производства военного снаряжения и боеприпасов, причем ряд предприятий был расширен, многие переведены на местное сырье. В Киргизии была проделана также огромная работа по размещению, восстановлению и пуску эвакуированных из западных районов СССР оборонных предприятий.

Природные богатства республики и в том числе отдельные виды стратегического сырья, по которым Киргизия является единственным источником для отечественной оборонной промышленности, благоприятствовали созданию ряда новых промышленных предприятий.

За годы Отечественной войны в Киргизии было сдано в эксплуатацию более 30 новых крупных фабрик и заводов, в том числе металлургический комбинат, ряд рудников и обогатительных фабрик, мощные Новотроицкий и Токмакский сахарные заводы. Вступили в строй первая очередь овощеконсервного комбината в г. Токмаке, чугунолитейный завод, завод „Красный металлист“ и ряд других.

Промышленность Киргизии обогатилась такими новыми видами производства как сельскохозяйственное машиностроение, производство спирта, добыча ртути и др.

Подвинулась вперед разработка богатейших горнорудных ископаемых республики, в особенности цветных и редких металлов, близких по своим запасам к крупнейшим месторождениям союзного значения; разработка огромных залежей коксующихся углей еще более подняла значение Киргизии как „среднеазиатской кочегарки“. Выявлен ряд новых месторождений полезных ископаемых. Развернулось широкое строительство энергетической базы. В 1942 г. трудящиеся Киргизии приступили к осуществлению одного из важнейших хозяйственно-политических мероприятий—строительству Большого Чуйского канала. Канал не только дал воду для орошения полей, засеваемых ценнейшими техническими культурами, но и снабжает энергией сооруженных на нем Ворошиловской и Аламединской гидроэлектростанций промышленные предприятия столицы республики.

Сейчас в Киргизии начато строительство еще шести крупных гидроэлектростанций.

За время войны в промышленность республики пришло свы-

ше 11 тысяч новых рабочих. Благородный труд рабочих-стахановцев, среди которых почетное место заняли впервые пришедшие в промышленность киргизы, наряду с ростом материальной базы промышленности, послужили источником резкого увеличения промышленной продукции. Государственная промышленность Киргизии увеличила выпуск продукции в 1945 г. на 81 проц. по сравнению с 1940 г. Особенно возросло производство вооружения и боеприпасов. В 1944 году оно увеличилось в 3,5 раза по сравнению с 1942 годом. Многие предприятия давали продукцию сверх годового плана. Легкая промышленность Киргизии выпустила в годы войны 6 миллионов предметов одежды и белья для Красной Армии. Из Киргизии непрерывно шли эшелоны, груженные вооружением, боеприпасами и вожнейшими видами военно-стратегического сырья.

За годы Отечественной войны Киргизия сделала крупный шаг по пути превращения в индустриально-аграрную республику. Резко изменилось экономическое лицо ряда районов. Они приобретают индустриальный облик.

Небывалый подъем производительных сил сказался не только в промышленности. Обогатилось и расширилось транспортное хозяйство республики. Не прекратилось строительство новой железнодорожной магистрали Кант—Рыбачье, по которой поезда уже курсируют до ст. Быстровка. По инициативе и силами колхозников районов Таласской долины в 1943 г. приступлено к строительству нового шоссе Кировское—ст. Маймак. Высокий патриотический подъем населения республики нашел свое отражение в сооружении в 1943 г. силами 1500 трудящихся, главным образом женщин-колхозниц, восьмикilометровой высокогорной дороги в зоне месторождения важнейшего стратегического сырья, идущего для военной промышленности. В труднейших условиях дорога была построена в течение двух недель.

Сельское хозяйство Киргизии, достигшее крупных успехов в предвоенные годы, несмотря на трудные условия военного времени, не прекратило своего поступательного движения и превратилось в период войны в важный источник снабжения фронта и населения продовольствием, а промышленности—сырьем.

За военные годы сельское хозяйство Киргизии дало государству в порядке обязательных поставок по сравнению с довоенным пятилетием больше хлеба на 3,5 миллиона пудов, картофеля и овощей на 2,7 миллиона пудов, шерсти на 372 тысячи пудов, мяса на 2,8 миллиона пудов. Кроме того, совхозы, колхозы, колхозники и колхозницы сдали в фонд Верховного Главнокомандования 4,5 миллиона пудов зерна и 500 тысяч пудов мяса. Трудящиеся Киргизии из своих запасов сдали на содержание трех киргизских кавалерийских дивизий зерна 193 тысячи

пудов, мяса—21 тысячу пудов, сена более 253 тысячи пудов и другие продукты.

Таким образом в результате самоотверженного труда работников сельского хозяйства Киргизия дала стране за время войны миллионы пудов хлеба, мяса, молока, шерсти и других продуктов.

Огромную роль в выполнении Киргизией своего долга перед фронтом и родиной сыграли женщины, молодежь и старики, которые заменили ушедших на фронт мужей, отцов, братьев и сыновей. Тысячи женщин-киргизок стали работать в органах советской власти, учительницами, агрономами, на предприятиях, в совхозах и колхозах, многие из них заняли руководящие посты.

Женщины стали чабанами и табунщиками, плугарями и сеяльщицами. За время войны в Киргизии подготовлено свыше 3000 трактористок. Среди трактористок много настоящих героинь труда, таких как Карачач Рустамова (колхоз „Бель-урук“, Янги Нукутского района, Ошской области), вырабатывавшая в горячую пору уборки урожая за один день по 7 трудодней. Женщины начали работать и в качестве косарей, управлять уборочными машинами-лобогрейками, отлично справлялись со сложной мужской специальностью кузнеца, работая на ремонте плугов, бричек и другого инвентаря.

Колхозницы Киргизии, добившиеся еще до войны рекордных урожаев свеклы, продолжали настойчиво бороться за сохранение достигнутых результатов. Прославленная мастерица высоких урожаев, депутат Верховного Совета СССР Суракан Кайназарова, звеньевая в колхозе им. Калинина, Кагановичского района, сняла в 1944 г. 1200 центнеров свеклы с га, поставив новый рекорд урожайности.

Охваченные теми же патриотическими чувствами, добивались высокой производительности труда женщины-киргизки, работающие на предприятиях, рудниках и в шахтах, куда они пришли в дни войны. Работница табачной фабрики Молдогулова, выполняющая норму на 100%, награждена медалью „За трудовую доблесть“ и значком „Отличница пищевой промышленности“. Работнице Фрунзенского мясокомбината Гульнар Эсенбаевой за стахановский труд в арком мясомолочной промышленности присладал почетную грамоту, а представитель гвардейской части, приехавший с фронта, преподнес на митинге от имени гвардейцев золотое кольцо.

Неоценимый вклад в трудовые подвиги киргизского народа внесла молодежь, пионеры и школьники. Всюду—на пахоте, жатве и возке свеклы, на сборе местных удобрений и уборке урожая, в строительстве и ремонте помещений для скота, в уходе за молодняком, в цехах промышленных предприятий—можно

было видеть десятки тысяч юных патриотов, показывавших образцы трудового героизма, выступавших застрельщиками социалистического соревнования. Ведущей силой во всех начинаниях молодежи являлись комсомольцы. По призыву комсомольцев-животноводов Алайского района в соревнование за выполнение государственного плана развития животноводства включилось свыше 10 тысяч юных патриотов Киргизии. Около 70 тысяч пионеров и школьников приняли участие в борьбе за высокий военный урожай 1943 года. Они выработали на колхозных полях почти 3 миллиона трудодней. Ребята сдали свыше 30 тысяч килограммов шиповника, аконита, эфедры и других лекарственных растений.

Не остались в стороне от всенародного движения трудовой помощи фронту и старики-аксакалы. Многие из них сели на коней, взяли старые ружья и делали с любовью свое скромное дело обеззачиков полей и караульчиков. Старики своим опытом и трудом принесли большую пользу и в развитии животноводства. В совхозе „Кок-Мойнок“, Иссык-Кульской области, 65-летний чабан Исмаил Джалбынов в течение 1942 и 1943 гг. не допустил в своей отаре из 1020 валухов ни одного случая падежа. Он дал сверх государственного задания более 17 тонн жирного мяса и более 1,5 тонны шерсти. Несколько премий-надбавок за сверхплановую сдачу продукции, составивших 51 345 рублей, получил в течение двух лет старый чабан. Старики обучали колхозную молодежь, передавая ей свой многолетний опыт, из личных запасов пополняли колхозные семенные фонды, вывозили своим личным тяглом удобрения, ремонтировали сбрую и т. д.

В годы Отечественной войны особенно ярко раскрылись народные таланты, инициатива масс; как никогда, быстро подхватывались новые, более совершенные методы труда, основанные на социалистическом соревновании и умелом владении техникой.

В 1942 г. на механическом заводе в г. Фрунзе родилось движение „тысячников“. „Тысячниками“ стали рабочие киргизы Зарлык Алымкулов, давший 12 норм, комсомолец Джусуб Мамбетов, выполнивший план на 1197%. Примеру передовиков в промышленности последовали колхозники, показавшие образцы самоотверженного труда.

Незабываемый пример вдохновляющей силы социалистического соревнования представляют собой договоры, заключенные рядом колхозов Киргизии с предприятиями города-героя Ленинграда. Колхозники артели им. Нариманова, Ошской области, заключили в дни блокады города договор с рабочими завода им. К. Либкнехта. Они обязались создать для рабочих дополнительные ресурсы питания, рабочие—дать значительное количество оборотной продукции сверх плана. Борясь за выполнение этого договора, колхоз им. Нариманова завоевал в 1943 г. первое место в Киргизии и отправил рабочим завода в подарок ва-

гон с овощами и фруктами, а завод выполнил 10-месячную программу на 103%. Колхоз „Кара-токой“ Баткенского района, Ошской области, соревнуясь в 1942 г. с ленинградским машиностроительным заводом им. Ленина, на 120% выполнил план урожайности хлебов и на 110% задание по развитию животноводства. Ленинградский завод им. Сталина, выполняя договор с колхозом им. Буденного, Иссык-Кульской области, выполнил летом 1942 г. программу на 102,5% и всю сверхплановую продукцию отправил на фронт, как подарок от колхоза им. Буденного. Со своей стороны колхоз перевыполнил план развития животноводства, увеличив поголовье овец на 3 тысячи против плана, отправил в подарок рабочим 20 т. картофеля, 10 кг меда, поставил на откорм 100 овец, посеял сверх плана 20 га различных культур. Осенью 1942 г. колхоз снял с сотен гектаров военный урожай—по 100—120 пудов пшеницы.

Передовые районы, передовые предприятия республики, умело используя свои ресурсы, добивались успехов и становились известными всей стране. Комбинат № 5, Фрунзенские инструментальный завод и мясокомбинат не раз получали переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны.

Тогуз-Тороуский район два года подряд удерживал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны за перевыполнение плана развития животноводства.

Успехи на трудовом фронте складывались из множества усилий рабочих и колхозников, стремившихся сделать более производительным свой труд. 50 женщин усердно занимались в школе нагорновских методов пахоты, организованной весной 1943 г. в колхозе им. Тельмана, Наукатского района, Ошской области, его председателем Мамбеталиевым. Работая большим серпом, колхозник артели „Сары-согот“, Токтогульского района, Джалал-Абадской области, Джетыген Супиев достиг рекордной выработки на ручной уборке урожая 1943 года. Он ежедневно косил по 1,5 га, вырабатывая 1250% нормы, и за 10 дней убрал с помощью жены, дочери и сына, вязавших снопы, 14 га пшеницы. Более 100 жнецов во всех 23 колхозах района, следуя его примеру, выполняли от 2 до 6 норм.

Показательная закладка силоса, организованная летом 1943 г. Алайским райкомом КП(б) Киргизии, способствовала распространению среди животноводов этого технического мероприятия. Вместе с тем, животноводы научились проводить подкормку скота, предотвратившую падеж. Так было поднято на более высокую техническую ступень животноводческое хозяйство района. Такие же новые приемы и методы работы стали особенно быстро осваиваться в самых различных отраслях хозяйства республики в годы Отечественной войны.

Отвечая на призыв товарища Сталина о мобилизации всех сил народа для разгрома врага, трудящиеся Киргизии приняли активное участие в создании финансовой и материальной базы

для побед Красной Армии, охотно отдавая государству свои личные сбережения, ценности, излишки продовольствия. В первые же месяцы войны широко развернулось движение по созданию народного фонда обороны, быстро начала осуществляться инициатива колхозников юга Киргизии, приступивших к посеву оборонных гектаров. По призыву колхоза „Кызыл-Аскер“, Ворошиловского района, передавшего Красной Армии 50 своих лучших лошадей, десятки колхозов республики подготовили и передали Красной Армии отличных коней. Эта подготовка коней сопровождалась сбором средств на изготовление седел, уздечек и всего остального кавалерийского снаряжения. Колхоз „Кызыл Аскер“, Кагановичского района, ежегодно передавал в Красную Армию выращенных им хороших коней, в основном для кавалерии. Количество коней, переданных этим колхозом в Красную Армию, составляет 25% его конского поголовья.

За годы войны колхозы Киргизии дали Красной Армии свыше 50 тысяч быстроногих коней, в том числе 14 тысяч—с полным боевым комплектом сбруи.

Патриоты Киргизии, как и всей страны, последовали благородному примеру Фераонта Головатого и с большим воодушевлением, по почину колхоза „Кызыл Аскер“, Ворошиловского района, приступили к сбору средств на строительство танков и другого вооружения для Красной Армии. Первым получил привет и благодарность от товарища Сталина коммунист-колхозник Джоро Джаныбаев из артели „Арал“, Кочкорского района, Тянь-Шаньской области, внесший 50 тысяч рублей на строительство танковой колонны „Колхозник Киргизии“. Быстро начало расти число крупных индивидуальных взносов в 50, 75, 100 и более тысяч рублей каждый: Насаркул Ахметов, председатель колхоза им. Кагановича, Ленинского района, Джалал-Абадской области, внес на строительство танков 100 тысяч рублей, старик-колхозник артели им. Ленина, Куршабского района, Ошской области, Ороз Кулматов—125 тысяч рублей.

Образцом высокого патриотизма в летописях Отечественной войны останется поступок пяти матерей фронтовиков—колхозниц Советского района, Ошской области, отдавших родине не только сыновей, но и все личные сбережения. 75-летняя Батыма Бегалиева из колхоза имени Сталина, мать 20 детей, внесла на строительство танков 55 тысяч рублей, Джидайм Джусувалиева из колхоза „1 мая“, мать 14 детей,—30 тысяч, Сурамбюбю Ибрагимова из колхоза им. Тельмана, мать 7 детей,—105 тысяч, Эркембюбю Кулмамбетова за колхоза им. Калинина—106 тысяч, Зулпу Умурзакова из колхоза им. Сталина, мать 8 детей, внесла 130 тысяч рублей. Патриотки получили личную благодарность от товарища Сталина.

За 4 года войны трудящиеся Киргизии внесли на строительство вооружения для Красной Армии 189 миллионов рублей

деньгами и 57,3 миллиона руб. облигациями государственных займов. Денежные взносы дополнялись сбором драгоценных металлов. Старатели рудника „Нарынкол“ внесли 1132 рубля золотом, старатели рудника „Мелик-Су“ 1314 рублей золотом. Киргизские женщины сдавали старинные национальные украшения: серебряные браслеты и кольца, ожерелья, подвески с бирюзой и т. д. Грозное оружие, построенное на средства трудящихся Киргизии,—танковые колонны, звенья боевых самолетов, артиллерийские батареи,—успешно использовалось на фронтах.

Крупный успех в Киргизии имели и другие формы участия населения в финансировании обороны страны, в особенности подписка на государственные займы. За время войны трудящиеся республики дали займам государству миллиард 47 млн. рублей, внесли по денежно-вещевым лотереям 156 млн. рублей.

С 1942 г. посевы сверх плана в фонд обороны стали традицией сотен колхозов. В 1943 г. посевы сверх плана в фонд обороны и помощи населению освобожденных районов составили свыше 8000 га.

Колхозники и колхозы Киргизии быстро подхватили почин сдачи скота и продуктов в особый фонд Главного Командования Красной Армии. 72-летний Мавлянкул Ысманов и мать фронтовика Наржан Бердыкулова из колхоза „Кызыл-Дехкан“, Караванского района, Джалал-Абадской области, сдали в этот фонд по 5 овец, по 14 кг масла, полушубку и телогрейке. Араванский район внес в особый фонд Главного командования 49 пудов масла и 206 пудов брынзы. Само выполнение государственного плана хлебозаготовок вылилось в мощную демонстрацию советского патриотизма. 1 сентября 1943 г. в г. Фрунзе из колхозов Ворошиловского района прибыл расный обоз из 400 подвод, доставивший 10 тысяч пудов сельхозпродуктов, в том числе много продуктов с индивидуальных огородов колхозников. 9 сентября было объявлено фронтовым днем красных обозов Фрунзенской обл. сти. В этот день было вывезено на государственные ссыпункты 1,5 тыс. тонн хлеба, свыше 2 тыс. тонн мяса и овощей, затем последовали всеобластные красные обозы в Тянь-Шаньской и других областях.

Свои чувства любви и благодарности к защитникам родины трудящиеся Киргизии выражали в непрерывном потоке подарков для Красной Армии. Эшелоны с подарками бойцам-фронтовикам шли к новому году, к годовщине Красной Армии, к Октябрьским праздникам и т. д. За годы войны трудящиеся республики отправили в подарок бойцам и офицерам Красной Армии свыше 70 вагонов различных продуктов и, кроме того, послали 38 тысяч индивидуальных посылок. Среди них подарки героическим защитникам Ленинграда, морякам подшефного линкора „Октябрьская революция“, славным землякам—бойцам и командирам 8-й гвардейской Панфиловской дивизии, Н-ской

авиадесантной дивизии и т. п. С большим подъемом колхозники, рабочие и служащие собирали и сдавали для подарков зерно, мясо, рис, сухофрукты, сливочное масло, мед, табак, вино, орехи и другие продукты, художественную и политическую литературу, музыкальные инструменты. Подарки и, в особенности, индивидуальные посылки сопровождались теплыми письмами к фронтовикам.

Неотъемлемой частью помощи фронту явился широко организованный в республике сбор теплых вещей, инициатором которого выступили рабочие механического завода им. Фрунзе. За период Отечественной войны трудящиеся Киргизии собрали, изготовили и отправили для Красной Армии свыше 550 тысяч теплых вещей: полушубков, валенок, ватных брюк, меховых жилетов, перчаток, варежек, носков и т. п.

Дружба и братство народов нашей страны нашли свое яркое воплощение в повсеместно развернувшейся помощи населению районов, освобожденных Красной Армией от немецко-фашистской оккупации. По призыву колхоза им. Карла Марса Кантского района, Фрунзенской области, сотни колхозов приступили к засеву сверхплановых гектаров и выделению скота в фонд помощи освобожденным районам. За несколько дней колхозники Ошской области, в ответ на этот призыв, сдали 33 коровы, 207 овец, 48 свиней, собрали семена для засева 159 га пшеницы и 70 га картофеля, внесли более 3 миллионов рублей деньгами. Колхозы и колхозники Киргизии безвозмездно передали для восстановления животноводства в освобожденных районах 20 тысяч лошадей, 10 тысяч голов крупного рогатого скота, 100 тысяч овец и коз.

Молодежь во многих колхозах не только собирала и сдавала зерно с засеянных ею сверх плановых гектаров, но и сдавала хлеб для освобожденных районов из своих личных запасов.

Значительная помощь освобожденным районам была оказана и семенным зерном. Только по одной Иссык-Кульской области в 1943 г. было собрано 950 пудов семенного зерна.

Особую заботу проявили трудящиеся Киргизии о населении городов-героев Ленинграда и Сталинграда. Сбор подарков трудящимся Ленинграда развернулся во всей республике, по инициативе колхоза „Ульгу“ Джеты-Огузского района. В тяжелые месяцы блокады—в феврале и в октябре 1942 года, в октябре 1943 г.—были отправлены эшелоны с подарками для трудящихся и защитников Ленинграда, всего—около 100 вагонов. В своем приветствии трудящимся Киргизии рабочие Ленинграда в 1942 году с благодарностью писали: „Ваш дар—не 50 вагонов,—500, 5000. Дары Киргизстана неисчислимы. Это резерв победы“.

600 комсомольцев—молодых юношей и девушек Киргизии добровольно отправились на строительные работы по восстановлению Сталинграда, среди них девушки-киргизки Фая Буралкее-

ва,—стахановка табачной фабрики, Токтобую Алыканова—колхозница Кантского района, и др. Комсомольцы и молодежь республики перечислили в фонд восстановления Сталинграда 865 тысяч рублей, посеяли 585 гектаров разных сельхозкультур, собрали свыше 20 тысяч книг.

Вниманием, уходом и лаской окружали трудящиеся Киргизии раненых бойцов, находившихся на излечении в госпиталях. Работницы, служащие, домохозяйки делали все для того, чтобы ускорить выздоровление раненых, заменить им близких людей. Они отдавали свою кровь нуждающимся в этом бойцам и офицерам. В одном лишь г. Фрунзе насчитывалась 1000 активных доноров. Колхозы и колхозники сдавали продукты в фонд „Здоровье защитников родины“.

Разнообразна и щедра забота о семьях фронтовиков. В фонд помощи семьям военнослужащих поступило от трудящихся республики свыше 16 млн. рублей, 123 363 пуда продовольствия, 11 тысяч голов скота, 145 тысяч предметов одежды и обуви.

С особой любовью помогали колхозники эвакуированным в Киргизию детям. Артели „Кызыл-Джилдыз“ и „Кызыл-Октябрь“ Тюпского района выделяли продукты, помогали в проведении весеннего сева и в снабжении семенами дома эвакуированных из Ленинграда детей, находившегося в сел. Курменты.

Идеи союза рабочего класса и крестьянства, как одного из крупнейших факторов непобедимости советского государства, глубоко проникли в сознание колхозного крестьянства Киргизии. В годы Отечественной войны оно с большой силой продемонстрировало жизненность этого союза, в широких размерах организовав продовольственную помощь рабочим промышленных предприятий и населению городов. Колхозы и колхозники республики продали им по твердым государственным ценам с начала войны и до марта 1943 г. более 200 тысяч пудов сельскохозяйственных продуктов.

Великая Отечественная война, мобилизовавшая все материальные ресурсы и творческие силы народа, не приостановила дальнейшего расцвета киргизской культуры. Просвещение, наука, искусство и литература, наполненные большим идейным содержанием, проникнутые благородной целью служения великому делу защиты Родины, продолжали неуклонно развиваться, обогащаясь новыми значительными достижениями.

Большое количество учителей ушло на фронт. Их заменили молодые учителя, подготовленные на курсах. Учительство Киргизии воспитывает детей в духе действенного советского патриотизма, так, как это делает учительница школы № 5 в г. Фрунзе Б. Кенджебаева. Она ходила сама в семьи фронтовиков, прислала к матери трех фронтовиков тимуровку Раю нанять ребят. Помощницей в семье одного героически погибшего политука стала воспитанная Кенджебаевой пионерка Джума-

бюю. Характерным явлением в жизни школ Киргизии является большой интерес учащихся к военному делу.

Серьезные успехи в годы войны были достигнуты в области развития научно-исследовательской работы. Свыше 20 научно-исследовательских институтов, опытных станций и лабораторий разрабатывали вопросы, связанные с обороной страны и дальнейшим развитием промышленности и сельского хозяйства республики.

В 1943 г. в Киргизии, при деятельном участии эвакуированных в г. Фрунзе институтов биологического отделения Академии наук СССР был создан штаб научной мысли—Киргизский филиал Академии наук СССР. В составе учреждений филиала имеются ныне 4 института: биологический, химический, геологический и институт языка, литературы и истории. Кроме того при филиале состоит ботанический сад, музей киргизской национальной культуры и музей природы. Среди научных работников филиала имеется уже группа ученых-киргизов, в том числе несколько первых кандидатов наук из киргизов. Филиал возглавляет лауреат Сталинской премии, академик К. И. Скрябин.

Филиал направил свою деятельность на разрешение задач, выдвинутых Отечественной войной. Большую помощь республике в этом же направлении оказали эвакуированные институты Академии наук: генетики, биохимии, физиологии растений, микробиологии, эволюционной морфологии, палеонтологии. 18 работников этих институтов за плодотворную работу по развитию народного хозяйства Киргизии, активное участие в организации филиала Академии наук, помощь в подготовке кадров из коренного населения были награждены почетными грамотами Верховного Совета республики. Успешно продолжали свою работу в дни войны и местные научные учреждения: институт животноводства, ветеринарная, селекционная и плодоовощная станции, институт эпидемиологии и другие.

Особенно плодотворно работала в военное время интеллигенция Киргизии в области развития искусства и литературы. Театрами Киргизии осуществлен ряд новых постановок разных жанров: драмы, комедии, оперы, балеты на темы Отечественной войны и героического прошлого киргизского народа. Лучшими из них являются драмы „Ант“ („Клятва“) А. Токомбаева—первая пьеса о героизме советских патриотов, и „Кара-туман“ („Черная туча“) К. Эшмамбетова—о единстве советских людей, борющихся против фашизма; первая киргизская опера на тему Отечественной войны „Патриоты“ А. Малдыбаева, В. Власова и В. Фере, пьеса „Курманбек“ К. Джантошева—героическая поэма о легендарном сыне киргизского народа, мужественно борющемся за его свободу и честь, опера „Манас“ по сюжету одноименного киргизского эпоса (либретто К. Маликова и А. Токомбаева, музыка А. Малдыбаева, В. Власова и В. Фере). На

сценах киргизских театров шли патриотические пьесы русских авторов—„Русские люди“ К. Симонова и „Суворов“ Соловьева.

Интенсивным творчеством отмечена деятельность композиторов Киргизии. Один только народный артист СССР А. Малдыбаев написал свыше 20 массовых патриотических песен, популярных в киргизском народе. Широко известные лирические песни на военные темы Д. Шералиева. Ряд крупных музыкальных произведений был создан композиторами В. Власовым, М. Раухвергером, П. Шубиным, В. Фере. Последний написал монументальную симфонию „Киргизстан“, финал которой посвящен Киргизии в дни Отечественной войны.

Творческая помощь русских композиторов способствовала выдвижению и росту молодых киргизских композиторов, таких как Мукаш Абдраев, Аскар Тюлеев и Ахмат Аманбаев. Киргизской Государственной Филармонией были созданы литературно-музыкальные композиции на оборонные и патриотические темы: „Комуз“ и „Дружба—вершина счастья“.

Работники искусства Киргизии проводили систематическую военно-шефскую работу. Более 2 тысяч концертов дали артисты театров и филармонии в частях местных гарнизонов и в госпиталях только за два с половиной года войны. Фронтовые бригады артистов, в которых приняло участие 85 человек, неоднократно выезжали на передовые линии фронта, где ими дано 1250 концертов. Многие из них награждены грамотами Верховного Совета Киргизской ССР, артисты К. Алиева, А. Исмаилова, К. Эралиева и С. Аймамбетов, проводившие около года на переднем крае обороны в рядах 8-й гвардейской Панфиловской дивизии и давшие там сотни концертов, награждены медалями „За боевые заслуги“. Киргизские девушки-артистки в промежутках между выступлениями чинили бойцам белье и одежду, а в горячие минуты боев под огнем помогали выносить и перевязывать раненых.

Киргизские писатели и поэты ответили на героические боевые подвиги и трудовой порыв народа созданием произведений, насыщенных большими патриотическими чувствами. Из-под их пера вышло много рассказов, очерков, пьес, стихов, песен, поэм. Наиболее значительны из произведений поэтического жанра, который является ведущим в киргизской литературе, сборники стихов А. Токомбаева „Вперед“ и „Земляк Манаса“, К. Маликова— „Кровь за кровь“, Д. Боконбаева „Песни шумкара“ и „Дорогая родина“, поэма М. Токобаева „Силу героев оценивает народ“; сборники стихов поэтов-фронтовиков: гвардии капитана Т. Уметалиева „Песни победы“, гвардии старшего лейтенанта Т. Шамшиева „Фронтовые песни“ и др. Стихи лучших поэтов вошли также в сборники „Москва“ и „Родина“. За годы войны вырос ряд молодых талантливых поэтов.

Большое влияние на политическое воспитание масс имеет

творчество народных поэтов-акынов, которые за время войны создали свыше 100 оборонных и антифашистских произведений. Среди них выдающееся место принадлежит Алымкулу Усенбаеву, издавшему сборники стихов „Присяга“ и „Сражающимся храбрецам“, а также Османкулу Булебалаеву и Калыку Акиеву.

Прозаическая линия в киргизской литературе продолжала плодотворно развиваться в рассказах Т. Сыдыкбекова, объединенных сборником „В дни войны“, в его работе над новым романом „Люди нашего времени“, в новеллах, очерках и рассказах А. Токомбаева, К. Маликова и других.

Интенсивный рост в период войны дала драматургия. Кроме названных выше, написаны драмы А. Токомбаева „Намыс“ („Честь“), А. Осмонова („Сердце гор“—о подвиге Героя Советского Союза Чолпонбая Тулебердиева, грудью закрывшего амбразуру вражеского дзота) и „Макаббат“ („Любовь“)—о жизни советского тыла, К. Джантошева „Упрямство Кобеш“ и др.

В произведениях киргизских поэтов и писателей с особой силой зазвучали мотивы дружбы народов, прочно скрепленной кровью на полях сражений Отечественной войны. Алымкул Усенбаев в песне, посвященной Ленинграду, произносит проникновенные слова:

О любовь моя, песня, родной Ленинград!
Я увидел тебя, словно беркуту рад,
Что парит в небесах, разрывая врагов.
Будь же славен, наш город, во веки веков!
Слушай, город, тебе я подарок дарю,
И как младший товарищ тебе говорю,
От киргизского сердца тебе говорю,
От звенящих арыков тебе говорю,
От полей плодоносных тебе говорю,
Говорю от заводов, от всех городов:
Будь бесстрашным и славным во веки веков!

Чувства бойцов-киргизов, освобождавших от врагов украинские земли, прекрасно выразил Кубанычбек Акаев:

...Вовек не забыть мне село в Поднепровье,
Где черная копоть на травы легла,
Где русская девушка крепко, с любовью,
Как брата родного, меня обняла.
Как будто с землячкою встретился снова,
Такая же точно, нежна и стройна,
Как девушка в наших горах Алатоо,
Прекрасней звезды лучезарной она.
...Киргиз я, но так же мне милы навеки,

Как там, в Алатоо, сады и поля,
Святой Украины дубравы и реки,
Люблю я тебя, изобилья земля!

Художники Киргизии, совместно с приехавшими в период эвакуации художниками Москвы и Ленинграда, развернули большую творческую работу. Они провели четыре республиканских выставки своих произведений на темы участия Киргизии в Отечественной войне, выставку „Героический Ленинград“ и несколько персональных выставок, широко организовали военно-шефскую работу, художественные выставки в колхозах, выпускали „Окна КирТАГа“. Скульпторы О. и А. Мануйловы, Эпштейн и Фрих-Хар и художник А. Могилевский создали первый в СССР памятник прославленному Герою Советского Союза генерал-майору И. В. Панфилову; заслуженным деятелем искусств С. Чуйковым написаны выдающиеся полотна „За родину“ (старуха-киргизка, провожающая сына на фронт) и „Благословение Джамбула“; известным киргизским художником, заслуженным деятелем искусств Г. Айтиевым написаны картины „Всеобщуч“ и „Письмо с фронта“. Художниками-графиками был подготовлен альбом, посвященный героической Панфиловской дивизии.

Интеллигенция Киргизии вдохновенно выполняла свой долг перед родиной, вместе с рабочими и колхозниками, со всем советским тылом работала, не покладая рук, для приближения победы над врагом.

Крепчайшая связь фронта и тыла в Великой Отечественной войне получала прекрасное подтверждение в многочисленных фактах, которыми изобилывала общественно-политическая деятельность Киргизии.

Поездки делегации трудящихся Киргизии на фронты Отечественной войны выливались в демонстрацию нерушимой дружбы народов нашей страны.

Систематический характер носили также приезды в Киргизию делегаций от частей действующей Красной Армии. В Киргизии побывали делегации 8-й Гвардейской имени Панфилова стрелковой дивизии, подшефного Киргизии корабля „Октябрьская революция“ и других частей Красной Армии. Нескончаемым потоком шли в Киргизию письма от боевых друзей. В республиканских газетах были опубликованы письма киргизскому народу от личного состава 8-й гвардейской дивизии, от бойцов и офицеров-киргизов Н-ской гвардейской дивизии, от партизан, действовавших в тылу противника в Ленинградской области, от моряков краснознаменной Балтики и т. д. В этих письмах защитники Родины благодарили киргизский народ и всех трудящихся республики за присланные подарки, любовь, заботу и самоотверженный труд. Письма о славных делах сынов киргизского народа, получавшиеся на их родине, служили стиму-

лом для новых трудовых подвигов земляков. Бывший член колхоза „Ак-Тепе“, Фрунзенского района, Ошской области, боец Ташбулат Сатыкулов в ожесточенных наступательных боях уничтожил более трех десятков гитлеровцев. Члены комсомольской организации колхоза, получив письмо от командования части с благодарностью за воспитание отважного бойца, заявили: „Не отстанем от нашего Ташбулата!“ Комсомольцы Турдыбаева, Мадалиева и др. начали выполнять по 2 нормы на всех уборочных работах. Колхоз в целом досрочно вывез зерно по плану хлебопоставок. Так патриоты Киргизии отвечали на успехи земляков-фронтовиков. Так ковалась победа над ненавистным врагом.

Самоотверженный труд патриотов Киргизии был высоко оценен правительством. За время войны 979 человек были награждены орденами и медалями СССР. 8020 стахановцев, работников искусства, ученых, военнослужащих были награждены почетными грамотами и грамотами Президиума Верховного Совета Киргизии.

Киргизский народ, в своих подвигах на фронте и в тылу возродивший героические традиции своих славных предков, пришел к победе свободолюбивого человечества над темными силами фашистского варварства и мракобесия с гордым сознанием того, что и он внес свой вклад в дело торжества прогресса и цивилизации.

* *
* *

1-го марта 1946 г. трудящиеся Советского Киргизстана торжественно отпраздновали 20-летний юбилей со дня образования Киргизской Советской Социалистической Республики—неотъемлемой части Великого Советского Союза.

815 100 трудящихся Киргизии подписали письмо великому вождю народов генералиссимусу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину, в котором говорится:

„Дорогой, родной наш отец Сталин! С берегов лазурного Иссык-Куля и цветущих долин Чу и Таласа, с полей солнечного юга нашей Республики и высокогорных аилов Тянь-Шаня мы шлем Вам от нас и наших детей низкий поклон, пожелание сил и здоровья на многие годы...

Глубоко взволнованные радостным событием в жизни нашей республики—днем ее 20-летия, полные безграничной любви к Вам, вдохновителю и организатору побед советского народа, мы подводим итоги достижениям, которых добились под знаменем Конституции победившего социализма—великого закона равноправия и дружбы народов Советского Союза.

Закон о дружбе золотой
Нам начертал великий Сталин,
И мы, могучи дружбой той,
Теперь непобедимы стали—

так выразил наши мысли и чувства народный поэт Киргизстана Алымкул.

И в этот торжественный день мы клянемся Вам, дорогой товарищ Сталин, беззаветно бороться за усиление мощи Союза Советских Социалистических Республик, свято блюсти Конституцию СССР, беречь и укреплять нерушимое единство народов нашей страны, развивать дружбу с великим русским народом.

Могучей движущей силой советского государства является руководимая Вами большевистская партия, партия Ленина—Сталина. Закаленная в героической борьбе против царского самодержавия и капиталистического строя, в гигантской организаторской работе за годы советской власти, партия большевиков сплотила советский народ в непреодолимую силу и привела нас к великой победе в Отечественной войне.

Клянемся Вам, товарищ Сталин, хранить непоколебимую верность коммунистической партии, приложить все свои силы для выполнения ее боевых заданий.

В исторической речи, произнесенной на собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Вы, товарищ Сталин, выдвинули перед всем советским народом величественные задачи нового пятилетнего плана—восстановить пострадавшие районы страны, восстановить, а затем превзойти довоенный уровень развития народного хозяйства, науки и культуры.

Клянемся Вам, товарищ Сталин, что мы приложим все свои силы для выполнения этих задач. Поможем братским республикам залечить раны войны, улучшим состояние нашего сельского хозяйства, животноводства и промышленности, добьемся дальнейших успехов в развитии народного хозяйства, науки и культуры Советского Киргизстана“.

СПИСОК

использованной литературы

Г л а в а

1. Берг Л. С. Природа СССР.
2. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. РСФСР.
3. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М. 1940 г.
4. Ярхо А. И. Киргизы. Сб. „За индустриализацию советского востока“. М. 1934 г.

Г л а в а

1. Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. Журн. „Живая старина“, 1894, в. III—IV.
2. Он же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Журн. „Живая старина“, 1896, в. III—IV.
3. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. Верный. 1898 г.
4. Он же. Киргизы. Исторический очерк. Фрунзе. 1942 г.
5. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе. 1941 г.
6. Он же. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе. 1942 г.
7. Он же. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942 г.
8. Валиханов Ч. Ч. Сочинения. Записки русского географ. об-ва по отделению этнографии. 1904 г. XXIX.
9. Восстание 1916 г. в Киргизии. Соцэкгиз. М. 1937 г.
10. Грум-Гржимайло Г. Е. Историческое прошлое Бей-Шаня в связи с историей Средней Азии. СПб, 1898 г.
11. Катанов Н. Этнографический обзор турецко-татарских племен. Казань, 1894 г.
12. Козьмин Н. Н. Хакасы. Иркутск. 1925 г.
13. Левшин А. Об имени киргиз-казакского народа и отличие его от подлинных или диких киргизов. Московский вестник, 1827 г. 4, № 16.

14. Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 г.). Памятная книжка Семиреченского областн. статист. комитета на 1898 г. Верный, 1898 г.

III г л а в а

1. Абрамзон С. М. Современное манапство в Киргизии. „Советская этнография“, 1931 г., 3—4.

2. Он же. Манапство и религия „Советская этнография“. 1932, № 2.

3. Он же. Творчество киргизского народа. Сб. „Советская этнография“. 1940 г. № 3.

4. Абрамов К. А. Записки о Каратигенском владении, составленная по расспросам. Известия Русск. Геогр. об-ва, 1870, т. VI.

5. „Алайская царица“. (Курманджан-датха) Газ. „Закаспийское обозрение“, 1902, № 124.

6. Андреев Ив. Из нашей жизни. Мерген-Дженавай. Газ. „Туркестанские ведомости“, 1913, № 51.

7. Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (северн. Фергана). Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. 1. Ташкент, 1928 г.

8. Он же. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент. 1928 г.

9. Аристов Н. Н. Наманганский округ Кокандского ханства (из показаний одного выходца в 1871 г.). Материалы для статистики Туркестанского края, 1873 г., т II.

10. Бардашев Г. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края, 1874 г., т. III.

11. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927 г.

12. Богданова М. Некоторые данные по классификации киргизского фольклора. Труды Киргизского филиала Академии Наук СССР, т. I, в. I. Фрунзе, 1943 г.

13. Валиханов Ч. В. Сочинения. Записки русского географического общества по отделению этнографии, 1904, XXIX.

14. Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве. Вестник географ. об-ва, 1856, XVIII, отд. 2.

15. Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. Записки русского географ. об-ва, 1861, IV.

16. Вышпольский В. Медико-топографические очерки Иссык-Кульского уезда (Пржевальского) Семиреченской области с описанием преобладающих болезней в зависимости от почвы, климата и бытовых условий среди населения уезда. Военно-медицинский журнал, 1895, X.

17. Гаврилов М. Ф. Киргизские скороговорки. Ташкент, 1927 г.

18. Он же. Орнамент киргиз Сусамыра. Ташкент, 1929 г.

19. Гедин Свен. В сердце Азии. Памир—Тибет—Восточный Туркестан, т. 1, СПб, 1899 г.

20. Гинс Г. К. В киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью). Исторический вестник. 1913, № 10.

21. Голубев А. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край. Записки Русского географического общества, 1861, III.

22. Готфрид Л. и Гафиз М. Красный флаг на крыше мира. Ташкент—Сталинабад. 1930.

23. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, 1. Юридический быт. Ташкент. 1889.

24. Громбчевский Б. Я. Доклад о путешествии в 1889-1890 гг. на Памир, в Раскем, Южную Кашгарию и Северо-Западную окраину Тибета. Известия Русского географического об-ва, 1891, XXVII, вып. 2.

25. Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки Припамирских стран. Известия географического об-ва, 1886, XXII, вып. 2.

26. Дмитриевский В. За-Дарьинский край. Географическо-статистические заметки. Газ. „Туркестанские ведомости“, 1871, № 43.

27. Дублицкий В. Н. Родословная таблица (кара) кыргызов, проживающих в Джетысуйской области, и краткая их история. Алма-Ата, 1923 г.

28. Дудин С. М. Ковровые изделия Средней Азии. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, 1928, VII.

29. Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. Сборник этнографических материалов Л. 1928. вып. 2.

30. Евреинов. Очерк Алайской долины. Сборник материалов по Азии. 1888, вып. 35.

31. Загряжский Г. С. Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи. Газ. „Туркест. ведомости“, 1874, №№ 25, 27—32.

32. Он же. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргизов. Материалы для статистики Туркестанского края, СПб, 1873, III.

33. Он же. Кара-киргизы. (Этнографический очерк). Газ. „Туркестанские ведомости“, 1874, №№ 41, 42, 44, 45.

34. Он же. Киргизские очерки. Аш, или тризна по умершим. Газ. „Туркестанские ведомости“, 1873, № 1.

35. Он же. Очерки Токмакского уезда. Газ. „Туркестанские ведомости“, 1873, №№ 9, 10.

36. Затаевич А. 260 киргизских инструментальных пьес и напевов. М. 1934 г.

37. Зеланд Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня (путевые записки). Записки Зап.-Сиб. отдела Русского географ. об-ва. 1887, IX.

38. Он же. Киргизы. Этнологический очерк. Записки Зап.-сиб. отдела Русского географического об-ва. 1885.

39. Иванов Д. Л. Охота на Памире. „Природа и охота“, 1885, 1.

40. Он же. Путешествие на Памир. Известия Русск. географ. об-ва, 1884, вып. 3.
41. Казанский К. К. Вблизи Памиров (путевые впечатления). Ташкент, 1892
42. Ковалев Е. П. Очерки быта кара-киргизов. Газ. „Туркест. ведомости“, 1895, № № 20, 21.
43. Он же. Убийство Боку Чалкадыкова (Очерки из быта кара-киргизов). Исторический вестник, 1907, № 9.
44. Колбасенко И. С. Киргизская колыбель. Несколько слов об уходе за детьми у киргизов. Протоколы Киевского акушерско-гинекологического об-ва. 1890, VI.
45. Корженевский Н. Л. В горах Петра Великого. Труды об-ва землеведения, III, СПб, 1914.
46. Он же. Киргизская свадьба. Газ. „Туркестанские ведомости“, 1913, № 41.
47. Он же. Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 г. Известия Туркест. отдела Русск. географ. об-ва. 1924, XVII.
48. Он же. Очерк Памира. Труды об-ва землеведения, II, СПб, 1909.
49. Он же. Поездка на Памир. Вахан и Шугнан в 1903 г. Труды об-ва землеведения, I. СПб, 1906.
50. Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Материалы для географии и статистики России. I-II, СПб, 1880.
51. Краевик. Алай и его обитатели. Газета „Туркестанские ведомости“, 1914 №№ 113-115.
52. Краснов А. Н. Очерк быта семиреченских киргиз. Известия русск. географ. об-ва, 1887, XXIII.
53. Он же. У подножья Хан-Тенгри. „Азиатская Россия“, М., 1910.
54. Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны. СПб, 1879.
55. Кушакевич А. Л. Аулы, урочища и кишлаки, в которых расположены зимовые стойбища кочевников Ходжентского уезда. Материалы для статистики Туркестанского края, 1872, I.
56. Кушнер (Кнышев) П. Горная Киргизия (социологическая разведка), М. 1929.
57. Он же. Манапство в горной Киргизии. „Революционный Восток“, 1927, № 2.
58. „Манас“. Киргизский народный эпос. М., 1941.
59. Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1916.
60. Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 г.). СПб, 1879.
61. Мушкетов И. В. Памир и Алай. „Живописная Россия“, т. X. Русская Средняя Азия СПб—Москва, 1885.
62. Муханов. Памирский район. Ташкент, 1912.

63. Наливкин В. Киргизы Наманганского уезда. Газ. „Туркестанские ведомости“, 1881, № 20, 21.
64. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Записки Русского географ. об-ва, 1849. III.
65. Ошанин Л. В. Материалы по антропологии Средней Азии. Киргизы южного побережья Иссык-Куля. Сборник „В. Бартольд“. Ташкент, 1927 г.
66. Погорельский П. и Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана, М. 1930.
67. Покровский Г. В. и Стогов Н. И. Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. Статистический обзор Ферганской области, 1911 г. (Приложение). Скобелев, 1914.
68. Поярков Ф. Джинны. Из области киргизских верований. „Этнографическое обозрение“, 1894, № 1.
69. Он же. Из области киргизских верований. „Этнографическое обозрение“, 1891, № 4.
70. Он же: Кара-киргизские легенды, сказки и верования. Памятная книжка Семиреческой области, 1900.
71. Радлов В. В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. Известия Русск. географ. об-ва.
72. Он же. Образцы народной литературы северных тюркских племен. V. Наречие дикокаменных киргизов. СПб, 1885.
73. Ромм А. Очерк истории изобразительного искусства Киргизской ССР, М.—Л. 1941.
74. Рындин М. В. Киргизский узор. Труды Киргизского филиала Академии наук СССР, т. 1, в. Фрунзе, 1943.
75. Салагаев К. Медный нос. Поверие. Газ. „Туркест. ведомости“, 1901, № 45.
76. Сведения о дикокаменных киргизах. Доставлены от генерал-губернатора Зап. Сибири. Записки русского географ. об-ва, 1861, V.
77. Северцев Н. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русск. географ. об-ва. СПб, 1873, VI.
78. Семенов П. П. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет в 1867 г. Вестник географ. об-ва, 1868, XXIII, отд. 2.
79. Ситняковский Н. Ф. Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области. Известия Туркест. отдела русск. географ. об-ва, 1900, II, вып. 1.
80. Смирнов Е. Т. Сыр-Дарьинская область, СПб, 1887.
81. С. О. В. Байга в Семиречьи (Малая Кебень). Газ. „Туркест. ведомости“, 1912, №№ 222—244.
82. Современный аул Средней Азии (социально-экономический очерк), в. VIII, Быстрореченская волость (Фрунзенского кантона Киргизской АССР), Ташкент, 1927.

83. То же. Вып. X. Загорная волость (Каракол-Нарынського округа Киргизской АССР), Ташкент, 1927.

84. Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк), вып. VII, Араванская волость (Ошского кантона Киргизской АССР), Ташкент, 1927.

85. Соколов А. О кара-киргизах. Газ. „Семиреченские областные ведомости“. 1910, №№ 53—58. —

86. Сыдыков А. С. Родовое деление киргиз. Сборник „В. В. Ертольду“. Ташкент, 1927.

87. Султан Кенисары Касымов в борьбе с кара-киргизами (1845—1846 годы). Газета „Русский Туркестан“, 1900, № 2.

88. Тагеев М. Л. Памирские киргизы. „Нива“, 1897. № 38.

89. Федоров Н. От Оша до Кашгара. Газ. „Туркест. ведомости“, 1900 №№ 55—58.

90. Фетисов А. Экскурсия на За-Нарынские горы в 1879 г. газ. „Туркестанские ведомости“, 1881, №№ 35, 37—39, 46, 51.

91. Фелькерзам А. „Старинные ковры Средней Азии, „Старые годы“, 1915, VI.

92. Фиельструп Ф. А. Исследования среди кара-киргиз. Этнографические экспедиции 1924—1925 гг. Л. 1926.

93. Он же. Свадебные жилища турецких народностей. Материалы по этнографии, т. III, вып. I. Л. 1926.

94. Хорошхин А. Байтук-батыр (рассказ из кара-киргизской жизни). Газ. „Туркест. ведомости“, 1872, № 43.

95. Чайковский А. Иссык-Кульский уезд в 1869—1871 гг. Газ. „Туркест. ведомости“, 1872, №№ 42, 44—46.

96. Чепелев В. Н. Киргизское народное изобразительное искусство. „Искусство“, 1939. № 5.

97. Шкапский О. А. Киргизы крестьяне (из жизни Семиречья). Изв. Русского географ. об-ва, 1905 г., вып. IV.

98. Он же. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. Сборник „Вопросы колонизации“, 1906, 1.

99. Шнитников В. Н. Поездка по Семиречью, Джаркентскому и Пржевальский уезды. Изв. Туркест. отдела русского географ. об-ва, 1915. XI, вып. 2. ч. I.

100. Шрейдер И. И. По окраине. Путевые очерки. СПб. 1893.

101. Шумилов В. О шаманстве у алайских киргиз. Газ. „Туркест. ведомости“, 1913, № 31.

102. Шукин И. С. Поездка в горы Наманганского уезда (Аль-Шань) летом 1914 г. „Землеведение“, 1915, I—II.

103. Эйдригевич Е. В. Козоводство и коза в Киргизии. Изд. — Казань. 1939.

104. Ювачев И. П. Курманджан-датха, каракиргизская царица Алая. Исторический вестник. 1907, № 12.

105. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М. 1940.

IV глава

1. Абрамзон С. М.—Творчество киргизского народа. Сб. „Советская этнография“, № 3. 1940.
2. Альманах „20 лет. Кирг. ССР“ (изд. союза сов. писателей Киргизии). 1946 г.
3. Бернштам А. Н.—Материалы по истории Отечественной войны. Вып. I. 1941 г. Фрунзе, 1943.
4. Боголюбов Н. С.—20 лет Советского Киргизстана „Со Киргизия“ I/III 1946 г.
5. Виноградов В. В.—Музыка Советской Киргизии. М. 1939.
6. Выставка изобразительного искусства Киргизской ССР (каталог). М.—Л. 1939.
7. „Известия“ КирФАН СССР. Вып. 1, 1944 г., вып. II—I. 1945 г.
8. Искусство Советской Киргизии М.—Л. 1939.
9. Киргизский музыкальный фольклор. М.—Л. 1939.
10. Культура и искусство киргизского народа. Фрунзе, 1939.
11. Ромм А. Очерк истории изобразительного искусства Киргизской ССР. М.—Л., 1941 г.
12. Самарин Г. А.—Песни киргизского народа о Великой Отечественной войне. Сб. в честь 40-летия научной и общественной деятельности акад. К. И. Скрябина. Изд. КирФАН СССР. Фрунзе, 1945 г.
13. Сборник „15 лет Кирг. ССР“. Фрунзе 1941 г.
14. „Советская Киргизия“. Газета № 38 (5645) за 22 февраля 1946 г. „Двадцать лет со дня образования Кирг. ССР“—(в помощь агитаторам и пропагандистам) и № 43 (5650)—юбилейная за 1-е марта 1946 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Предисловие	3
I. Общие сведения	7
II. Краткие исторические данные	14
III. Культура киргизов перед Великой Октябрьской социалистической революцией.	26
IV. Пути развития киргизской культуры после Великой Октябрьской социалистической революции.	67
V. Киргизия и ее культура в годы Великой Отечественной войны	96
Список использованной литературы.	116

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

стран.	строка	Напечатано	Следует читать
5	21 сверху	произведенных работни- ками	произведенных квалифи- цированными работника- ми
24	5 снизу	арендовывали	арендовали
25	10 сверху	Дукчин-шана	Дукчи-ипшана
28	5 снизу	колонильная	колоннальная
48	16 сверху	общины	общинный
49	11 снизу	своей	всей
58	16 снизу	после Октябрьской	послеоктябрьской
62	3 сверху	тела животных	тела и частей животных
64	1 снизу	космогических	космогонических
65	9 сверху	джол...джолу	жол...жолу
73	12 снизу	считавшихся ранее не- доступными скалами	в считавшихся ранее не- доступными скалах
81	9 снизу	народно-хозяйственной	народно-хозяйственного
87	1 сверху	своего	всего
87	7 "	внешнее отмирание	внешнее выражение в отмирании
99	11 снизу	Абадского	Джалал-Абадского
108	18 сверху	Карла Марса	Карла Маркса
122	3 сверху	„20 лет Киргизской ССР“	„Киргизстана“